

**Вестник Южно-Российского
государственного технического
университета (НПИ).**

**Серия:
Социально-экономические
науки**

**Bulletin
of the South Russian
State Technical
University (NPI).
Series:
Socio-Economic Sciences**

Научный журнал

2021 год Том 14 Выпуск 2

«Социально-демографический потенциал российской молодежи»

Учредитель и издатель

Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ)
имени М.И. Платова,
г. Новочеркасск, Россия

Главный редактор

Воденко Константин Викторович,
доктор философских наук, профессор
vodenkok@mail.ru

Издание зарегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ №ФС 77-37943

Издается с 2008 года
Выходит 6 раз в год

Издание включено в систему Российского
индекса научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включён ВАК при Минобрнауки
РФ в Перечень российских рецензируемых
научных журналов, в которых должны быть
опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук

Подписной индекс в каталоге агентства
«Пресса России» — 10228

ISSN 2075-2067

Ответственный секретарь
И. И. Сальникова

Верстка и редакция
В. Г. Рыжкова

Адрес редакции и издателя
346428, Россия, Ростовская обл.,
г. Новочеркасск, ул. Просвещения, д. 132
vestnik-npi@yandex.ru

Подписано в печать 10.04.2021 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Воденко Константин Викторович, доктор философских наук, профессор, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия (главный редактор);

Архипова Марина Юрьевна, доктор экономических наук, профессор, Высшая школа экономики, Москва, Россия;

Ван Лэй, PhD, Чаньчуньский инженерно-технологический институт, Чанчунь, Китай;

Волков Юрий Григорьевич, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Голенко-Гинзбург Дмитрий Исаакович, доктор технических наук, профессор, Университет имени Бен-Гуриона провинции Негев, Беер-Шева, Израиль;

Дергачева Елена Александровна, доктор философских наук, доцент, профессор РАН, Брянский государственный технический университет, Брянск, Россия;

Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Иванченко Ольга Сергеевна, кандидат социологических наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия (зам. главного редактора);

Ивушкина Елена Борисовна, Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Карстен Флэйшер, Dr.-Ing., Университет прикладных наук Южной Вестфалии, Хаген, Германия;

Ковалев Виталий Владимирович, доктор социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Комиссарова Мария Анатольевна, доктор экономических наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Мемпель-Снежик Анна, PhD, Вроцлавский экономический университет, Вроцлав, Польша;

Нижегородцев Роберт Михайлович, доктор экономических наук, доцент, Института проблем управления РАН, Москва, Россия;

Осмонова Нургул Исраиловна, доктор философских наук, профессор, Российско-Киргизский славянский университет, Бишкек, Киргизия;

Попкова Елена Геннадьевна, доктор экономических наук, профессор, Институт научных коммуникаций, Волгоград, Россия; Российский экономический университет имени В. Г. Плеханова, Москва, Россия;

Почтовюк Андрей Борисович, доктор экономических наук, профессор, Кременчугский национальный университет имени Михаила Остроградского, Кременчуг, Украина;

Ростовская Тамара Керимовна, доктор социологических наук, профессор, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Московский государственный социальный университет, Москва, Россия;

Рязанцев Сергей Васильевич, член-корреспондент РАН, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия;

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия;

Силантьева Маргарита Вениаминовна, доктор философских наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Москва, Россия;

Скорик Александр Павлович, доктор философских наук, профессор, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Сорвиоров Борис Владимирович, д. э. н., профессор, Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Гомель, Белоруссия;

Степан Каван, PhD, Университет Южной Богемии в Ческе-Будеевице, Ческе-Будеевице, Чехия;

Сухарев Олег Сергеевич, доктор экономических наук, профессор, Институт экономики РАН, Москва, Россия;

Тихоновская Светлана Александровна, кандидат экономических наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Череповицын Алексей Евгеньевич, доктор экономических наук, профессор, Санкт-Петербургский горный университет, Санкт-Петербург, Россия;

Черных Сергей Сергеевич, доктор философских наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Щербакова Лидия Ильинична, доктор социологических наук, профессор, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Юлиус Раманаускас, Dr. hab., Университет имени А. Стуглинскаса, Каунас, Литва;

Сальникова Инна Ивановна, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия (ответственный секретарь).

ВЕСТНИК ЮЖНО-РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (НПИ) СЕРИЯ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

2021 год Том 14 Выпуск 2

«Социально-демографический потенциал российской молодежи»

Содержание

Contents

Колонка главного редактора	Editor-in-chief's Column
Воденко К. В. К читателям.....5	Vodenko K. V. To the Readers.....5
Рязанцев С. В., Иванова А. Е., Архангельский В. Н. Усиление депопуляции в России в контексте пандемии COVID-19: региональные особенности.....7	Ryazantsev S. V., Ivanova A. E., Arkhangelsky V. N. Increasing Depopulation in Russia in the Context of the COVID-19 Pandemic: Regional Features.....7
Багирова А. П. Ресурсы российской пронаталистской политики: классификация и методические принципы исследования.....21	Bagirova A. P. Resources of the Russian Pronatalist Policy: Classification and Methodological Principles of Research.....21
Великая Н. М., Шушпанова И. С. Российская молодежь о перспективах и образах будущего социально- политического развития страны.....29	Velikaya N. M., Shushpanova I. S. Russian Youth About Prospects and Images of the Future Socio-Political Development of the Country.....29
Воробьева О. Д., Лебедева Т. В. Демографические знания, профессия демограф, эффективность демографической политики.....41	Vorob'yeva O. D., Lebedeva T. V. Demographic Knowledge, Profession Demographer, Effectiveness of Demographic Policy.....41
Иванченко О. С. Молодые ученые в России: социально-	Ivanchenko O. S. Young Scientists in Russia: Socio-

демографическая структура и оценка социально-профессиональных аспектов.....	50	Demographic Structure and Assessment of Socio-Professional Aspects.....	50
Ивченков С. Г., Ивченкова М. С. Социально-экономический контент репродуктивного самоопределения молодежи.....	63	Ivchenkov S. G., Ivchenkova M. S. Social and Economic Content of the Youth Reproductive Self-Identification.....	63
Ильдарханова Ч. И., Гневашева В. А. Семейный тезаурус молодых мужчин.....	72	Ildarhanova Ch. I., Gnevasheva V. A. Family Thesaurus of Young Men.....	72
Каменева Т. Н., Чанкова Е. В. Социокультурные составляющие отношения молодежи к здоровью в условиях пандемии.....	83	Kameneva T. N., Chankova E. V. Sociocultural Components of the Youth's Attitude to Health in the Context of a Pandemic.....	83
Кучмаева О. В., Золотарева О. А., Гуляев С. Б. Современная российская молодежь: ценностные аспекты реализации репродуктивных намерений.....	92	Kuchmaeva O. V., Zolotareva O. A., Gulyaev S. B. Modern Russian Youth: Reproductive Intentions and Assessment of the Possibilities of Their Implementation.....	92
Левашов В. К., Гребняк О. В., Новоженина О. П. Образы будущего в сознании российской молодежи: ценностные ориентации, цифровые инновации и социально-политические ожидания.....	104	Levashov V. K., Grebnyak O. V., Novozhenina O. P. Images of the Future in the Consciousness of Russian Youth: Value Orientations, Digital Innovation and Socio-Political Expectations.....	104
Ростовская Т. К., Князькова Е. А. Репродуктивные установки в российском обществе: по данным всероссийского социологического исследования.....	121	Rostovskaya T. K., Knyazkova E. A. Reproductive Attitudes in Russian Society: According to the All-Russian Sociological Research.....	121
Семенова В. Г., Вангородская С. А. Потери российской молодежи в контексте поведенческих факторов риска в 2000-е годы.....	130	Semyonova V. G., Vangorodskaya S. A. Losses of Russian Youth in the Context of Behavioral Risk Factors in the 2000s.....	130
Тимиргалеева Р. Р., Горбунова Н. В., Гришин И. Ю. Управление развитием цифрового потенциала молодежи на основе конвергенции технологий менеджмента, образования и информационно-коммуникационных технологий.....	142	Timirgaleeva R. R., Gorbunova N. V., Grishin I. Y. Managing Youth Digital Potential Development Based on the Convergence of Management Technologies, Education and Information and Communication Technologies.....	142
Чигрин В. А., Зоткин А. А., Узунов В. В. Влияние пандемии коронавируса на социально-демографический потенциал крымской молодежи.....	149	Chigrin V. A., Zotkin A. A., Uzunov V. V. Impact of the Coronavirus Pandemic on the Socio-Demographic Potential of Crimean Youth.....	149

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

К ЧИТАТЕЛЯМ

Уважаемые читатели, коллеги!

Вашему вниманию предлагается второй номер журнала «Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки» в 2021 году. Данный номер подготовлен в форме специального тематического выпуска и называется «Социально-демографический потенциал российской молодежи». В нем представлены статьи, которые освещают результаты исследования состояния и тенденций демографического развития страны, анализа различных концептуальных подходов к семейной и демографической политике. Узловыми представляются предложения новых рекомендаций по повышению эффективности реализации социально-демографической политики, повышению качества человеческого капитала в России.

Данный специальный выпуск — результат тесного взаимодействия Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, возглавляемого членом-корреспондентом РАН С. В. Рязанцевым, и Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова как учредителя и издателя нашего научного журнала.

Актуальность специального выпуска определена национальными целями, сформулированными Президентом Российской Федерации В. В. Путиным на период до 2030 года, в соответствии с которыми во главу угла стратегического развития страны поставлены демографические приоритеты, в первую очередь связанные с обеспечением роста численности населения страны, увеличением ожидаемой продолжительности жизни и улучшением самосохранительного поведения россиян.

В материалах авторов приводятся оценки данных текущего учета рождаемости, смертности и миграции и формулируются заключения о необходимости разработки новых мер демографической и миграционной политики, которые помогут компенсировать сокращение численности населения в России в условиях второй волны депопуляции, усугубленной пандемией COVID-19.

В статьях находит отражение накопленный разнообразный эмпирически ценный материал, осмысление которого в сопоставительном ключе способно

существенно обогатить представления о закономерностях развития демографических процессов в обществе, социальных трансформациях и изменениях возрастной структуры населения. Особое внимание уделяется вопросам молодежи и молодежной политики.

Хотелось бы выразить слова искренней благодарности идейному вдохновителю и непосредственному участнику подготовки и редактирования данного специального выпуска — Т.К. Ростовской, доктору социологических наук, профессору, заместителю директора Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. Также благодарим всех коллег — авторов статей данного проекта за представленный актуальные и высокопрофессиональные материалы.

Надеемся, что изучение статей номера доставит читателям интеллектуальное удовлетворение. Хотелось бы пожелать всем здоровья и успехов научном творчестве.

*Главный редактор журнала
«Вестник Южно-Российского государственного
технического университета (НПИ).
Серия: Социально-экономические науки»
профессор К. В. Воденко*

УДК 314.1

10.17213/2075-2067-2021-2-7-20

УСИЛЕНИЕ ДЕПОПУЛЯЦИИ В РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ПАНДЕМИИ COVID-19: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ¹

© 2021 г. С. В. Рязанцев, А. Е. Иванова, В. Н. Архангельский

*Институт демографических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
г. Москва, Россия*

Цель исследования. В статье рассматривается демографическая ситуация в России в 2020 году в контексте второй волны депопуляции, усугубленной пандемией COVID-19.

Методы исследования включают анализ и расчеты данных текущего учета рождаемости, смертности и миграции на основе сведений Федеральной службы государственной статистики, органов ЗАГС города Москвы, а также Главного управления по вопросам миграции МВД России.

Результаты исследования. Пандемия COVID-19 стала новым фактором депопуляции в России, прежде всего, из-за роста смертности и снижения миграционной мобильности населения. Новая волна депопуляции в России происходит под двойным давлением: с одной стороны, это традиционные факторы изменения демографических тенденций, а с другой — экстремальное действие фактора пандемии COVID-19. В результате избыточной смертности в 2020 году на фоне пандемии прервался длительный позитивный тренд роста продолжительности жизни в России, который сохранялся даже в кризисные периоды 2008–2009 годов и после 2014 года. Основной вклад в снижение общих показателей рождаемости вносят изменения в половозрастной структуре населения — в активный репродуктивный возраст входят малочисленные поколения родившихся в 1990-е годы. Динамика показателей рождаемости существенно различается по очередности рождения, имеет влияние структурного фактора. Благоприятная динамика численности женщин репродуктивного возраста имеет место в возрастах за 35 лет (число родившихся в России возросло до 1987 года), в которых доля третьих и последующих рождений существенно выше, чем у более молодых женщин. В современных условиях России надо искать выход в усилении вклада миграционной компоненты в демографическую динамику. Прежде всего, необходимо увеличение реэмиграции русских из стран бывшего СССР.

Перспективы исследования. Вторая волна депопуляции требует разработки новых мер демографической и миграционной политики, которые помогут компенсировать сокращение численности населения в России. Для выхода из второй волны депопуляции требуется научно обоснованная национальная демографическая программа.

Ключевые слова: демографическая ситуация; депопуляция; демографическая политика; пандемия COVID-19; рождаемость; смертность; миграция; численность населения.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Тюменской области в рамках научного проекта № 20-411-720005.

INCREASING DEPOPULATION IN RUSSIA IN THE CONTEXT OF THE COVID-19 PANDEMIC: REGIONAL FEATURES

© 2021 S. V. Ryazantsev, A. E. Ivanova, V. N. Arkhangelsky

*Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

The purpose of the study. *The article examines the demographic situation in Russia in 2020 in the context of the second wave of depopulation, aggravated by the COVID-19 pandemic.*

The research methods *include the analysis and calculation of data on the current registration of births, deaths and migration on the basis of data from the Federal State Statistics Service, the Civil Registry Office of the City of Moscow, as well as the Main Department for Migration of the Ministry of Internal Affairs of Russia.*

The results of the study. *The COVID-19 pandemic has become a new factor of depopulation in Russia, primarily due to an increase in mortality and a decrease in migration mobility of the population. The new wave of depopulation in Russia is under double pressure: on the one hand, these are traditional factors of changing demographic trends, and on the other hand, the extreme effect of the COVID-19 pandemic factor. As a result of excessive mortality in 2020, against the background of the pandemic, the long-term positive trend of life expectancy growth in Russia was interrupted, which persisted even during the crisis periods of 2008–2009 and after 2014. The main contribution to the decline in the overall birth rate is made by changes in the gender and age structure of the population — the active reproductive age includes small generations born in the 1990s. The dynamics of birth rates significantly differ in the order of birth, has the influence of a structural factor. A favorable trend in the number of women of reproductive age occurs at the age of 35 (the number of births in Russia increased until 1987), in which the proportion of third and subsequent births is significantly higher than that of younger women. In the modern conditions of Russia, it is necessary to look for a way out in strengthening the contribution of the migration component to the demographic dynamics. First of all, it is necessary to increase the re-emigration of Russians from the countries of the former USSR.*

Research prospects. *The second wave of depopulation requires the development of new demographic and migration policies that will help compensate for the decline in the population in Russia. To get out of the second wave of depopulation, a science based national demographic program is required.*

Key words: *demographic situation; depopulation; demographic policy; COVID-19 pandemic; birth rate; mortality; migration; population size.*

Введение. На фоне пандемии COVID-19 демографическая ситуация в России снова ухудшилась. За 2020 год, по предварительной оценке, которую дает Росстат, численность населения страны сократилась на 510 тыс. человек. Данное сокращение является самым значительным за последнее десятилетие, которое в демографическом отношении было относительно благополучным в России. На начало 2021 года, по предваритель-

ной оценке Росстат, численность населения страны составила 146,2 млн. человек. В современных условиях остро встает вопрос мониторинга демографических последствий пандемии, расчета вклада COVID-19 в усугубление депопуляции новой (второй) волны депопуляции в России.

Понятие «депопуляция» характеризует стабильное сокращение численности населения, которое в свою очередь обусловлено

падением рождаемости из-за трансформации института семьи и изменения ценностных установок на детей. В результате в стране не обеспечивается даже простое воспроизводство населения (2,14–2,15 ребенка на одну женщину репродуктивного возраста). Как правило, депопуляция сопровождается сокращением численности населения. На протяжении долгого периода (с 1993 по 2008 годы) в Российской Федерации отмечались негативные демографические тенденции: сокращалась численность населения, возрастала смертность, снижалась рождаемость. При этом миграционный прирост в России был практически всегда весьма значительным, но не мог компенсировать потери естественной убыли населения в стране.

Реализация мер демографической политики, которая началась в 2006–2007 годах, помогла отчасти стабилизировать ситуацию, и Россия вышла на позитивную демографическую динамику к 2008 году, когда общий прирост населения стал нулевым и затем положительным (что обеспечивалось исключительно за счет миграции). В 2013 году естественный прирост был положительным и составлял 22,9 тыс. человек: число родившихся (1901,2 тыс. чел.) впервые за многие годы превысило число умерших (1878,3 тыс. человек), т.е. депопуляция в России была приостановлена в 2013–2015 годах. Однако в 2016 году Россия вступила в новую депопуляцию («вторую волну депопуляции») в 2016 году. Именно в этом году была отмечена естественная убыль населения в объеме 2,3 тыс. человек, в то время как в предыдущие годы отмечался естественный прирост населения. Далее «ма-

ховик» естественной убыли населения стал раскручиваться: в 2017 году она была 134,4, в 2018 году — 218,4, в 2019 году — 316 тыс. человек. Нами предложен и обоснован термин «вторая волна депопуляции» как характеристика демографического развития российского общества с 2016 года [1].

Данный этап характеризуется новым витком сокращения рождаемости по причинам углубления негативных изменений возрастной структуры населения и исчерпания резервов рождаемости, обусловленных импульсом воздействием мер материнского капитала (с 2007 года), позволившим многим российским семьям реализовать отложенные рождения. Пандемия COVID-19 стала новым фактором депопуляции в России, прежде всего, из-за роста смертности и снижения миграционной мобильности населения. Новая волна депопуляции в России происходит под двойным давлением: с одной стороны, это традиционные факторы изменения демографических тенденций, а с другой — экстремальное действие фактора пандемии COVID-19.

Смертность и продолжительность жизни. В 2020 году число умерших превысило 2,1 млн. человек, т.е. показатель вернулся к уровню 1993 года. Избыточная смертность в России в 2020 году составила около 324 тыс. человек (на 18% больше, чем в 2019 году). Более трети этих потерь связаны с коронавирусной инфекцией прямо или косвенно. Официальная смертность от COVID-19 в России за время пандемии составила 116 тыс. человек (табл. 1).

Таблица 1

Показатели демографического развития России в 2016–2020 годы, тыс. человек²

	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Число родившихся	1888,7	1690,3	1604,3	1481,1	1435,7
Число умерших	1891	1826,1	1828,9	1798,3	2124,5
Естественная убыль	–2,3	–135,8	–224,6	–317,2	–688,7
Миграционный прирост	261,9	211,8	124,8	285,1	106,4
Общий прирост населения	259,6	76	–99,7	–32,1	–582,3
Численность населения на начало года	146 545	146 804	146 880	146 794	146 745

2 Источник: данные Федеральной службы государственной статистики.

Таблица 2

Региональное распределение избыточной смертности в России в 2020 году по сравнению с 2019 годом и потерь, обусловленных COVID-19, в апреле-декабре 2020 года

Регионы РФ	Прирост числа умерших в 2020 г. в сравнении с 2019 г.		Число умерших от COVID-19	
	Абсолютное число	%	Абсолютное число	% к избыточным потерям
Российская Федерация	323802	18	117492	36,3
Алтайский край	5054	15,4	1538	30,4
Амурская область	1589	14,3	643	40,5
Архангельская область	1716	11,5	1433	83,5
Астраханская область	2150	18,8	877	40,8
Белгородская область	3165	15,3	456	14,4
Брянская область	2501	14,2	286	11,4
Владимирская область	3309	15,5	721	21,8
Волгоградская область	6262	19,1	1078	17,2
Вологодская область	1484	9	738	49,7
Воронежская область	5254	16	1828	34,8
г. Москва	28233	23,3	21873	77,5
г. Санкт-Петербург	13558	22,9	10863	80,1
г. Севастополь	431	7,4	232	53,8
Еврейская АО	219	9,6	147	67,1
Забайкальский край	1137	8,6	703	61,8
Ивановская область	1696	10,7	1107	65,3
Иркутская область	4017	12,7	2235	55,6
Кабардино-Балкарская Республика	1482	20,8	295	19,9
Калининградская область	1303	10,9	801	61,5
Калужская область	2509	17,1	428	17,1
Камчатский край	503	14,5	300	59,6
Карачаево-Черкесская Республика	729	17,3	174	23,9
Кемеровская область	4767	12,5	996	20,9
Кировская область	2864	15,8	720	25,1
Костромская область	1096	11,7	364	33,2
Краснодарский край	10966	15,7	2068	18,9
Красноярский край	5184	14,7	2492	48,1
Курганская область	1557	12,2	525	33,7
Курская область	2428	14,6	436	18
Ленинградская область	4568	19,5	300	6,6
Липецкая область	3759	23	257	6,8

Продолжение таблицы 2

Магаданская область	131	8,1	71	54,2
Московская область	20303	22,2	12504	61,6
Мурманская область	1463	17,3	775	53
Нижегородская область	8149	17,4	2975	36,5
Новгородская область	975	9,9	239	24,5
Новосибирская область	6951	19,5	2478	35,6
Омская область	5335	21,8	2497	46,8
Оренбургская область	6018	23,5	1181	19,6
Орловская область	1881	16,6	1011	53,7
Пензенская область	4272	23,2	615	14,4
Пермский край	5683	16,5	2344	41,2
Приморский край	3107	12,1	987	31,8
Псковская область	1197	11,3	168	14
Республика Адыгея	413	7,3	141	34,1
Республика Алтай	261	11,7	148	56,7
Республика Башкортостан	10649	21,6	158	1,5
Республика Бурятия	736	6,8	606	82,3
Республика Дагестан	4930	34	1123	22,8
Республика Ингушетия	426	29,1	109	25,6
Республика Калмыкия	436	17	284	65,1
Республика Карелия	1273	14,5	409	32,1
Республика Коми	1073	10,8	708	66
Республика Крым	3797	14,2	818	21,5
Республика Марий Эл	1526	18,6	144	9,4
Республика Мордовия	2397	22,9	205	8,6
Республика Саха (Якутия)	1345	17,7	701	52,1
Республика Северная Осетия-Алания	1141	15,8	155	13,6
Республика Татарстан	11585	27,1	562	4,9
Республика Тыва	306	11,3	212	69,3
Республика Хакасия	765	11,5	490	64,1
Ростовская область	8371	15	3332	39,8
Рязанская область	2930	17,4	177	6
Самарская область	10596	25,1	1268	12
Саратовская область	6125	18,3	1009	16,5
Сахалинская область	581	9,6	56	9,6
Свердловская область	9814	17	4702	47,9
Смоленская область	1675	11,8	524	31,3
Ставропольский край	4657	14,8	1058	22,7
Тамбовская область	2568	16,9	608	23,7

Окончание таблицы 2

Тверская область	2498	12,1	1420	56,8
Томская область	2227	18,5	395	17,7
Тульская область	3830	16,4	1110	29
Тюменская область без АО	2602	16,1	441	16,9
Удмуртская Республика	3189	17,8	1419	44,5
Ульяновская область	3537	20,7	1535	43,4
Хабаровский край	2610	14,8	1616	61,9
Ханты-Мансийский АО	2682	26,5	903	33,7
Челябинская область	9258	20,3	2296	24,8
Чеченская Республика	2831	44,5	166	5,9
Чувашская Республика (Чувашия)	3488	22,9	777	22,3
Чукотский АО	66	14,5	7	10,6
Ямало-Ненецкий АО	734	28,8	402	54,8
Ярославская область	2919	15,8	539	18,5

В 2020 году во всех регионах России наблюдался рост числа умерших по сравнению с 2019 годом, но темпы различались. Минимальный рост числа умерших был отмечен в Бурятии, Адыгее и Севастополе, где потери выросли на 6,8%, 7,3%, 7,4% соответственно, максимальный — в национальных республиках Северного Кавказа (на 29,1% в Ингушетии, 34% в Дагестане, 44,5% в Чечне) (табл. 2).

Исследование тенденций смертности во время пандемии показало несколько особенностей:

- во-первых, в методическом плане учет потерь от эпидемии должен базироваться на суммарном числе умерших от коронавируса с диагнозом COVID-19 как первоначальная и сопутствующая причина смерти;

- во-вторых, с высокой степенью вероятности имеет место недоучет потерь от COVID-19 за счет первого квартала 2020 г., особенно марта;

- в-третьих, не выявлено сколько-нибудь значимой связи избыточной смертности, обусловленной COVID-19, в российских регионах с географическими, социально-экономическими, этногенетическими факторами;

- в-четвертых, основными факторами, определившими потери регионов от COVID-19, явились комплексные профи-

лактические мероприятия, скорее, социального характера (от численности населения в соотношении к возможностям служб здравоохранения в экстраординарных условиях до социально-экономических позиций региона, позволявших оперативно решать возникающие задачи).

В результате избыточной смертности в 2020 году на фоне пандемии прервался длительный позитивный тренд роста продолжительности жизни в России, который сохранялся даже в кризисные периоды 2008–2009 годов и после 2014 года. По предварительной оценке, ожидаемая продолжительность жизни населения России по итогам 2020 года снизилась до 71,1 года против 73,3 года в 2019 году, то есть более чем на два года.

Оперативная оценка свидетельствует, что глубина потерь продолжительности жизни будет довольно значительной, особенно для территорий с высоким приростом избыточной смертности. Наиболее показательна Москва. Оценка, по предварительным данным текущей статистики органов ЗАГС Москвы, говорит о примерном сокращении ожидаемой продолжительности жизни мужчин в столице на 1,6 года (с 74,8 лет в 2019 году до 73,2 лет в 2020 году) и на 1,4 лет — у женщин (с 81,6 до 80,2 лет соответственно). В отличие от кризисных социально-экономических периодов,

в которые потери продолжительности жизни мужчин всегда оказываются существенно больше, пандемия вызвала практически одинаковый спад у мужчин и женщин.

Соотношение возрастных уровней смертности в 2020 и 2019 годах позволит выявить наиболее пострадавшие группы населения, в которых смертность возросла, а также оценить возрастной профиль увеличения смертности. В наибольшей степени пострадали лица пожилых и старческих возрастов, страдавшие хроническими заболеваниями, для которых присоединение инфекции существенно усилило и ускорило риск летального исхода.

Данные по Москве подтверждают эти наблюдения (рис. 1). Максимальный прирост смертности зафиксирован в возрастных группах старше 80 лет. Заметный прирост смертности среди детей 10–14 лет и молодежи 25–29 лет. Детская смертность в Москве существенно снизилась. В отношении младенческой смертности эффект связан с резким снижением доли рождений у иногородних, которая в 2019 г. превышала уже четверть всех рождений в столице. В возрастах старше года позитивно сказались карантинные меры, повлиявшие на снижение детского травматизма.

Чтобы понять, как сдвиги смертности в отдельных возрастах повлияли на измене-

ние продолжительности жизни, используем метод декомпозиции (рис. 2).

Наибольший негативный вклад в потери продолжительности жизни внесла смертность в возрастной группе 70–74 года, тогда как максимальный прирост смертности пришелся на существенно более поздние возраста. Это связано с большими потерями недожитой жизни умершими в возрасте 70–74 года в сравнение с теми, кто умер в возрасте старше 85 лет. Снижение младенческой смертности дало выигрыш в продолжительности жизни в 0,15 года для мужчин и 0,11 года для женщин.

В настоящее время в случаях смерти людей с подозрением на COVID-19 производятся патологоанатомические вскрытия с детальным клинико-морфологическим анализом их результатов при использовании метода полимеразной цепной реакции для идентификации коронавируса. SARS-COV-2 может повышать вероятность смерти от других заболеваний, являясь сопутствующей инфекцией, а может просто присутствовать и не влиять на течение патологического процесса при других заболеваниях. В настоящее время в прессе идет дискуссия о полноте учета в России смертей от коронавирусной инфекции, основанная на утверждении, что доля последнего варианта инфицирования в смертности населе-

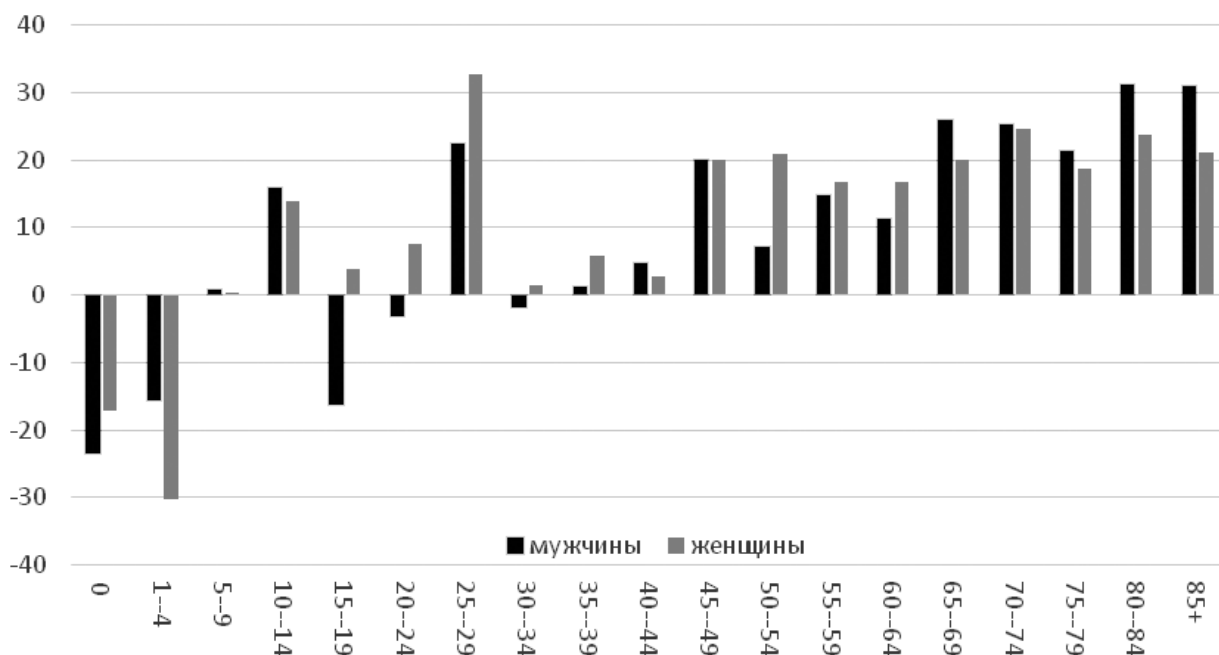

Рис. 1. Прирост (снижение) повозрастных показателей смертности в 2020 году в сравнении с 2019 годом, %

ния должна быть гораздо меньше, поэтому сравнение структуры смертности в периоды до и во время пандемии может оказаться информативным с этой точки зрения. Структура причин смерти по классам заболеваний является достаточно устойчивой в пределах кратковременного периода, а внутри отдельных классов под влиянием инфицирования SARS-COV-2 ведущими причинами смерти могут стать другие заболевания [2].

Изменение структуры причин смерти внутри класса инфекционных заболеваний очевидно: если в феврале (в марте уже наблюдались несколько смертей от COVID-19) доля болезней, вызванных ВИЧ (B20 по МКБ-10), составляла в инфекционной смертности 46,9% у мужчин и 56,5% у женщин, то во втором анализируемом периоде — лишь 4,5% и 3,6% соответственно. Аналогично, доля хронических вирусных гепатитов (B18) снизилась с 23,3% у мужчин и 10,9% у женщин до 1,6% и 1,3%. Доля COVID-19 составляла соответственно 85,5 и 90,2% в апреле и 93,3% и 95% в мае 2020 года [2].

Рождаемость. Число родившихся в России в 2020 году составило 1435,7 тыс. человек, что на 48,8 тыс. или на 3,3% меньше, чем в 2019 году.

Основной вклад в снижение общих показателей рождаемости вносят изменения в половозрастной структуре населения — в активный репродуктивный возраст входят малочисленные поколения родившихся в 1990-е годы (на начало 2020 года по сравнению с численностью 30–34-летних женщин, 25–29-летних было меньше более чем на четверть (на 26,7%), а 20–24-летних — почти вдвое (на 46,1%)).

Расчеты показывают, что за счет структурного фактора общий коэффициент рождаемости в России в 2020 году мог снизиться на 2,9%. Фактическое его снижение (на 3%) было почти таким же, и, вероятно (данных Росстата пока нет), суммарный коэффициент рождаемости остался практически на том же уровне, что в 2019 году — 1,5. Негативное влияние структурных сдвигов на динамику общих показателей рождаемости будет затухающим, но сохранится до 2029 года.

Динамика показателей рождаемости существенно различается по очередности рождения, имеет влияние структурного фактора. Благоприятная динамика численности женщин репродуктивного возраста имеет место в возрастах за 35 лет (число родившихся в России возрастало до 1987 года), в которых доля третьих и последующих рождений существ-

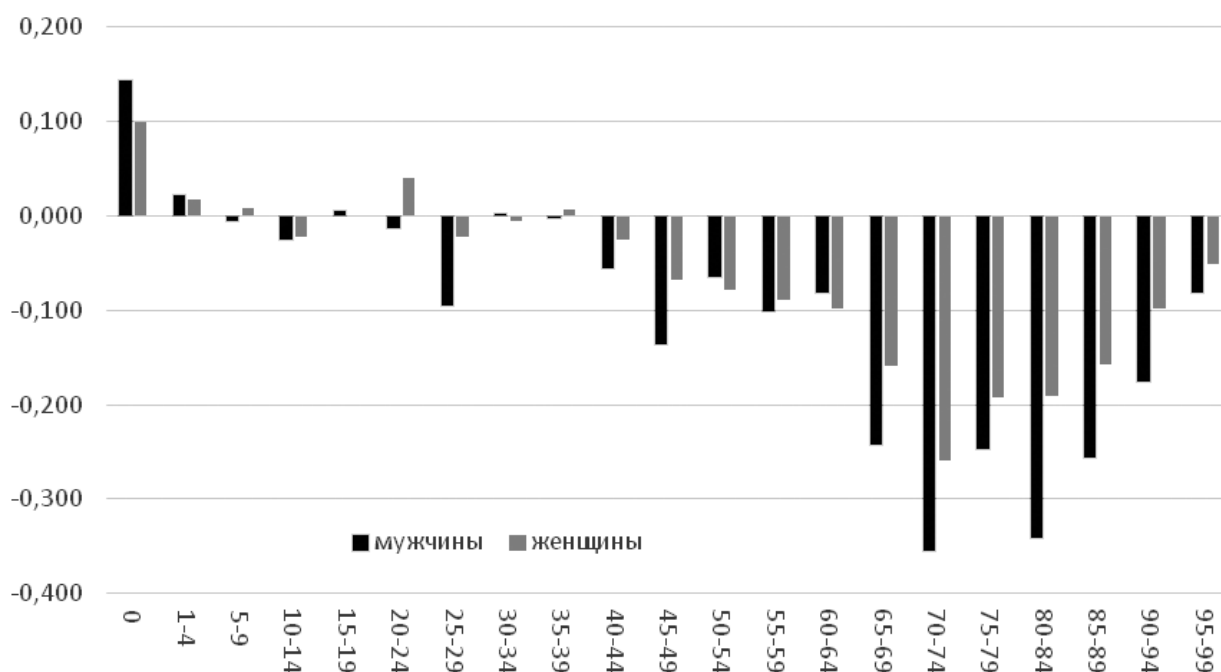

Рис. 2. Вклад возрастных групп в изменение продолжительности жизни населения в 2020 году в сравнении с 2019 годом, лет

венно выше, чем у более молодых женщин. По предварительным оценкам, суммарный коэффициент рождаемости по первым рождениям в 2020 году составил 0,62 (2019 — 0,64), по вторым — 0,52 (2019 — 0,53), по третьим и последующим — 0,36 (2019 — 0,34). Таким образом, продолжилось снижение суммарного коэффициента рождаемости по первым и вторым рождениям (но в меньшей степени, чем в 2019 году) и повышение — по третьим и последующим рождением.

В декабре 2020 года имел место значительный прирост числа зарегистрированных родившихся (впервые с 2016 года), по сравнению с декабрем 2019 года — на 9,0%. Две гипотезы в отношении причины этого повышения:

— люди в конце года активизировались в регистрации рождений, имевших место в предыдущие месяцы;

— число родившихся возросло в связи с усилением мер помощи в начале 2000 года (прежде всего, материнский (семейный) капитал на первого ребенка).

Пока трудно сказать, что произошло, и оценить результативность материнского (семейного) капитала на первого ребенка (остальные меры помощи семьям с детьми, введенные в 2020 году, скорее, носили поддерживающий характер, а эта мера — характер отчасти стимулирующий).

В январе 2021 года число зарегистрированных родившихся значительно сократилось: на 10,3% по сравнению с январем 2020 года и на 17,6% по сравнению с декабрем 2020 года.

Результативность дополнительных мер демографической политики в отношении рождаемости может быть связана либо с их большой значимостью, в т.ч. социальной (как это имело место при введении программы федерального материнского (семейного) капитала), либо с адресностью. Под адресностью в данном случае понимается не выделение семей по критерию уровня доходов, а учет условий жизнедеятельности, потребностей, репродуктивных намерений конкретных семей, т.е. оказание именно тех видов поддержки, в которых данная семья нуждается.

Одними из наиболее значимых мер поддержки семей с целью повышения рождаемости были бы, вероятно, меры содействия в улучшении жилищных условий. Представ-

ляется, что они должны быть различными, чтобы семьи имели возможность получения поддержки при выборе того или иного способа улучшения жилищных условий. Жилищная проблема особенно актуальна для молодых семей, и ее решение могло бы способствовать повышению показателей рождаемости по первым рождением, которые в России сейчас очень низкие, в т.ч., вероятно, в связи с откладыванием первых рождений.

При оказании помощи семьям с целью усиления ее адресности можно было бы шире использовать практику социального контракта, причем с учетом репродуктивного поведения семьи, т.е., например, социальным контрактом предусмотрено оказание той или иной помощи на определенный срок. В случае рождения ребенка помощь усиливается и продлевается.

В условиях ограниченных финансовых возможностей и априори неочевидного результата каких-либо дополнительных мер демографической политики целесообразно было бы перед внедрением в масштабах страны апробировать их в отдельных субъектах Российской Федерации для оценки результативности.

Миграция и миграционная политика. Согласно данным системы учета через отделения Министерства внутренних дел РФ в 2019 году было временно и постоянно зарегистрировано в России 19,5 тыс. иностранцев. Пандемия COVID-19 сократила их численность до 9,8 млн. человек в 2020 году. Главной проблемой современной системы статистического учета является отсутствие информации о численности конкретных людей, которые получили в течение каждого года временную регистрацию повторно, поэтому цифры регистрации весьма условно говорят о численности мигрантов, скорее, о количестве фактов регистрации, в том числе повторной.

В год пандемии COVID-19 количество выданных видов на жительство и российских паспортов гражданам Таджикистана увеличилось: в 2020 году 48,7 и 63,4 тыс. соответственно (в 2019 году было 29,6 и 44,7 тыс.). Сократилось только количество выданных разрешений на временное проживание: 31,4 тыс. в 2020 году и 46 тыс. в 2019 году соот-

ветственно. Данная статистика является закономерной, поскольку общая миграция граждан Таджикистана в Россию сократилась, а РВП — первичный статус. Большинство иностранцев, которые с 2016 по 2020 годы получили российское гражданство, были гражданами Украины. Их доля среди получателей паспортов РФ составила 47%, то есть 678,8 тыс. человек. На втором месте — граждане Казахстана (13%), а на третьем — граждане Таджикистана (10%). В 2020 году граждане Таджикистана (63,4 тыс.) были второй группой после граждан Украины (409,6 тыс.) среди получателей паспортов РФ, опередив выходящих из Казахстана.

В России увеличивается дефицит рабочей силы. Если в 2018 году численность рабочей силы в России была 76,2 млн. человек, то в прошлом году — уже 75,4 млн., а за пять месяцев 2020 года — 74,7 млн. человек. Во время пандемии COVID-19 дефицит рабочей силы в России усилился из-за сокращения притока трудовых мигрантов и составил по экспертным оценкам в начале 2021 года около 1 млн. человек. Наиболее остро нехватка трудовых ресурсов ощущается в строительстве, торговле, некоторых отраслях промышленности, сельском хозяйстве в Краснодарском крае, Московской области, Москве, Санкт-Петербурге, Тюменской, Астраханской и Свердловской областях.

В настоящее время между Россией и странами Центральной Азии отрабатываются механизмы организованного набора рабочей силы. В условиях коронавирусных ограничений фактически активизировался процесс формирования механизма организованной трудовой миграции, о котором говорилось достаточно давно до пандемии COVID-19 как об идеальной модели миграционных отношений. Ведется работа с Узбекистаном и Таджикистаном.

В 2018 году утверждается новая Концепция государственной миграционной политики на период 2019–2025 года. В ней иммиграция определяется в качестве дополнительного источника (после «естественного воспроизводства») восполнения населения Российской Федерации и обеспечения национальной экономики трудовыми ресурсами. А миграционная политика называется «вспомогательным средством для решения демографических

проблем и связанных с ними экономических проблем. Она должна быть направлена на создание благоприятного режима для добровольного переселения в Россию лиц, которые способны органично включиться в систему позитивных социальных связей и стать полноправными членами российского общества».

Также с 2007 года в России стартовала Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Россию соотечественников, проживающих за рубежом (Указ Президента РФ от 22 июня 2006 года) [2]. В 2012 году программа стала бессрочной. Фактически программа, которая задумывалась как репатриационная по возвращению русскоговорящего населения, превратилась в программу организованного привлечения трудовых ресурсов с элементами этнополитики, поскольку участие в ней тесно связано с возможностью трудоустройства в конкретном регионе России. При переселении участники программы получают различные выплаты и компенсации, российское гражданство в упрощенном порядке. По данным Главного управления по вопросам миграции МВД России, за 2007–2020 годы действия программы в Россию вернулись около 960 тыс. человек [4, 5]. В 2020 году в Россию прибыли 62,9 тыс. соотечественников, что из-за пандемии COVID-19 было меньше, чем в 2019 году — 108,5 тыс. человек. Значительная часть участников Государственной программы (83%) приходилась в 2020 году на граждан стран Центральной Азии, в том числе Казахстана (37,6%), Таджикистана (34,6%), Узбекистана (5,2%), Кыргызстана (4,3%), Туркменистана (1,3%) [6].

Стратегические меры, необходимые для преодоления новой (второй) волны депопуляции в России. Совершенно очевидно, что вторая волна депопуляции требует разработки новых мер демографической и миграционной политики, которые помогут компенсировать сокращение численности населения в России. Для выхода из второй волны депопуляции требуется научно-обоснованная национальная демографическая программа, в которой целесообразно выделить четыре направления мер.

Во-первых, требуется продолжить улучшать условия для рождения и воспитания де-

тей, поддерживать материально и социально семьи с детьми, в том числе многодетные, и молодых супругов, что поможет реализовать репродуктивные установки вовремя и не приведет к их откладыванию.

Во-вторых, меры по развитию самосохранительного поведения, сокращению смертности от внешних причин, в том числе пандемий, аналогичных COVID-19, что будет способствовать сокращению смертности и увеличению продолжительности жизни, а в конечном итоге обеспечит естественный прирост населения.

В-третьих, создание условий для самореализации населения внутри страны, ориентированного на эмиграцию из России, что также обеспечит миграционный прирост населения. В настоящее время значительное количество молодых и трудоспособных людей эмигрировало на постоянное место жительства или живет между двумя странами. Эмиграция, к сожалению, вымывает трудовой, репродуктивный, интеллектуальный, квалификационный и предпринимательский потенциал страны.

В-четвертых, требуется привлечение мигрантов различных категорий, которые хотят жить и работать в России, чтобы обеспечить миграционный прирост населения. В современных условиях следует усиливать вклад миграции русского и русскоговорящего населения, которое еще ориентировано на Россию. Пока еще возможно увеличить возвращение соотечественников из стран бывшего СССР, где проживает до 14 млн. человек. Из них до 4 млн. человек могут быть реальным возвратным миграционным потенциалом [1]. К сожалению, пока миграционные сервисы не всегда работают эффективно. Многие соотечественники сталкиваются со сложностями при регистрации по месту пребывания и месту жительства, процедуры получения вида на жительство и гражданства бюрократизированы. Требуется реформирования один из главных источников появления недокументированных мигрантов в России — жесткие и неразумные правила регистрации по месту пребывания. Регистрация должна стать уведомительной и отражать реальное место пребывания и жительства человека и не быть препятствием на пути его легализации. В настоящее время многие миг-

ранты не могут зарегистрироваться по реальному месту проживания из-за нежелания собственников жилья.

В 2019 году Президентом РФ В.В. Путиным была инициирована новая волна действий по реформированию миграционного режима и института гражданства в России в сторону упрощения процедур для соотечественников. В документах отмечается, что «точечные изменения миграционного законодательства, а равно ужесточение юридической ответственности не приведут к качественному улучшению состояния миграционной сферы» [6, 7]. Мигранты рассматриваются как человеческий капитал, демографические, интеллектуальные и трудовые ресурсы для страны. А усилия российского государства в области миграционной политики должны быть направлены на то, чтобы снять препятствия и барьеры на пути оформления правового статуса людям, которые рассматривают переезд в Россию на постоянное место жительства. Ликвидируется разрешение на временное проживание как лишняя ступень в системе миграционных статусов. Открывается канал перехода в российское гражданство для трудовых мигрантов, большинство из которых в России происходит из стран бывшего СССР.

В настоящее время перед демографическими исследованиями стоят задачи выявить причины и особенности второй волны депопуляции в России, определить ее возможные социально-демографические и геополитические последствия, выделить резервы для компенсации убыли населения страны и отдельных регионов России, определить возможные резервы компенсации потерь населения за счет миграционных процессов.

Литература

1. Демографическая ситуация в России: новые вызовы и пути оптимизации: национальный демографический доклад [Электронный ресурс] / Под ред. чл.-корр. РАН, д.э. н. С.В. Рязанцева — М.: Изд-во «Экон-Информ», 2019. — 79 с. — Режим доступа: <http://испи.рф/wp-content/uploads/2019/06/Нацдоклад23мая2019итог.pdf>.

2. Сабгайда Т.П., Иванова А.Е., Руднев С.Г., Семенова В.Г. Причины смерти

москвичей до и в период пандемии COVID-19 [Электронный ресурс] // Социальные аспекты здоровья населения. — 2020. — №4(66). — Режим доступа: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1177/30/lang, ru/>.

3. Указ Президента РФ от 14.09.2012 г. №1289 (ред. от 24.07.2020 г.) «О реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135348/9cf95e1cef34d74eca9a5792671e8c9e40db0c88/.

4. Почти 1 млн. человек переехали в РФ по программе переселения за 13 лет [Электронный ресурс] // INTERFAX.RU. — Режим доступа: <https://www.interfax.ru/russia/731533> (Дата обращения: 14.10.2020).

5. Основные показатели по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь-декабрь 2019 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/19364859/> (Дата обращения: 22.01.2020).

6. Мониторинг реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, на территориях вселения субъектов Российской Федерации в IV квартале 2020 года [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Российской Федерации. — Режим доступа: https://мвд.рф/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/guvm/compatriots/monitoring/2020.

7. Перечень поручений по вопросам реализации Концепции государственной миграционной политики на 2019–2025 годы [Электронный ресурс] // Президент России. Официальный сайт. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/62960> (Дата обращения: 06.03.2020).

8. Распоряжение Президента РФ «О рабочей группе по реализации Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» №58-р от 06.03.2019 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102603009&backlink=1&&nd=102525921>.

References

1. Demograficheskaja situacija v Rossii: novye vyzovy i puti optimizacii: nacional'nyj demograficheskij doklad [Demographic situation in Russia: New challenges and ways of optimization: national demographic report] [Elektronnyj resurs] / In chl.-korr. RAN, d. je. n. S.V. Rjazancev (eds.) — Moscow: Izd-vo «Jekon-Inform», 2019. — 79 p. — URL: <http://ispi.rf/wp-content/uploads/2019/06/Nacdoklad-23maja2019itog.pdf>.

2. Sabgajda T.P., Ivanova A.E., Rudnev S.G., Semenova V.G. Prichiny smerti moskvicej do i v period pandemii COVID-19 [Causes of death of Muscovites before and during the COVID-19 pandemic] [Elektronnyj resurs] // Social'nye aspekty zdorov'ja naselenija [Social aspects of population health]. — 2020. — №4(66). — URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1177/30/lang, ru/>.

3. Ukaz Prezidenta RF ot 14.09.2012 g. №1289 (red. ot 24.07.2020 g.) «O realizacii Gosudarstvennoj programmy po okazaniu sodejstvija dobrovol'nomu pereseleniju v Rossijskuju Federaciju sootchestvennikov, prozhivajushih za rubezhom» [Decree of the President of the Russian Federation of 14.09.2012 №1289 (ed. of 24.07.2020) «On the implementation of the State Program to assist voluntary resettlement to the Russian Federation of compatriots living abroad»] [Elektronnyj resurs]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135348/9cf95e1cef34d74eca9a5792671e8c9e40db0c88/.

4. Pochti 1 mln. chelovek pereehali v RF po programme pereselenija za 13 let [Almost 1 million people moved to the Russian Federation under the resettlement program for 13 years] [Elektronnyj resurs] // INTERFAX.RU. — URL: <https://www.interfax.ru/russia/731533> (Date accessed: 14.10.2020).

5. Osnovnye pokazateli po migracionnoj situacii v Rossijskoj Federacii za janvar'-dekabr' 2019 goda [Key indicators on the migration situation in the Russian Federation for January-December 2019] [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/19364859/> (Date accessed: 22.01.2020).

6. Monitoring realizacii Gosudarstvennoj programmy po okazaniu sodejstvija

dobrovol'nomu pereseleniju v Rossijskuju Federaciju sootchestvennikov, prozhivajushhih za rubezhom, na territorijah vselenija sub#ektov Rossijskoj Federacii v IV kvartale 2020 goda [Monitoring the implementation of the State Program for Assistance to voluntary resettlement in the Russian Federation of compatriots living abroad in the territories of settlement of the subjects of the Russian Federation in the IV quarter of 2020] [Elektronnyj resurs] // Ministerstvo vnutrennih del Rossijskoj Federacii [Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation]. — URL: https://mvd.rf/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/guvvm/compatriots/monitoring/2020.

7. Perechen' poruchenij po voprosam realizacii koncepcii gosudarstvennoj migracionnoj politiki na 2019–2025 gody [List of instructions on the implementation of the Concept of State

migration policy for 2019–2025] [Elektronnyj resurs] // Prezident Rossii. Oficial'nyj sajt [President of Russia. Official website]. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/62960> (Date accessed: 06.03.2020).

8. Rasporjazhenie Prezidenta RF «O rabochej gruppe po realizacii koncepcii gosudarstvennoj migracionnoj politiki Rossijskoj Federacii na 2019–2025 gody» №58-r ot 06.03.2019 g. [Decree of the President of the Russian Federation «On the Working Group on the implementation of the Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2019–2025» №58-r of 06.03.2019] [Elektronnyj resurs]. — URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102603009&backlink=1&&nd=102525921>.

Поступила в редакцию

21 февраля 2021 г.

Рязанцев Сергей Васильевич — член-корреспондент РАН, директор Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, заведующий кафедрой демографической и миграционной политики МГИМО МИД России.

Ryazantsev Sergey Vasilievich — Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Demographic and Migration Policy, Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.

119333, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1
6 Fotievoj str., bld. 1, 119333, Moscow, Russia
E-mail: riazan@mail.ru

Иванова Алла Ефимовна — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.

Ivanova Alla Efimovna — Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher of the Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.

119333, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1
6 Fotievoj str., bld. 1, 119333, Moscow, Russia
E-mail: ivanova-home@yandex.ru

Архангельский Владимир Николаевич — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.

Arkhangelsky Vladimir Nikolaevich — Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher of the Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.

119333, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1
6 Fotievoj str., bld. 1, 119333, Moscow, Russia
E-mail: archangelsky@yandex.ru

УДК 314.15

10.17213/2075-2067-2021-2-21-28

РЕСУРСЫ РОССИЙСКОЙ ПРОНАТАЛИСТСКОЙ ПОЛИТИКИ: КЛАССИФИКАЦИЯ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ИССЛЕДОВАНИЯ¹

© 2021 г. А. П. Багирова

*Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Россия*

Целью исследования выступает разработка теоретико-методологических основ ресурсного подхода к изучению и реализации российской пронаталистской политики.

Методология исследования строится на системном анализе ресурсов, институциональном подходе, используемом в демографии.

Результаты исследования состоят в классификации и характеристике ресурсов демографической политики, направленной на повышение рождаемости, в разработке методологических подходов к их изучению.

Перспективы исследования предполагают разработку и реализацию методик исследования ресурсов каждого вида, оценку потенциала этих ресурсов в достижении целей российской пронаталистской политики.

Ключевые слова: демографическая политика; пронаталистская политика; рождаемость; ресурсы.

RESOURCES OF THE RUSSIAN PRONATALIST POLICY: CLASSIFICATION AND METHODOLOGICAL PRINCIPLES OF RESEARCH

© 2021 A. P. Bagirova

*Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russia*

The aim of the research is to develop the theoretical and methodological foundations of the resource approach to the study and implementation of the Russian pronatalist policy.

The research methodology is based on a systematic analysis of resources, an institutional approach used in demography.

The results of the study consist in the classification and characterization of the resources of demographic policy aimed at increasing the birth rate, in the development of methodological approaches to their study.

The prospects of the research suggest the development and implementation of methods for the study of resources of each type, the assessment of the potential of these resources in achieving the goals of the Russian pronatalist policy.

Key words: demographic policy; pronatalist policy; fertility; resources.

¹ Исследование проведено в рамках проекта «Российская пронаталистская политика: ресурсы, эффекты, возможности оптимизации», поддержанного Советом по грантам Президента Российской Федерации на государственную поддержку ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-2722.2020.6).

Введение. В настоящее время в России проводится активная пронаталистская политика. Ее основные задачи и средства реализации указаны в паспорте национального проекта «Демография», которым предусмотрены меры поддержки семей с детьми экономического, информационного, организационного характера [13]. Представляется, что эффективность государственной демографической политики могла бы быть выше, если бы подход к рассмотрению потенциальных ресурсов для ее реализации был шире. Например, государственные цели повышения рождаемости сегодня могут быть поддержаны и на мезоуровне. В качестве институтов стимулирования рождаемости на этом уровне могут рассматриваться институты гражданского общества (например, общественные организации), институт религии, социальный институт бизнеса и т.д.

Расширенный подход к ресурсам демографической политики лежит в русле институционального подхода в демографии [9], который признает открытым признаковое пространство, используемое для описания демографического развития, допускает использование категорий, отражающих специфику отдельно взятого региона, исходит из нестабильной структуры детерминации демографического развития, а внутреннюю логику регионального развития признает его существенным фактором, исходя из равенства «глобального» и «регионального» [9]. С этой точки зрения приоритетной становится задача изучения многообразия и многофакторности демографических процессов в регионах [16], поскольку только регулирование на основе понимания региональной специфики позволит реализовать задачи государственной демографической политики в целом.

Определение и классификации ресурсов пронаталистской политики. В качестве ресурсов пронаталистской политики нами предлагается понимать те средства и условия, которые позволили бы с помощью определенных преобразований достигать целей этой политики. По нашему мнению, ресурсы демографической пронаталистской политики могут быть классифицированы по нескольким основаниям:

1) уровень их реализации — федеральный, субъектов РФ, местный;

2) институциональный разрез — социальные институты семьи, образования, культуры, бизнеса, труда, гражданского общества и т.д.;

3) сфера формирования — демографическая, правовая, культурная, информационная, экономическая и т.д.;

4) средовой разрез — городская и сельская среда, информационно-коммуникационная, технологическая, природная среда.

Учитывая многомерность классификаций ресурсов пронаталистской политики, важно отметить, что каждый конкретно взятый инструмент этой политики одновременно выступает элементом ресурсов, выделенных по разным основаниям: по уровню реализации, сфере, среде и социальному институту, в котором этот инструмент формируется и функционирует.

Охарактеризуем некоторые из перечисленных видов ресурсов.

Экономические ресурсы пронаталистской политики — это наиболее активно используемые сегодня экономические инструменты ее реализации [5, 7]. Их источниками выступают средства федерального бюджета и бюджетов субъектов РФ, расходующиеся в рамках направлений достижения цели этой политики.

В качестве демографических ресурсов пронаталистской политики предложено рассматривать две группы населения: молодежь репродуктивного возраста — потенциальных и «действующих» родителей; старшее поколение — потенциальных и «действующих» бабушек и дедушек, которые имеют временные ресурсы для заботы о внуках и помощи своим детям в выполнении их родительских функций [10].

Правовые ресурсы пронаталистской политики — те юридические инструменты, с помощью которых создаются условия, благоприятствующие рождаемости и оказывающие влияние на принятие населением репродуктивных решений. Так, например, отпуск по беременности и родам, отпуск по уходу за ребенком до достижения им определенного возраста во многих странах мира рассматривается в качестве важнейших мер государственной демографической политики [2]. Государственное регулирование этих отпусков определяет взаимоотношения ключевых стейкхолдеров демографической полити-

ки — населения репродуктивного возраста, государства, работодателей.

Социальный институт бизнеса, рассматриваемый как ресурс пронаталистской политики, может создавать условия для поддержки мер этой политики. Стимулирование рождаемости и родительства через социальный институт бизнеса способно дополнить государственное стимулирование и сделать его более адресным с учетом потребностей конкретных работников организаций, выполняющих родительские функции одновременно с профессиональными. Корпоративная демографическая политика, выступая составной частью социальной ответственности, может компенсировать недостаточность оказываемой государством помощи семьям с детьми и усилить оказываемую в области родительства поддержку на макроуровне [17]. При этом государство способно активизировать корпоративную демографическую политику организаций комплексом мер (благоприятный налоговый режим, субсидии и льготы и т.д.).

Информационные ресурсы пронаталистской политики — это возможности, которые предоставляют средства массовой информации для продвижения целей демографической политики, а также контент, содержащийся в тематических сообществах социальных сетей. По мнению целого ряда ученых, сегодня социальные сети являются наиболее чуткой реакционной цифровой средой, отражающей различные социальные явления и процессы [18].

Социальный институт труда, рассматриваемый в качестве ресурса пронаталистской политики, — это понимаемая в широком смысле сфера труда. В частности, сюда предложено относить не только трудовую деятельность на рынке труда, но и родительский труд [6, 15]. Этот вид труда соответствует таким принципам трудовой деятельности, как осознанность действий, их целесообразность, результативность, общественная полезность и энергозатратность. Оба вида труда имеют свои субъекты, цели, задачи и мотивы, технологии реализации. В отношении каждого из этих видов труда можно говорить в терминах его организации и стимулирования. Говорить о родительском труде как социальном институте нам позволяет то, что он основан на устойчивом комплексе формальных и не-

формальных правил, принципов, норм, установок, которые регулируют взаимодействие людей в сфере родительского труда и организуют его в систему ролей и статусов.

Гармонизация сфер профессионального и родительского труда напрямую связана с достижением задач пронаталистской политики. Высокая значимость этой проблемы и важность ее решения для нашей страны отражена в одном из федеральных проектов, входящих в национальный проект «Демография» — «Содействие занятости женщин — создание условий дошкольного образования для детей в возрасте до трех лет». Цель этого федерального проекта состоит в обеспечении возможностей женщин, имеющих детей, совмещать трудовую деятельность с семейными обязанностями.

Социальному институту семьи, рассматриваемому в качестве ресурса пронаталистской политики, посвящены работы многих отечественных и зарубежных ученых [8, 12]. Сегодня общепризнанно, что семья и имеющиеся у нее ресурсы играют существенную роль в процессе формирования и развития человеческого капитала детей. От эффективности этого процесса зависят успешное развитие ребенка, его воспитание, духовно-нравственные ценности и др. В свою очередь фактические вложения семьи в развитие человеческого капитала детей тоже находятся под влиянием целого ряда факторов: объем и качество различных ресурсов семьи, желание родителей развивать своих детей, государственная поддержка семей с детьми и т.д. Из совокупности ресурсов, необходимых семье для реализации родительского труда, можно выделить материальные, трудовые (физические и временные) и моральные. Исследование материальных затрат, связанных с родительством и родительским трудом, крайне актуально в связи с тем, что, несмотря на противоречивые результаты научных исследований о взаимосвязи экономического уровня жизни населения и рождаемости, большинство политик по поддержке рождаемости строятся прежде всего на экономических мерах [14]. В рамках изучения трудовых ресурсов семьи чаще всего исследуются временные затраты на реализацию родительского труда. Интересным аспектом изучения может выступить исследование временных

ресурсов расширенного субъекта родительского труда: учитывая то, что функции родительского труда могут быть реализованы не только родителями, но и бабушками, дедушками, другими родственниками, изучение содержания и затрат времени на их труд также должно учитываться в общей оценке временных ресурсов семьи, затрачиваемых на детей.

Городская среда мегаполиса также может рассматриваться в качестве ресурса пронаталистской политики [3]. Это связано с тем, что городская среда в современном понимании — это комплекс взаимосвязанных условий — естественно-природных и искусственно созданных, материальных и нематериальных, вещных и не-вещных. Городская среда предстает как среда для реализации жизнеобеспечивающих (физическое существование и воспроизводство, сохранение здоровья, безопасность) и жизнедеятельностных (работа, повседневные рутинные и потребительские практики, коммуникация, образование, культурное развитие, отдых) потребностей населения. Практические возможности реализации разнообразных потребностей характеризуют определенное качество городской среды, которое в масштабе мегаполиса не является однородным.

Исследования, посвященные анализу городской среды как среды для воспроизводства и развития человеческого капитала, приобретают особую ценность в условиях острой конкуренции крупных городов за привлечение и удержание человеческих ресурсов.

Методологические подходы к изучению ресурсов пронаталистской политики. Учитывая многомерность классификаций и разнообразие видов ресурсов пронаталистской политики, в качестве методологических подходов к их исследованию, на наш взгляд, следует выделять следующие подходы.

1) Дифференциация каждого вида ресурса на подвиды для целей изучения характера их влияния на цели пронаталистской политики.

Например, демографические ресурсы могут быть классифицированы по группам населения (по полу, возрасту, наличию детей, занятости и т.д.). Правовые ресурсы демографической пронаталистской политики различаются по отраслям права — они мо-

гут лежать в области семейного, трудового, гражданского, административного законодательства. Разные виды ресурсов социального института бизнеса объединяются единым источником их финансирования — средства хозяйствующих субъектов. Информационная среда формирования ресурса пронаталистской политики включает в себя не только сферу государственной информационной политики, но и тексты тематических сообществ в социальных сетях, оказывающие в современном мире серьезное влияние на молодые когорты населения.

2) Многообразие методов оценки эффективности использования ресурсов пронаталистской политики.

Вопрос методики оценки эффективности политики стимулирования рождаемости является одним из самых дискуссионных в демографической литературе. О том, что он не имеет однозначного решения, говорит, например, О.В. Кучмаева, связывая эту проблему с отсутствием сводной статистической оценки эффективности государственного управления институтом семьи [11]. Есть и другие — более резкие позиции, отрицающие результативность такой политики в силу того, что она не увеличивает число рождений, а лишь сдвигает их на более ранний срок [1, 4].

3) Многообразие источников информации, используемых для оценки ресурсов пронаталистской политики.

Дифференциация ресурсов предопределяет целую совокупность источников информации об этих ресурсах. Использование только данных официальной статистики может привести к серьезным ограничениям в исследовании. В процессе изучения ресурсов политики крайне важен субъективный аспект, а именно — оценка населением востребованности отдельных элементов этого ресурса, их достаточности и эффективности. С нашей точки зрения, оценка ресурсов пронаталистской политики может проводиться только на основании совокупности объективных экономико-статистических и субъективных социологических данных. Кроме того, отдельную группу источников составляют тексты документов, регулирующих демографическую политику стимулирования рождаемости, тексты (посты) в тематических сообществах в социальных сетях.

4) Использование совокупности показателей для измерения уровня востребованности населением того или иного вида ресурса пронаталистской политики.

Показатели, характеризующие уровень востребованности ресурсов, могут быть разделены на прямые и косвенные. К прямым показателям относятся, например, показатели расходования средств бюджетов на те или иные пособия, оценки удовлетворенности населения, получающего или пользующегося конкретными видами ресурсов. Косвенные показатели востребованности ресурсов пронаталистской политики — это индикаторы, измеряющие уровень и качество жизни потенциальных пользователей этих ресурсов, т.е. индикаторы результата, к которому приводит использование того или иного ресурса. В качестве косвенных показателей могут рассматриваться, например, общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя (поскольку ресурсы демографической пронаталистской политики направлены на улучшение жилищных условий семей с детьми), обеспеченность детей дошкольного возраста местами в детском саду (поскольку меры демографической политики предполагают повышение этого показателя) и т.д.

Заключение. Понимание и системное описание всего многообразия ресурсов, которые могут быть использованы при реализации пронаталистской политики, позволит более четко планировать их использование и достижение тех амбициозных целей, которые эта политика преследует. Перспективы же дальнейшего исследования демографической политики с точки зрения ресурсного подхода видятся нам в разработке и реализации методик исследования ресурсов каждого вида, оценке потенциала этих ресурсов в достижении целей пронаталистской политики в отдельных российских регионах.

Литература

1. *Demeny P.* Population Policy // *International Encyclopedia of Population*. — New York, MacMillan Reference, 2006. — Pp. 752–763.
2. *Kosłowski A., Blum S., Dobroćić I., Kaufman G., Moss P.* International Review of Leave Policies and Research 2020 [Electronic resource]. — URL: http://www.leavenetwork.org/lp_and_r_reports/ (Date accessed: 26.02.2021).
3. *Notman O., Bagirova A.* Megapolis as an environment for reproduction and development of human capital [Electronic resource] // *The 14th International Days of Statistics and Economics: Conference Proceedings*. — Prague, Czech Republic. — Pp. 752–761. — DOI: 10.18267/pr.2020.los.223.0. — URL: https://msed.vse.cz/msed_2020/article/307-Notman-Olga-paper.pdf (Date accessed: 26.02.2021).
4. *Van de Kaa D.* Temporarily New: On Low Fertility and the Prospect of Pro-natal Policies // *Vienna Yearbook of Population Research*. — 2006. — Pp. 193–211.
5. *Архангельский В. Н.* Рождаемость и репродуктивное поведение в России период активизации поддержки семей с детьми // *Демографическая и семейная политика в контексте целей устойчивого развития: сборник статей IX Уральского демографического форума*. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2018. — Т. 1. — С. 7–25.
6. *Багирова А. П., Быкова Д. Г., Ворошилова А. И., Ильвес Э. В., Черешова С. В.* Родительский труд: экономический и социологический анализ. — Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2017.
7. *Валиахметов Р. М.* Экономические и социокультурные факторы семейного поведения (на примере исследования жизненных ценностей семейных пар в Республике Башкортостан) // *Социальная динамика населения и устойчивое развитие*. — М.: МГУ, 2019. — С. 33–38.
8. *Ильдарханова Ч. И.* Семья и дети в Республике Татарстан: парадоксы общественно-го сознания // *Научный Татарстан*. — 2018. — №3. — С. 11–16.
9. *Клунт М. А.* Демография регионов Земли. — СПб.: Питер, 2008.
10. *Кулькова И. А.* Весомость повышения пенсионного возраста как фактора сокращения рождаемости // *Институты развития человеческого потенциала в условиях современных вызовов. Сборник статей XI Уральского демографического форума*. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2020. — С. 154–160.
11. *Кучмаева О. В.* Современные проблемы оценки эффективности семейной полити-

ки в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Статистика и Экономика. — 2017. — №5. — С. 85–93. — Режим доступа: <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2017-5-85-93>.

12. Кучмаева О.В., Ростовская Т.К. Семья в системе социальных институтов общества. — М.: Юрайт, 2020.

13. Паспорт Национального проекта «Демография» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/demography> (Дата обращения: 26.02.2021).

14. Шмарова И.В. Изучение прямых затрат родительского труда: потенциал и ограничение исследовательских методов // Развитие территориальных социально-экономических систем: вопросы теории и практики: материалы XVI международной научно-практической конференции молодых ученых. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2019. — С. 237–240.

15. Шмарова И.В. Родительский труд как потенциальный инструмент демографической политики // Достойный труд — основа стабильного общества: материалы X Международной научно-практической конференции. — Екатеринбург: Изд-во УрГЭУ, 2018. — С. 156–160.

16. Шубат О.М. Региональная конвергенция рождаемости в России // Экономика региона. — 2019. — Т. 15. — Вып. 3. — С. 736–748.

17. ШUTOва Н.В. Социальная эффективность стимулирования родительского труда работников организации: методика оценки и результаты // Вестник экономики, права и социологии. — 2020. — №2. — С. 186–191.

18. Юферева А.С., Ворошилова А.И. Особенности влияния медиаконвергенции на формирование образа родительства (по итогам контент-анализа социальных сетей) // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий: материалы IV Международной научно-практической конференции: в 2-х т. — Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2018. — Т. 1. — С. 132–136.

References

1. Demeny P. Population Policy // International Encyclopedia of Population. — New York, MacMillan Reference, 2006. — Pp. 752–763.

2. Koslowski A., Blum S., Dobrotić I., Kaufman G., Moss P. International Review of Leave Policies and Research 2020 [Electronic resource]. — URL: http://www.leavenetwork.org/lp_and_r_reports/ (Date accessed: 26.02.2021).

3. Notman O., Bagirova A. Megapolis as an environment for reproduction and development of human capital [Electronic resource] // The 14th International Days of Statistics and Economics: Conference Proceedings. — Prague, Czech Republic. — Pp. 752–761. — DOI: 10.18267/pr.2020.los.223.0. — URL: https://msed.vse.cz/msed_2020/article/307-Notman-Olga-paper.pdf (Date accessed: 26.02.2021).

4. Van de Kaa D. Temporarily New: On Low Fertility and the Prospect of Pro-natal Policies // Vienna Yearbook of Population Research. — 2006. — Pp. 193–211.

5. Arhangel'skij V.N. Rozhdaemost' i reproductivnoe povedenie v Rossii period aktivizacii podderzhki semej s det'mi [Birth rate and reproductive behavior in Russia the period of activation of support for families with children] // Demograficheskaja i semejnaja politika v kontekste celej ustojchivogo razvitija: sbornik statej IX Ural'skogo demograficheskogo foruma [Demographic and family Policy in the context of the Sustainable Development Goals: a collection of articles of the IX Ural Demographic Forum]. — Ekaterinburg: Institut jekonomiki UrO RAN, 2018. — Vol. 1. — Pp. 7–25.

6. Bagirova A.P., Bykova D.G., Voroshilova A.I., Il'ves Je. V., Chereshova S.V. Roditel'skij trud: jekonomicheskij i sociologicheskij analiz [Parental work: economic and sociological analysis]. — Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo universiteta, 2017.

7. Valiahmetov R.M. Jekonomicheskie i sociokul'turnye faktory semejnogo povedenija (na primere issledovanija zhiznennyh cennostej semejnyh par v Respublike Bashkortostan) [Economic and socio-cultural factors of family behavior (on the example of the study of the life values of family couples in the Republic of Bashkortostan)] // Social'naja dinamika naselenija i ustojchivoje razvitie [Social dynamics of the population and sustainable development]. — Moscow: MGU, 2019. — Pp. 33–38.

8. Il'darhanova Ch. I. Sem'ja i deti v Respublike Tatarstan: paradoksy obshhestvennogo soznaniya [Family and children in the Republic of Tatarstan: paradoxes of public conscious-

ness]// Nauchnyj Tatarstan [Scientific Tatarstan]. — 2018. — №3. — Pp. 11–16.

9. *Klupt M. A.* Demografija regionov Zemli [Demography of the Earth's regions]. — Saint Petersburg: Piter, 2008.

10. *Kul'kova I. A.* Vesomost' povyshenija pensionnogo vozrasta kak faktora sokrashhenija rozhdaemosti [The weight of raising the retirement age as a factor in reducing the birth rate] // Instituty razvitiya chelovecheskogo potentsiala v uslovijah sovremennyh vyzovov. Sbornik statej XI Ural'skogo demograficheskogo foruma [Institutions of human development in the context of modern challenges. Collection of articles of the XI Ural Demographic Forum]. — Ekaterinburg: Institut jekonomiki UrO RAN, 2020. — Pp. 154–160.

11. *Kuchmaeva O. V.* Sovremennye problemy ocenki jeffektivnosti semejnoy politiki v Rossijskoj Federacii [Modern problems of evaluating the effectiveness of family policy in the Russian Federation] [Elektronnyj resurs] // Statistika i Jekonomika [Statistics and Economics]. — 2017. — №5. — Pp. 85–93. — URL: <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2017-5-85-93>.

12. *Kuchmaeva O. V., Rostovskaja T. K.* Sem'ja v sisteme social'nyh institutov obshhestva [The family in the system of social institutions of society]. — Moscow: Jurajt, 2020.

13. Pasport Nacional'nogo proekta «Demografija» [Passport of the National project «Demography»] [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/demography> (Date accessed: 26.02.2021).

14. *Shmarova I. V.* Izuchenie prjamyh zatrat roditel'skogo truda: potencial i ogranichenie issledovatel'skih metodov [The study of direct costs of parental labor: the potential and limitation of research methods] // Razvitie territorial'nyh social'no-jekonomicheskikh sistem: voprosy teorii i praktiki: materialy XVI mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii molodyh uchenykh [Development of territo-

rial socio-economic systems: questions of theory and practice: materials of the XVI International scientific and practical conference of young scientists]. — Ekaterinburg: Institut jekonomiki UrO RAN, 2019. — Pp. 237–240.

15. *Shmarova I. V.* Roditel'skij trud kak potencial'nyj instrument demograficheskoy politiki [Parental labor as a potential tool of demographic policy] // Dostojnyj trud — osnova stabil'nogo obshhestva: materialy X Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Decent work — the basis of a stable society: proceedings of the X International Scientific and Practical Conference]. — Ekaterinburg: Izd-vo UrGJeU, 2018. — Pp. 156–160.

16. *Shubat O. M.* Regional'naja konvergencija rozhdaemosti v Rossii [Regional convergence of fertility in Russia] // Jekonomika regiona [The economy of the region]. — 2019. — Vol. 15. — Issue 3. — Pp. 736–748.

17. *Shutova N. V.* Social'naja jeffektivnost' stimulirovanija roditel'skogo truda rabotnikov organizacii: metodika ocenki i rezul'taty [Social efficiency of stimulating parental labor of employees of the organization: evaluation methods and results] // Vestnik jekonomiki, prava i sociologii [Bulletin of Economics, Law and Sociology]. — 2020. — №2. — Pp. 186–191.

18. *Jufereva A. S., Voroshilova A. I.* Osobennosti vlijanija mediakonvergencii na formirovanie obraza roditel'stva (po itogam kontent-analiza social'nyh setej) [Features of the influence of media convergence on the formation of the image of parenthood (based on the results of the content analysis of social networks)] // Strategii razvitiya social'nyh obshhnostej, institutov i territorij: materialy IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii: v 2-h t. [Strategies for the development of social communities, institutions and territories: materials of the IV International Scientific and Practical conference: in 2 volumes]. — Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo universiteta, 2018. — Vol. 1. — Pp. 132–136.

Багирова Анна Петровна — профессор, доктор экономических наук, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, заместитель директора по науке и инновациям Института экономики и управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Bagirova Anna Petrovna — Professor, Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Sociology and Technologies of State and Municipal Administration, Deputy Director for Science and Innovation of the Institute of Economics and Management, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19
19 Mira st., 620002, Yekaterinburg, Russia
E-mail: a.p.bagirova@urfu.ru

УДК 316.3, 316.4, 32.019.52, 323.2
10.17213/2075-2067-2021-2-29-40

РОССИЙСКАЯ МОЛОДЕЖЬ О ПЕРСПЕКТИВАХ И ОБРАЗАХ БУДУЩЕГО СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТРАНЫ

© 2021 г. Н. М. Великая, И. С. Шушпанова

*Институт социально-политических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
г. Москва, Россия*

Целью исследования в статье является анализ социально-политических аспектов сложившихся образов будущего у российской молодежи. Отдельно рассматривается уровень доверия к президентской власти, который является важным индикатором легитимности государственных институтов, и отношение молодежи к поправкам в Конституцию РФ. Учитывая высокий уровень глобализации российского общества, авторы анализируют перспективы внешнеполитического курса и возможности геополитического положения России в ближайшей перспективе с точки зрения молодежи.

Методологическая база исследования основывается на применении системного, комплексного подхода к исследованию перспектив и образов будущего в оценках российской молодежи. Авторы строили свое исследование на изучении широкой теоретической базы, проанализировав труды ведущих ученых, практиков в области социологии молодежи, политической социологии и других смежных дисциплин. На этой основе было разработано оригинальное методическое обеспечение исследовательского авторского проекта. Эмпирическую базу составили результаты социологического исследования «Устойчивость социально-политического развития российского общества и меняющийся образ будущего в массовом сознании граждан», проведенного Центром стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН в декабре 2020 года с участием авторов.

Результаты исследования. По мнению молодежи, идеальный образ социально-политического развития страны имеет гибридный характер, основывается как на общечеловеческих ценностях, так и на противостоящих друг другу политико-идеологических. Образ будущего развития глазами молодых граждан в разрезе оценки перспектив внутренней и внешней политики предполагает руководство страной сильного, с твердой рукой президента, который способен сдерживать внутренние и внешние конфликты, активно развивая отношения на международной арене. В то же время протестный потенциал молодежи не угрожает устойчивости современной политической системы и во многом сдерживается высоким уровнем уверенности в завтрашнем дне и социальным оптимизмом. В статье также делается вывод об устойчивости политической культуры, которая демонстрирует преимущество и наличие раскола по основанию выбора предпочтительного социального строя: капитализма или социализма.

Перспективу исследования составляет продолжение сбора, анализа новой и имеющейся мониторинговой социологической информации с целью выявления тенденций, трендов трансформации образов будущего социально-политического развития страны в оценках российской молодежи.

Ключевые слова: молодежь; образ будущего; устойчивое социально-политическое развитие российского общества; государство; власть; гражданское общество; доверие;

Конституция РФ; внутренняя политика; внешняя политика; социализм; капитализм; экономика; общественное мнение.

RUSSIAN YOUTH ABOUT PROSPECTS AND IMAGES OF THE FUTURE SOCIO-POLITICAL DEVELOPMENT OF THE COUNTRY

© 2021 N. M. Velikaya, I. S. Shushpanova

*Institute of Socio-political Research of the Federal Research Sociological Center
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

The purpose of the research in the article is to analyze the socio-political aspects of the current image of the future among Russian youth. The level of trust in the presidential power, which is an important indicator of the legitimacy of state institutions, and the attitude of young people to the amendments to the Constitution of the Russian Federation are considered separately. Taking into account the high level of globalization of the Russian society, the authors analyze the prospects of the foreign policy course and the possibilities of the geopolitical position of Russia in the near future from the point of view of the youth.

The methodological framework of the research is based on the application of a systematic, integrated approach to the study of prospects and images of the future in the assessments of Russian youth. The authors based their research on the study of a broad theoretical base, analyzing works of the leading scientists and practitioners in the field of youth and political sociology and other related disciplines. On this basis, the original methodological support of the research project was developed. The empirical base was formed by the results of the sociological study «The stability of the socio-political development of Russian society and the changing image of the future in the mass consciousness of citizens», conducted by the Center for Strategic Social and Socio-Political Studies of the ISPI of the Russian Academy of Sciences in December 2020 with the participation of the authors.

The results of the study. The ideal image of the socio-political system has a hybrid character, based both on universal values and on opposing political and ideological ones. The protest potential of young people does not threaten the stability of the modern political system and is largely constrained by a high level of confidence in the future and social optimism. The conclusion about the stability of political culture, which demonstrates continuity and the presence of a split on the basis of choosing the preferred social system: capitalism or socialism, is also drawn in the article.

The perspective of the research is the continuation of the collection and analysis of new and existing monitoring sociological information in order to identify tendency in the transformation of images of the future socio-political development of the country in the assessments of Russian youth.

Key words: youth; image of the future; sustainable socio-political development of Russian society; state; government; civil society; trust; Constitution of the Russian Federation; domestic policy; foreign policy; socialism; capitalism; economy; public opinion.

Введение. Мировоззрение молодежи традиционно является одним из самых актуальных предметов социологических исследований, что определяется пониманием того факта, что именно молодежь является социальной базой и субъектом настоящих и будущих обще-

ственных перемен. При этом доминирующие смысло-жизненные ценности этой социальной группы, озабоченность судьбами страны, ответственность перед ближним кругом и перед обществом в целом, интерес к окружающему миру и высокий уровень социального опти-

мизма, а главное, готовность к определенным социальным действиям и склонность к радикализму — вот основные черты, традиционно приписываемые молодежи [2].

Отдельно стоит обратить внимание на тот факт, что глобализационные процессы, связанные прежде всего с глобализацией информации, оказывают существенное влияние на молодое поколение: политические изменения, экономические преимущества других систем, провалы политики в других странах моментально становятся достоянием общества. В этом смысле молодежь, имеющая доступ к новейшим технологиям, больше включена и в международную повестку дня, что влияет на ее восприятие актуальной политической и экономической ситуации в стране [2]. Нам было важно увидеть также, в какой мере представления о будущем современной российской молодежи совпадают с установками старшего поколения, какой путь развития страны она считает предпочтительным, какой она видит современную политическую систему России.

В контексте изучения теоретико-методологической базы авторы проанализировали труды ведущих исследователей в области социологии молодежи и политической социологии: Ю.А. Зубок, В.И. Чупрова [5–7, 13–16], А.И. Ковалевой, В.А. Лукова, Э.К. Погорского, Д.А. Тихомирова [8, 11], Н.М. Великой [2], В.К. Левашова, И.С. Шушпановой [17, 10] и других. Также авторами был проведен анализ работ широкого круга ученых и практиков, исследовавших образ будущего в контексте изучения социально-политических аспектов развития общества. Среди них можно выделить труды таких авторов, как В.С. Бочко, Е.А. Захарчук [1], А.В. Глухова, О.А. Сиденко, Д.В. Сосунов, Д.В. Щеглова [3], В.А. Зимин [4], В.В. Гаврилюк, Л.Л. Мехришвили, Н.И. Скок, Х.Н. Садыкова, Ш.Ф. Фарахутдинов, В.В. Маленков, Т.В. Гаврилюк, О.Л. Сотков, И.Н. Голиков [12], Ф. Полак [18] и др.

Эмпирическую базу исследования составили результаты всероссийского социологического исследования, проведенного в декабре 2020 года Центром стратегических, социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН с участием авторов статьи¹ и других мониторинговых исследований [9, 17]. На этой основе был проведен анализ мнений российской молодежи о перспективах и образах будущего социально-политического развития страны по ключевым индикаторам.

Перспективы развития внутренней и внешней политики глазами российской молодежи. Политическое развитие страны традиционно определяется деятельностью и эффективностью политической власти. В этой связи важнейшим индикатором является уровень доверия к политическим институтам и институтам гражданского общества.

Заметим, что в декабре 2020 года 62% молодых граждан доверяли Президенту РФ. Противоположное мнение имели 26% молодых респондентов. Высокий уровень поддержки действующего Президента сопровождается низким уровнем доверия к другим политическим институтам: Государственной Думе, политическим партиям, общественным организациям. Так, более 46% молодежи не поддерживают никакую политическую партию, 75% уверены, что «большинство из нас не могут повлиять на политические процессы», а это подчеркивает закрепившуюся модель персонифицированной власти и высокую степень отчуждения.

На фоне столь высокого уровня доверия Президенту РФ наибольшее число молодых граждан затруднились выразить свое мнение в отношении действенности поправок в Конституцию РФ, которые были одобрены в ходе общероссийского голосования (38%) (см. табл. 1). Почти четверть опрошенных молодых граждан утверждали, что поправки

¹ Полевой этап исследования проходил в 14 регионах Российской Федерации. Выборка является репрезентативной. В основе ее построения лежит выборочный метод, базирующийся на экономико-географическом районировании страны, также учитывающий взаимозависимые характеристики генеральной совокупности (пол, возраст, образование, место жительства). Объем выборочной совокупности — 1563 респондентов. Для достижения цели исследования в рамках статьи авторами был отобран массив данных для последующего анализа, характеризующий объект исследования. С учетом Федерального закона от 30 декабря 2020 года №489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» в данном исследовании российская молодежь определялась возрастными границами от 18 до 35 лет.

в Конституцию РФ не окажут никакого влияния на развитие страны и общества (23%). До пятой части молодых людей увидели положительное (21%) и отрицательное влияние (18%). В целом единого мнения по данному вопросу не зафиксировано, а разброс точек зрения и высокий процент неопределившихся, скорее, свидетельствует о слабой информированности молодежи относительно содержания большинства поправок.

Проблема устойчивости социально-политического развития остается одной из самых важных тем научного и политического дискурса. Тиражируется мнение, что молодежь легко может составить базу социального и политического протеста, выйдя при наличии поводов на улицы городов². Однако сама молодежь, как показывают наши исследования по общероссийской выборке, демонстрирует известную степень лояльности. Более того, по мнению российской молодежи, уличные беспорядки, имевшие место на Украине и в Белоруссии, не могут в ближайшее время

произойти в России (52%) (см. табл. 2). Лишь пятая часть российской молодежи полагала, что такая возможность реально существует (22%).

Образ социально-политического развития страны в ближайшем будущем, по мнению большинства молодых россиян, тесно связан с наличием твердой руки Главнокомандующего страны, который способен навести порядок и сдержать возможные беспорядки. Так, по данным исследования, в декабре 2020 года 63% молодых граждан согласились с утверждением, что «России в целях успешного развития нужно единство власти и народа, порядок в обществе и твердая рука». Другого мнения придерживалось 37% российской молодежи, считая, что «России в целях успешного развития нужна партийная и политическая конкуренция, свобода и демократия».

В средствах массовой информации довольно часто формируется негативный образ западных стран, посредством которого

Таблица 1

Распределение ответов молодых граждан на вопрос: «Как повлияют поправки, внесенные в Конституцию России, на развитие страны и общества?» (РФ, декабрь 2020 г., % от числа опрошенных молодых людей)³

Варианты ответов	%
Положительно	21
Отрицательно	18
Никак не повлияют	23
Затруднились ответить	38

Таблица 2

Мнение российской молодежи о том, могут ли в России в ближайшее время произойти события, подобные тем, что произошли на Украине и в Белоруссии? (РФ, декабрь 2020 г., % от числа опрошенных молодых людей)⁴

Варианты ответов	%
Могут произойти	22
Не произойдут	52
Затруднились ответить	26

² Например: Бунт подростков: Навальный поднимает против Путина молодняк // Свободная пресса. URL: <https://svpressa.ru/society/article/287755/>.

³ Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

⁴ Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

создается образ «внешнего врага». В отличие от старшего поколения, в большей степени привязанного к традиционным СМИ, большинство молодых людей считали, что Россия должна активно развивать отношения с остальным миром (49%) (см. табл. 3). Четвертая часть молодых граждан говорили, что Россия должна снизить свою активность на международной арене и сосредоточиться на своих внутренних проблемах (24%).

Учитывая, что артикулированной угрозой в публичном пространстве является вопрос о территориальной целостности России, интересно посмотреть на позицию молодежи относительно геополитических процессов. Единого мнения по этому вопросу у молодых людей не сформировано: треть молодых граждан считали, что рано или поздно вокруг России начнется процесс объединения народов (33%) (см. табл. 4). «Россия будет су-

ществовать в нынешних границах» — такой вариант ответа выбрали 29% молодых россиян. Только лишь 5% молодых респондентов сказали, что Россия обречена на дальнейший распад. Затруднились ответить 31% опрошенных молодых россиян.

Итак, перспективы реального положительного влияния поправок в Конституцию РФ на развитие страны и общества весьма туманны и неопределенны. Мнения российской молодежи разделились по данному вопросу. Однако наибольшая ее часть настроена достаточно аполитично. Образ будущего социально-политического развития страны в контексте оценки перспектив внутренней политики российской молодежью дополняется желанием видеть во главе страны руководителя с твердой рукой, который способен навести порядок и обеспечить единство власти и общества. По мнению большинства

Таблица 3

Мнение российской молодежи о том, каким образом Россия должна строить свои отношения с окружающим миром, исходя из своих национальных интересов (РФ, декабрь 2020 г., % от числа опрошенных молодых людей)⁵

Варианты ответов	%
Россия должна активно развивать отношения с остальным миром	49
Россия должна снизить свою активность на международной арене и сосредоточиться на своих внутренних проблемах	24
Отношения между Россией и остальным миром должны оставаться такими, какие они есть сейчас	12
Затруднились ответить	15

Таблица 4

Распределение ответов молодых граждан на вопрос: «Какое, по Вашему мнению, будущее ожидает Россию?» (РФ, декабрь 2020 г., % от числа опрошенных молодых людей)⁶

Варианты ответов	%
Россия обречена на дальнейший распад	5
Россия будет существовать в нынешних границах	29
Рано или поздно вокруг России начнется процесс объединения народов	33
Другое мнение	2
Затруднились ответить	31

⁵ Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

⁶ Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

молодых россиян, на международной арене, исходя из своих национальных интересов, в перспективе Россия должна активно развивать отношения с остальным миром. Однако, отвечая на вопрос о том, какое будущее ожидает Россию, российская молодежь высказывает разные точки зрения. Их мнения по данному вопросу разделились на три почти равные когорты.

Российская молодежь о гражданском обществе будущего. Надо заметить, что российская молодежь так же, как и старшие поколения, имеющиеся проблемы и перспективы завтрашнего дня практически не связывает с трансформациями политического режима. Наибольшее число молодых граждан России затруднились ответить на вопрос об обществе, в котором они бы хотели жить (48%) (см. табл. 5). Тем не менее, 29% российской молодежи ответили, что предпочли бы капиталистическое общество. Только 17% молодых россиян выбрали для жизни социализм. В каком-то другом обществе хотели бы жить 5% опрошенных молодых людей.

Такое распределение мнений российской молодежи об обществе, в котором они хотели бы жить, во многом обусловлено представлениями и социально-политическими установками, сформированными в процессе социализации молодых граждан. Так, в сознании молодежи сущностное ядро «капитализма» тесно связано с такими понятиями, как частная собственность (67%), конкуренция (63%), технический прогресс (48%), власть узкой группы людей (40%), корруп-

ция (33%), высокий уровень жизни (26%), свобода (23%), социальная незащищенность (22%). А в основе дефиниции «социализм» лежат следующие составляющие ее характеристики: патриотизм (43%), порядок (40%), коллективизм (38%), взаимопомощь (26%), справедливость (25%), нравственность (22%), бедность (21%), технический прогресс (21%).

Более того, по мнению молодежи, в основу политики развития, независимости и процветания России должны лечь такие понятия, как «мир» (50%) и «закон» (50%) (см. табл. 6). От пятой части до половины опрошенных молодых людей образ будущего социально-политического развития страны связывали с реализацией и наличием «прав человека» (38%), «порядка» (31%), «справедливости» (29%), «свободы» (26%), «созидания» (23%), «демократии» (22%) и «патриотизма» (21%). В меньшей степени в политику развития страны в перспективе российская молодежь вкладывала такие понятия, как «державность» (17%), «государственность» (15%), «частная собственность» (14%), «культура» (14%), «Российская империя» (13%), «равенство» (11%), «взаимопомощь» (11%), «конкуренция» (10%), «нравственность» (9%), «согласие» (8%), «капитализм» (7%), «духовность» (7%), «нация» (6%), «интернационализм» (6%), «народовластие» (5%) и другие.

Идеальный образ социально-политического развития гражданского общества, с которым российская молодежь ассоциирует будущее России, строится на некотором

Таблица 5

**Распределение ответов российской молодежи на вопрос:
«Исходя из своего жизненного опыта и представлений
о социализме и капитализме, в каком обществе Вы хотели бы жить?»
(РФ, декабрь 2020 г., % от числа опрошенных молодых людей)⁷**

Варианты ответов	%
В капиталистическом	29
В социалистическом	17
В каком-то другом	6
Затруднились ответить	48

⁷ Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

гибридном конструкте, сущность которого составляют «мир» и «закон», облеченный в оболочку из сочетания отдельных сторон социализма («порядок», «справедливость», «патриотизм») и капитализма («свобода»), а также совокупности наличия «прав человека», «созидания» и «демократии».

Перспективы социально-политического и экономического развития страны в оценках молодых граждан. Оптимистические настроения молодых россиян в отношении отдельных сфер жизнедеятельности социума в ближайшем будущем прослеживаются лишь в двух областях. Оценивая перспективное положение дел, наибольшее число молодых граждан утверждали, что в ближайшие 5 лет улучшится экономическое положение страны (40%) и ситуация в социальной сфере (44%) (см. табл. 7). По остальным сферам жизни общества, по мнению молодых

россиян, ситуация не изменится вовсе. Среди российской молодежи доминировало мнение о том, что в ближайшем будущем останется прежним положение дел в областях культуры и искусства (61%), развития демократии, прав и свобод граждан (61%), борьбы с коррупцией, законности и правопорядка (57%), духовно-нравственного состояния общества (53%), межнациональных отношений (53%). По мнению молодых граждан, скорее не изменится, чем изменится ситуация в отношении уровня жизни населения (41%) и международного положения страны (40%).

Среди российской молодежи в целом преобладает позитивное социально-психологическое состояние. На вопрос «Чувствуете ли Вы уверенность в завтрашнем дне?» 42% опрошенных молодых граждан ответили положительно (см. табл. 8). Пессимизм и страх перед будущим наблюдался у четверти молодых россиян (25%).

Таблица 6

**Распределение ответов российской молодежи на вопрос:
«По Вашему мнению, какие из перечисленных понятий должны лечь
в основу политики развития, независимости и процветания России?»
(РФ, декабрь 2020 г., % от числа опрошенных молодых людей)⁸**

Варианты ответов	%	Варианты ответов	%
Мир	50	Конкуренция	10
Закон	50	Нравственность	9
Права человека	38	Согласие	8
Порядок	31	Капитализм	7
Справедливость	29	Духовность	7
Свобода	26	Нация	6
Созидание	23	Интернационализм	6
Демократия	22	Народовластие	5
Патриотизм	21	Социализм	3
Державность	17	Народность	3
Государственность	15	Религиозность	2
Частная собственность	14	СССР	2
Культура	14	Братство	2
Российская империя	13	Православие	2
Равенство	11	Самодержавие	1
Взаимопомощь	11		

⁸ Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Заключение. Образы будущего социально-политического развития страны с точки зрения российской молодежи строились на основе анализа трех ключевых аспектов: оценка перспектив развития внутренней и внешней политики, формирование идеального образа российского общества и описание перспектив социально-политического и экономического развития страны по различным сферам жизнедеятельности. В целом российская молодежь, оценивая перспективы развития страны в различных областях, сохраняет довольно консервативные установки, которые не очень отличаются от взглядов старших поколений. Демонстрируя уверенность в завтрашнем

дне и проявляя довольно высокий уровень социально-психологического оптимизма, молодежь рисует позитивный сценарий будущего развития, главным образом, в экономической и социальной сферах жизнедеятельности общества, что ограничивает протестный потенциал российской молодежи, который не превышает 20%. Более скептично молодежь оценивает перспективы развития страны в плане укрепления демократической модели и достижения прорывов на международной арене. Однако это не сильно влияет на ее установки участвовать в социальной и гражданской активности по сравнению со старшими поколениями.

Таблица 7

**Распределение ответов российской молодежи на вопрос:
«Как, по Вашему мнению, может измениться положение дел
в различных сферах жизни российского общества в ближайшие 5 лет?»
(РФ, декабрь 2020 г., % от числа опрошенных молодых людей)⁹**

Варианты ответов	Станет лучше	Не изменится	Станет хуже
Экономическое положение страны	40	36	24
Уровень жизни населения	32	41	27
Ситуация в социальной сфере (здравоохранение, образование)	44	38	18
Духовно-нравственное состояние общества	27	53	20
Ситуация в сфере культуры и искусства	28	61	11
Межнациональные отношения	29	53	18
Международное положение страны	36	40	24
Развитие демократии, прав и свобод граждан	18	61	21
Борьба с коррупцией, законность и правопорядок	21	57	22

Таблица 8

**Распределение ответов молодых граждан на вопрос:
«Чувствуете ли Вы уверенность в завтрашнем дне?»
(РФ, декабрь 2020 г., % от числа опрошенных молодых людей)¹⁰**

Варианты ответов	%
Да	42
Нет	25
Затруднились ответить	33

⁹ Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

¹⁰ Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Литература

1. Бочко В. С., Захарчук Е. А. Методология формирования образа будущего при разработке стратегии развития территории // Журнал экономической теории. — 2019. — Т. 16. — №4. — С. 688–704. — DOI: 10.31063/2073-6517/2019.16-4.7.
2. Великая Н. М. Российская молодежь в поле современной политики: между традиционализмом и оппозиционностью // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. — 2020. — №2 (21). — С. 57–68.
3. Глухова А. В., Сиденко О. А., Сосунов Д. В., Щеглова Д. В. В поисках желаемого будущего — российская внутривластная повестка дня // Социологические исследования. — 2020. — №2. — DOI: 10.31857/S013216250008493-5.
4. Зимин В. А. «Образ будущего» в политической культуре современной России // Успехи современной науки и образования. — 2016. — №9. — Т. 2. — С. 172–175.
5. Zubok Ю. А. Традиционное и современное в социально-политических идентификациях молодежи // Власть. — 2014. — №11. — С. 39–43.
6. Zubok Ю. А., Чупров В. И. Жизненные стратегии молодежи: реализация ожиданий и социальные настроения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2020. — №3. — С. 13–41. — DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1602.
7. Zubok Ю. А., Чупров В. И. Социология молодежи: учебник. — М.: Норма, 2011. — 336 с.
8. Ковалева А. И., Луков В. А. Социология молодежи. — М.: Социум, 1999. — 351 с.
9. Куда идешь, Россия? Экспресс-информация / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова и др.; отв. ред. В. К. Левашов; ФНИСЦ РАН. — М.: ФНИСЦ РАН, 2021. — 47 с. — DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-344-7.2021.
10. Левашов В. К., Шушпанова И. С., Афанасьев В. А., Новоженкина О. П. Социально-политические ценностные ориентации российской молодежи // Культурное пространство молодежи: смыслы и практики. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Под общей редакцией Т. К. Ростовской. — М.: Издательский дом «Перспектива», 2019. — С. 167–173.
11. Луков В. А., Погорский Э. К., Тихомиров Д. А. Государственная молодежная политика: российская и мировая практика реализации в обществе инновационного потенциала новых поколений // Знание. Понимание. Умение. — 2011. — №4. — С. 231–236.
12. Образ будущего в оценках нового поколения россиян: монография / В. В. Гаврилюк, Л. Л. Мехришвили, Н. И. Скок, Х. Н. Садыкова, Ш. Ф. Фарахутдинов, В. В. Маленков, Т. В. Гаврилюк, О. Л. Сотков, И. Н. Голиков. — Тюмень: ТИУ, 2016.
13. Саморегуляция жизнедеятельности молодежи: методология и социальные практики: монография / Ю. А. Zubok, О. Н. Безрукова, Ю. Р. Вишневский и др.; науч. ред. Ю. А. Zubok. — Белгород: ООО «Эпицентр», 2021. — 500 с.
14. Стратегия прорыва и цифровая реальность России. Социально-политическое положение и демографическая ситуация в 2019 году: коллективная монография // под ред. Г. В. Осипова, С. В. Рязанцева, В. К. Левашова, Т. К. Ростовской. — М.: Перспектива, 2019. — 786 с.
15. Чупров В. И. Становление отечественной школы социологии молодежи // Россия реформирующаяся: ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков. — М.: Новый Хронограф, 2019. — Вып. 17. — С. 103–125.
16. Шушпанова И. С. Российская молодежь о целях развития страны и национальных проектах // Государственная молодежная политика: национальные проекты 2019–2024 гг. в социальном развитии молодежи. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Федеральный научно-исследовательский социологический центр, Институт социально-политических исследований. — М.: Издательский дом «Перспектива», 2020. — С. 515–527.
17. Экспресс-информация. Как живешь, Россия? 50 этап социологического мониторинга, август-сентябрь 2020 года: монография / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова и др.; отв. ред. В. К. Левашов. ФНИСЦ РАН. — М.: Перспектива, 2020. — 64 с. — DOI: 10.19181/monogr.978-5-88045-463-1.2020.
18. Polak F. The Image of the Future. — Amsterdam, London, New York: Elsevier Scientific Publishing Company, 1973. — 320 p.

19. *Pronovost Gilles*. On constructing Typologies of Young People's Cosmopolitanism // Youth and Globalization. — 2020. — Vol. 2. — №1. — P. 2–17.

References

1. *Bochko V.S., Zaharchuk E.A.* Metodologija formirovanija obraza budushhego pri razrabotke strategii razvitiya territorii [Methodology of forming the image of the future in the development of a strategy for the development of the territory] // Zhurnal jekonomicheskoy teorii [Journal of Economic Theory]. — 2019. — Vol. 16. — №4. — Pp. 688–704. — DOI: 10.31063/2073-6517/2019.16-4.7.
2. *Velikaja N.M.* Rossijskaja molodezh' v pole sovremennoj politiki: mezhdru tradicionalizmom i oppozicionnost'ju [Russian youth in the field of modern politics: between traditionalism and Opposition] // Vestnik RGGU. Serija: Filosofija. Sociologija. Iskuststvovedenie [Bulletin of the RSUH. Series: Philosophy. Sociology. Art history]. — 2020. — №2 (21). — Pp. 57–68.
3. *Gluhova A.V., Sidenko O.A., Sosunov D.V., Shheglova D.V.* V poiskah zhelaemogo budushhego — rossijskaja vnutripoliticheskaja povestka dnja [In search of the desired future — the Russian domestic political agenda] // Sociologicheskie issledovanija [Sociological research]. — 2020. — №2. — DOI: 10.31857/S013216250008493-5.
4. *Zimin V.A.* «Obraz budushhego» v politicheskoy kul'ture sovremennoj Rossii [«The image of the future» in the political culture of modern Russia] // Uspehi sovremennoj nauki i obrazovanija [Achievements of modern science and education]. — 2016. — №9. — Vol. 2. — Pp. 172–175.
5. *Zubok Ju. A.* Tradicionnoe i sovremennoe v social'no-politicheskikh identifikacijah molodezhi [Traditional and modern in socio-political identifications of youth] // Vlast' [Power]. — 2014. — №11. — Pp. 39–43.
6. *Zubok Ju. A., Chuprov V.I.* Zhiznennye strategii molodezhi: realizacija ozhidaniy i social'nye nastroyeniya [Life strategies of youth: realization of expectations and social moods] // Monitoring obshhestvennogo mneniya: jekonomicheskie i social'nye peremeny [Monitoring public opinion: economic and social changes]. — 2020. — №3. — Pp. 13–41. — DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1602.
7. *Zubok Ju. A., Chuprov V.I.* Sociologija molodezhi: uchebnik [Sociology of Youth: textbook]. — Moscow: Norma, 2011. — 336 p.
8. *Kovaleva A.I., Lukov V.A.* Sociologija molodezhi [Sociology of Youth]. — Moscow: Socium, 1999. — 351 p.
9. Kuda idesh', Rossiya? Jekspress-informacija [Where are you going, Russia? Express information] / V.K. Levashov, N.M. Velikaja, I.S. Shushpanova i dr.; In V.K. Levashov (eds.); FNISC RAN. — Moscow: FNISC RAN, 2021. — 47 p. — DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-344-7.2021.
10. *Levashov V.K., Shushpanova I.S., Afanas'ev V. A., Novozhenina O.P.* Social'no-politicheskie cennostnye orientacii rossijskoj molodezhi [Socio-political value orientations of Russian youth] // Kul'turnoe prostranstvo molodezhi: smysly i praktiki. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii [The Cultural space of youth: meanings and practices. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference]. In T.K. Rostovskaya (eds.). — Moscow: Izdatel'skij dom «Perspektiva», 2019. — Pp. 167–173.
11. *Lukov V.A., Pogorskiy Je. K., Tihomirov D.A.* Gosudarstvennaja molodezhnaja politika: rossijskaja i mirovaja praktika realizacii v obshhestve innovacionnogo potenciala novyh pokolenij [State youth policy: Russian and world practice of implementing the innovative potential of new generations in society] // Znanie. Ponimanie. Umenie [Knowledge. Understanding. Skill]. — 2011. — №4. — Pp. 231–236.
12. Obraz budushhego v ocenках novogo pokolenija rossijan: monografija [The way of the future in the estimates of the new generation of Russians: monograph] / V.V. Gavriljuk, L.L. Mehrishvili, N.I. Skok, H.N. Sadykova, Sh. F. Farahutdinov, V.V. Malenkov, T.V. Gavriljuk, O.L. Sotkov, I.N. Golikov. — Tjumen': TIU, 2016.
13. Samoreguljacija zhiznedejatel'nosti molodezhi: metodologija i social'nye praktiki: monografija [Self-regulation of the life of young people: methodology and social practices: monograph] / Ju. A. Zubok, O.N. Bezrukova, Ju. R. Vishnevskij i dr.; In Ju. A. Zubok (eds.). — Belgorod: OOO «Jepicentr», 2021. — 500 p.
14. Strategija proryva i cifrovaja real'nost' Rossii. Social'no-politicheskoe polozhenie i de-

mograficheskaja situacija v 2019 godu: kollektivnaja monografija [The Breakthrough Strategy and the digital reality of Russia. Socio-political situation and demographic situation in 2019: collective monograph] // In G.V. Osipov, S.V. Rjazancev, V.K. Levashov, T.K. Rostovskaya (eds.). — Moscow: Perspektiva, 2019. — 786 p.

15. *Chuprov V.I.* Stanovlenie otechestvennoj shkoly sociologii molodezhi [Formation of the national school of youth sociology] // Rossiya reformirujushhasja: ezhegodnik [Russia being Reformed: Yearbook] / In M.K. Gorshkov (eds.). — Moscow: Novyj Hronograf, 2019. — Issue 17. — Pp. 103–125.

16. *Shushpanova I.S.* Rossijskaja molodezh' o celjah razvitija strany i nacional'nyh proektah [Russian youth on the goals of the country's development and national projects] // Gosudarstvennaja molodezhnaja politika: nacional'nye proekty 2019–2024 gg. v social'nom razvitii molodezhi. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoi konferencii. Federal'nyj nauchno-issledovatel'skij sociologicheskij centr, Institut social'no-politicheskikh issledovanij [State youth

policy: national projects 2019–2024 in the social development of young people. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Federal Research Sociological Center, Institute of Socio-Political Studies]. — Moscow: Izdatel'skij dom «Perspektiva», 2020. — Pp. 515–527.

17. Jekspress-informacija. Kak zhivesh', Rossiya? 50 jetap sociologicheskogo monitoringa, avgust-sentjabr' 2020 goda: monografija [Express information. How do you live, Russia? 50 stage of sociological monitoring, August-September 2020: monograph] / V.K. Levashov, N.M. Velikaja, I.S. Shushpanova i dr.; In V.K. Levashov (eds.). FNISC RAN. — Moscow: Perspektiva, 2020. — 64 p. — DOI: 10.19181/monogr.978-5-88045-463-1.2020.

18. *Polak F.* The Image of the Future. — Amsterdam, London, New York: Elsevier Scientific Publishing Company, 1973. — 320 p.

19. *Pronovost Gilles.* On constructing Typologies of Young People's Cosmopolitanism // Youth and Globalization. — 2020. — Vol. 2. — №1. — P. 2–17.

Поступила в редакцию

5 февраля 2021 г.

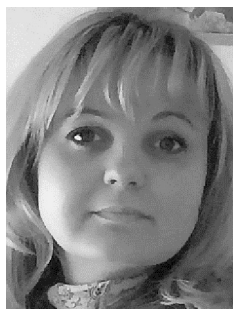

Великая Наталия Михайловна — доктор политических наук, заместитель директора по научной работе, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; декан социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ).

Velikaya Natalia Mikhailovna — Doctor of Political Sciences, Deputy Director of Science and Research, Main Researcher, Institute of Socio-Political Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; Dean of the Sociology Faculty of Russian State University for the Humanities.

119333, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, стр. 1
6 Fotievoi st., bld. 1, 119333, Moscow, Russia,
E-mail: natalivelikaya@gmail.com

125993, г. Москва, Миусская пл., 6
6 Miusskaya sq., 125993, Moscow, Russia,
E-mail: natalivelikaya@gmail.com

Шушпанова Ирина Сергеевна — кандидат социологических наук, доцент, ученый секретарь, ведущий научный сотрудник Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Shushpanova Irina Sergeevna — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Academic Secretary of the branch, Leading Researcher, Institute of Socio-Political Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

119333, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, стр. 1
6 Fotievoi st., bld. 1, 119333, Moscow, Russia,
E-mail: i.s.shushpanova@mail.ru

УДК 314. 15.015

10.17213/2075-2067-2021-2-41-49

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ, ПРОФЕССИЯ ДЕМОГРАФ, ЭФФЕКТИВНОСТЬ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

© 2021 г. О. Д. Воробьева^{*,**}, Т. В. Лебедева^{**}

**Институт демографических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
г. Москва, Россия*

***Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия*

Цель исследования. По результатам работы, проведенной 5–6 февраля 2021 года Третьей Воскресной зимней демографической школы (далее Школа) на базе Высшей школы современных социальных наук (ВШССН) МГУ имени М. В. Ломоносова и Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (ИДИ ФНИСЦ РАН) РАН, и проведенного в ходе работы школы опроса слушателей оценить потребность в демографических знаниях у аудитории, разнообразной по своему профессиональному и образовательному составу.

Методологической основой исследования является обработка и анализ данных проведенного социологического опроса слушателей Школы.

Результаты исследования. В статье рассматриваются итоги проведенной Школы. Анализ результатов проведенного опроса слушателей, которых благодаря возможности удаленного доступа подключения к работе Школы оказалось более 400 человек (в опросе приняли участие 200, обработаны 120 качественных анкет), продемонстрировал неожиданные результаты. Интерес к демографическим знаниям проявили не только студенты и аспиранты различных направлений подготовки, но и специалисты, преподаватели и научные работники. Прослеживается взаимосвязь между трудностями реализации Национального проекта «Демография» и отсутствием необходимых профессиональных знаний у непосредственных исполнителей проекта.

Ключевые слова: демографические процессы; миграционные процессы населения; демографическая политика; демографическое образование.

DEMOGRAPHIC KNOWLEDGE, PROFESSION DEMOGRAPHER, EFFECTIVENESS OF DEMOGRAPHIC POLICY

© 2021 O. D. Vorob'yeva^{*,**}, T. V. Lebedeva^{**}

**Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

***Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia*

Purpose of the study. According to the results of the work carried out on February 05–06, 2021, the Third Sunday Winter Demographic School (hereinafter referred to as the School) on the basis of the Higher School of Modern Social Sciences (HSSSN), Moscow State University named after

M. V. Lomonosov and the Institute for Demographic Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (IDI FCISTS RAS) of the Russian Academy of Sciences and a survey of students conducted during the school's work, to assess the need for demographic knowledge among the audience, which is diverse in its professional and educational composition.

The methodological basis of the study is the processing and analysis of data from a sociological survey of students of the School.

Research results. The article discusses the results of the conducted School. The analysis of the results of the survey of students, who, thanks to the possibility of remote access to connect to the work of the School, turned out to be more than 400 people (200 took part in the survey, 120 high-quality questionnaires were processed) showed unexpected results. Interest in demographic knowledge was shown not only by students and graduate students of various fields of study, but also by specialists, teachers and researchers. There is traced the relationship between the difficulties of implementing the National Project «Demography» and the lack of the necessary professional knowledge of the direct executors of the project.

Key words: demographic processes; migration processes of the population; demographic policy; demographic education.

Введение. В сложившейся демографической ситуации в России, а также, судя по демографическим прогнозам, учитывая неблагоприятное развитие демографических процессов в перспективе, Правительство Российской Федерации разработало Национальный проект «Демография» [1], реализация которого началась со дня подписания Указа Президента Российской Федерации №204 от 7 мая 2018 года о 12 Национальных проектах.

По различным причинам поставленные в проекте задачи решаются не столь успешно, как это было намечено. По прошествии двух лет реализации появилось много вопросов. Почему, несмотря на огромные расходы федерального и региональных бюджетов, достичь поставленных целей не удастся, намеченные показатели не достигаются, а продолжают падать [2, 3]? Суммарный коэффициент рождаемости, который в соответствии с Концепцией Демографической политики России должен был достичь величины 1,7 (число родившихся детей в год в среднем на одну женщину репродуктивного возраста), снижался и достиг к 2020 году 1,5 [4]! Средняя ожидаемая продолжительность предстоящей жизни при рождении (фактически показатель уровня смертности населения) не растет [5].

Среди множества причин социального, экономического, политического, даже чис-

то демографического характера, есть одна, о которой пока не принято говорить, но уже очевидно, что ее влияние велико и эту причину нельзя сбрасывать со счетов. Это уровень профессиональных демографических знаний среди разработчиков и исполнителей государственных программ и проектов, ведь демографические процессы очень сложны. Поведение людей, особенно репродуктивное, самосохранительное, социальное, миграционное, зависит от очень многих обстоятельств. Оно имеет определенные, уже выявленные объективные закономерности в своем развитии, имеет сложные модели взаимозависимостей и взаимосвязей между собой [6, 7, 8]. Без знания этих закономерностей, без умения понять и проанализировать демографическую ситуацию, влияние причин и различного рода факторов, воздействующих на демографическое поведение людей, которое проявляется в виде определенных тенденций, невозможно влиять на него, воздействовать и эффективно управлять демографическими процессами (хотя понятие «управление» весьма условно относится к процессам регулирования демографических процессов).

Опыт проведения Третьей Воскресной зимней демографической школы в МГУ имени М.В. Ломоносова. Понимание того,

что профессиональных знаний не хватает, чтобы справиться с кризисом в сфере демографических процессов, воспроизводства населения, миграционных процессов населения, все больше и больше появляется не только у управленцев, но и у студентов вузов.

Проиллюстрируем это на примере неожиданных (хотя вполне ожидаемых) результатов проведенной 5 и 6 февраля 2021 г. Третьей Воскресной зимней демографической школы на базе кафедры демографии факультета Высшей школы современных социальных наук (ВШССН) МГУ имени М.В. Ломоносова при поддержке Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (ИДИ ФНИСЦ РАН).

Зимняя школа проводилась уже в третий раз, но в этом году ее проведение состоялось в традиционном для последнего года удаленном, дистанционном формате. Вот тут и проявился огромный интерес к предлагаемой

демографической тематике. В предыдущие годы участие в работе Школы могли принять немногие — из-за дорогих командировок, организации проживания присутствовать могли от 20 до 40 слушателей, преимущественно московского региона, доля приезжих из других регионов была ничтожно мала, хотя волею судеб оказывались на Школе и представители Алтая и других отдаленных регионов.

Но в этот раз такого препятствия, как расстояние, не было. Преодолели и барьер разницы во времени, организовав занятия только в первой половине дня, что позволило подключаться и сибирякам, и дальневосточникам, и желающим из стран ближнего зарубежья.

Количественный и качественный (в широком смысле слова) состав слушателей поразил. Откликнулись на приглашение принять участие в работе Школы — прослушать лекции, поучаствовать в дискуссии по заранее намеченной и разосланной в информационной письме программе — более двухсот

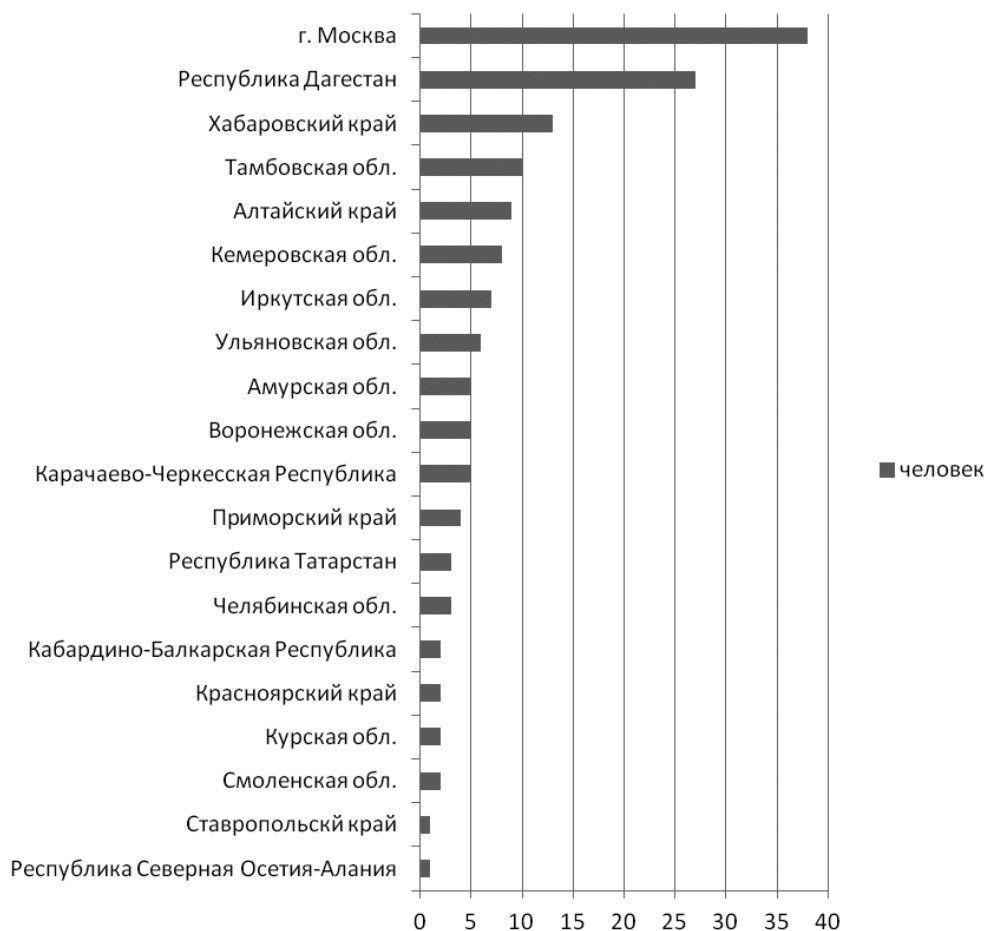

Рис. 1. Регионы проживания участников Третьей Воскресной зимней демографической школы, человек

студентов, преподавателей, специалистов разных профилей. Для данных слушателей не безразличны демографические проблемы России и своих стран, разнообразие и необходимость применения различных региональных подходов для их решения. Тематика слушателям Школы предлагалась достаточно узкая — двухдневная программа на тему «Миграция населения: спасение или угроза демографическому развитию России и ее регионов». В итоге разговор шел по гораздо более широкому кругу вопросов.

Приведем данные по региональному, профессиональному, образовательному и другим составам участников.

Из 209 слушателей Школы только 38 человек — представители Москвы, 27 человек подключились из Махачкалы (Республика Дагестан), 13 человек — из Хабаровска, 10 — из Тамбова. Из 16 других субъектов Российской Федерации группы участников были менее 10 человек. Проранжировав регионы по числу слушателей Школы, получили следующую картину (рис. 1). О таком охвате, рассылая

Рис. 2. Состав слушателей Третьей Воскресной зимней демографической школы из новых независимых государств, человек

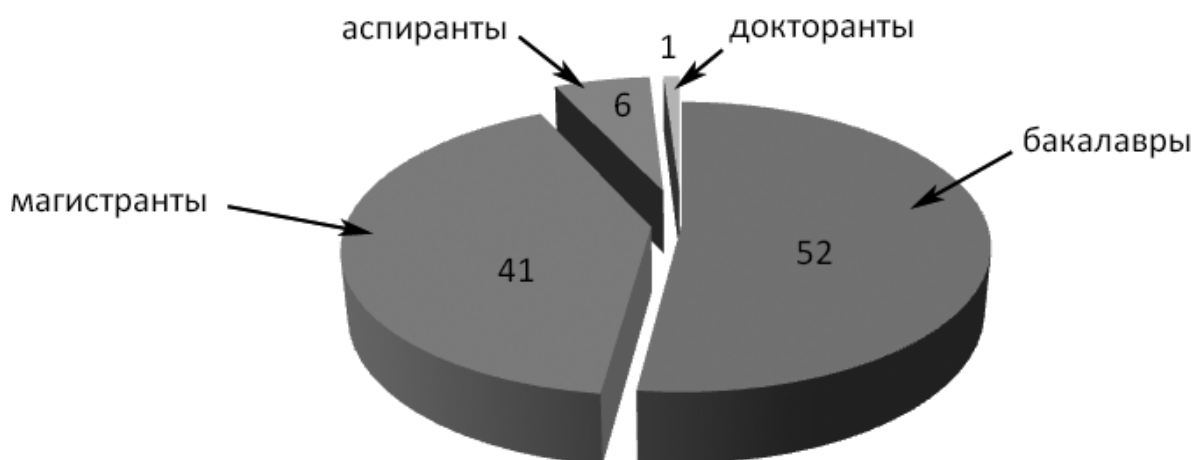

Рис. 3. Состав слушателей Третьей Воскресной зимней демографической школы, обучающихся по образовательным программам разного уровня, в %

информацию и приглашение принять участие в работе Школы, организаторы не мечтали даже приблизительно. Это ли не признак того, что демографические проблемы звучат в настоящее время очень тревожно, и есть острая потребность в расширении знаний о них?

Удивило и то, что практически четверть слушателей Третьей Воскресной зим-

ней демографической школы (65 человек из 209) — это представители 7 новых независимых государств — Кыргызстана (Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б.Н. Ельцина — 29 участников), Таджикистана (Институт экономики и демографии Национальной академии наук Республики Таджикистан — 14 участников), Беларуси,

Рис. 4. Представители профессорско-преподавательского состава и научно-технические работники — слушатели Третьей Воскресной зимней демографической школы, в %

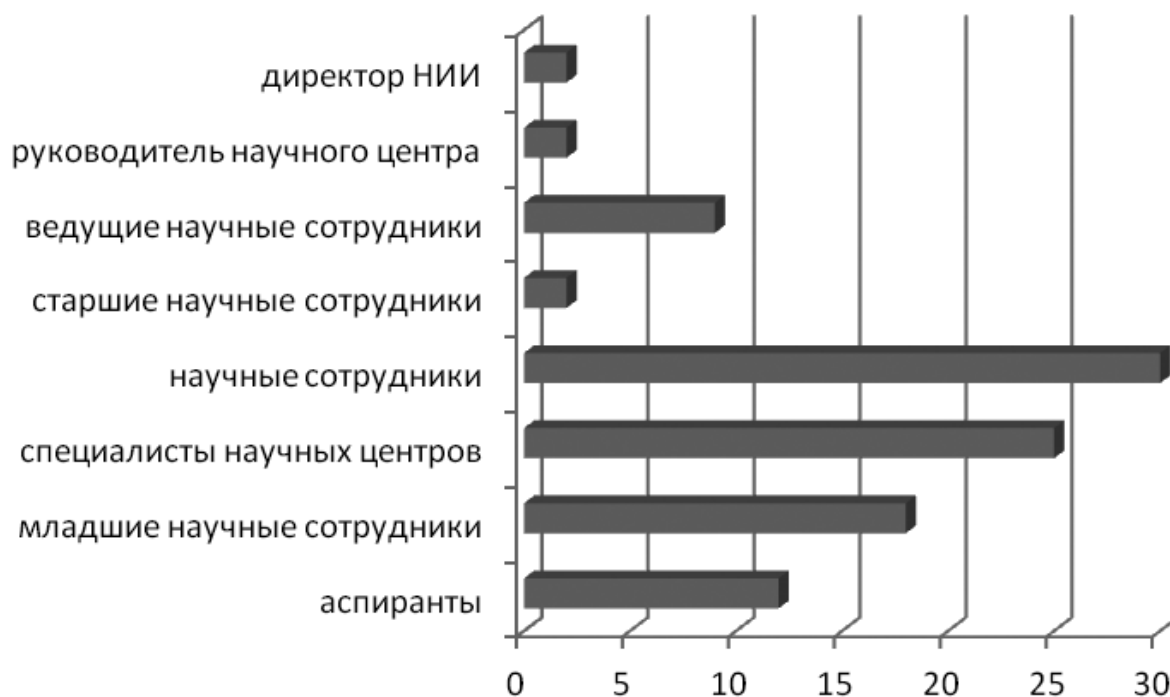

Рис. 5. Профессиональный состав представителей научных учреждений, участвовавших в работе Третьей Воскресной зимней демографической школы, в %

Казахстана, Узбекистана, Армении и Молдовы (рис. 2).

Наибольший интерес демографическая тематика вызвала у представителей вузовского сообщества. Практически половина слушателей (102 человека) — это студенты отечественных вузов и вузов государств-участников из ближнего зарубежья, обучающиеся по образовательным программам разного уровня, и 53 представителя профессорско-преподавательского состава и научно-технических работников (рис. 3, 4). Самой многочисленной группой из всего контингента участников Школы оказались студенты бакалавриата (53 человека или 25 % всех участников Школы, и это 52 % от всех слушателей, обучающихся в вузах). Вторую по численности группу среди слушателей Школы составили обучающиеся в магистратуре — 42 человека (20 % всех участников Школы, 41 % от всех слушателей, обучающихся в вузах) (рис. 3).

Проявили интерес к работе Школы и 52 человека (или четверть от всех участников школы) из числа профессорско-преподавательского состава вузов. Среди них — 32 доцента (рис. 4).

В работе Школы также приняли участие 44 представителя научных учреждений — это практически каждый пятый участник Школы (21 %) (рис. 5). Евразийский Благотворительный фонд «Разбитые тела», а также глава и ведущий специалист Дипломатического

Представительства Агентства по внешней трудовой миграции при Министерстве занятости и трудовых отношений Республики Узбекистан в Российской Федерации, которым необходимы демографические знания в повседневной практической деятельности.

Для понимания эффекта от проведенных двух дней занятий, дискуссий, ответов на вопросы слушателям в заключительной части была предложена небольшая анкета из 5 вопросов, из которой явствует, что только 4 из 10 участников Школы изучали демографию в качестве учебной дисциплины в вузе. В анкете был вопрос «Будет ли Вам полезна полученная в ходе Третьей Воскресной зимней демографической школы демографическая информация?» с вариантами ответа, в какой именно сфере деятельности (для тех, кто ответил утвердительно). Ответивших утвердительно оказалось 97 % слушателей Школы, а уточнения о сфере деятельности выглядели следующим образом (рис. 6). В большей степени слушателей заинтересовали проблемы, связанные с миграцией населения: трудовая иммиграция и ее последствия (65 % ответов), эмиграция и потери человеческого капитала (56 %), проблемы получения достоверных данных по миграции (39 %), влияние миграции на быстрый рост или сокращение численности населения в разных регионах страны (34 %). Такое распределение ответов указывает, прежде всего, на представление

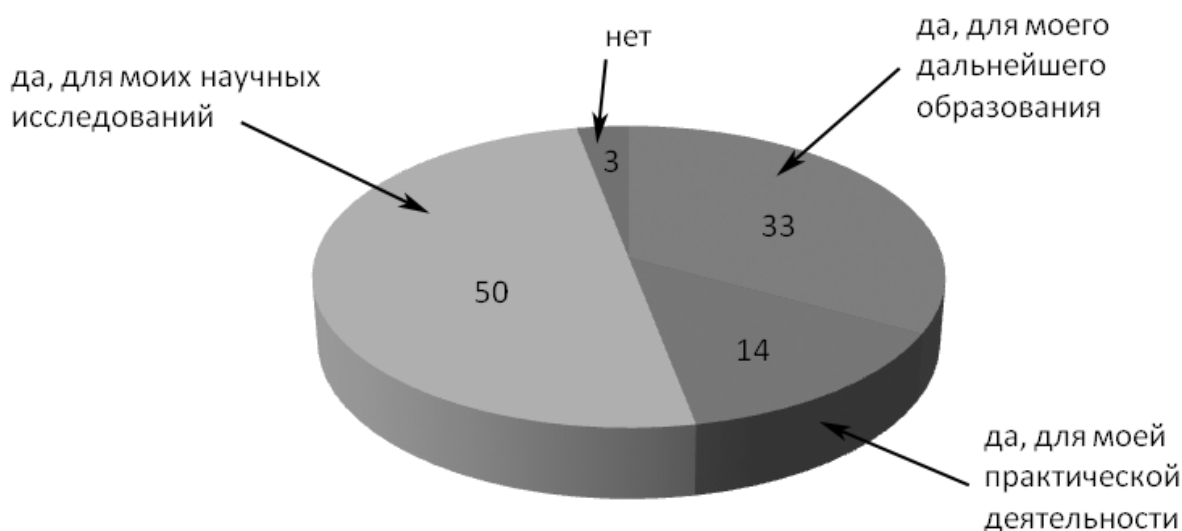

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос о полезности полученной в ходе Третьей Воскресной зимней демографической школы демографической информации, в %

слушателей о самых серьезных вызовах в области миграции населения, которые стоят перед современным обществом.

Ответы на вопрос о потребности рассмотрения тематики на следующей демографической Школе показали, что наиболее интересными темами для обсуждения слушатели назвали опять-таки проблемы миграции населения (38%), вызовы, связанные с демографическим старением населения (33%) и современными тенденциями рождаемости (21%).

Заключение. Востребованность в образовательном и профессиональном пространстве демографических знаний, благодаря возможности участия в Школе самых различных категорий населения, от студентов до преподавателей, практиков и научных работников, превзошла все ожидания. Стоит добавить, что в связи поздним поступлением заявок на участие в работе Школы (буквально накануне) не удалось подключить практически такое же, как и было подключено, число слушателей — еще более двухсот человек. Такая востребованность знаний в очень, казалось бы, узкопрофессиональной и специфической сфере деятельности должна найти отклик в форме разработки профессионального и образовательного стандарта для подготовки профессионалов-демографов, а это будет работать на эффективность проводимых в странах Евразийского пространства демографических политик самой разной направленности и национальных проектов в области демографического развития, какие бы цели ни стояли перед различными странами.

Литература

1. Национальный проект «Демография» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/demography> (Дата обращения: 26.02.2021).
2. Обеспечение реализации национальных проектов на региональном уровне: Материалы семинара-совещания руководителей аналитических служб аппаратов законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации 2 апреля 2019 г. [Электронный ресурс] // Аналитический

вестник. — №14 (728). — 95 с. — Режим доступа: <http://council.gov.ru/media/files/eoqAP6En2AenIjBWVRsAny4HaBL7nqDT.pdf> (Дата обращения: 20.02.2021).

3. Кондакова Н.А., Будилов А.П., Короленко А.В. Анализ реализации национального проекта «Демография» в России // Журнал исследований по управлению. — 2019. — №5. — С. 48–55.

4. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 15 января 2020 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582> (Дата обращения: 25.02.2021).

5. Ожидаемая продолжительность здоровой жизни в России: региональные особенности и прогнозы. Заседание Демографической секции Центрального дома ученых РАН [Электронный ресурс] // ДемоскопWeekly. 26 марта — 8 апреля 2018 г. — №765–766. — Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2018/0765/nauka01.php> (Дата обращения: 28.02.2021).

6. Практическая демография: пособие для руководителей и специалистов органов государственного управления / Под ред. С.В. Рязанцева, О.Е. Лисейчикова. — Минск: Альтиора-Форте, 2017. — 194 с.

7. Статистика населения и демография: Учебник + Приложение. Тесты / О.Д. Воробьева, Т.А. Долбик-Воробей. — М.: КНО-РУС, 2019. — 314 с.

8. Экономика народонаселения: Учебник / Под ред. проф. В.А. Ионцева (Учебники экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова). — М.: ИНФРА-М, 2007. — 668 с.

References

1. Nacional'nyj projekt «Demografija» [National project «Demography»] [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/demography> (Date accessed: 26.02.2021).
2. Obespechenie realizacii nacional'nyh projektov na regional'nom urovne: Materialy seminar-soveshhanija rukovoditelej analiticheskikh sluzhb apparatov zakonodatel'nyh (predstavitel'nyh) i ispolnitel'nyh organov gosudarstvennoj vlasti subektov Rossijskoj Feder-

acii 2 aprlja 2019 g. [Ensuring the implementation of national projects at the regional level: Materials of the seminar-meeting of heads of analytical services of the offices of legislative (representative) and executive bodies of state power of the subjects of the Russian Federation on April 2, 2019] [Elektronnyj resurs] // Analiticheskij vestnik [Analytical Bulletin]. — №14 (728). — 95 s. — URL: <http://council.gov.ru/media/files/eoqAP6En2AenIjBWVRsAny4HaBL7nqDT.pdf> (Date accessed: 20.02.2021).

3. Kondakova N. A., Budilov A. P., Korolenko A. V. Analiz realizacii nacional'nogo proekta «Demografija» v Rossii [Analysis of the implementation of the national project «Demography» in Russia] // Zhurnal issledovanij po upravleniju [Journal of Management Studies]. — 2019. — №5. — Pp. 48–55.

4. Poslanie Prezidenta Rossijskoj Federacii Federal'nomu Sobraniju 15 janvarja 2020 goda [Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly on January 15, 2020] [Elektronnyj resurs]. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582> (Date accessed: 25.02.2021).

5. Ozhidaemaja prodolzhitel'nost' zdorovoj zhizni v Rossii: regional'nye osobennosti i prognozy. Zasedanie Demograficheskoi sekcii

Central'nogo doma uchenyh RAN [Healthy life expectancy in Russia: regional features and forecasts. Meeting of the Demographic Section of the Central House of Scientists of the Russian Academy of Sciences] [Elektronnyj resurs] // DemoskopWeekly. 26 marta — 8 aprlja 2018 g. — №765–766. — URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2018/0765/nauka01.php> (Date accessed: 28.02.2021).

6. Prakticheskaja demografija: posobie dlja rukovoditelej i specialistov organov gosudarstvennogo upravlenija [Practical demography: manual for managers and specialists of public administration bodies] / In S. V. Rjazancev, O. E. Lisejchikov (eds.). — Minsk: Al'tiora-Forte, 2017. — 194 p.

7. Statistika naselenija i demografija: Uchebnik + Prilozhenie. Testy [Population statistics and demography: Textbook + App. Tests] / O. D. Vorob'eva, T. A. Dolbik-Vorobej. — Moscow: KNORUS, 2019. — 314 p.

8. Jekonomika narodonaselenija: Uchebnik [Population Economics: Textbook] / In prof. V. A. Ioncev (eds.) (Uchebniki jekonomicheskogo fakul'teta MGU imeni M. V. Lomonosova [Textbooks of the Faculty of Economics of the Lomonosov Moscow State University]). — Moscow: INFRA-M, 2007. — 668 p.

Поступила в редакцию

16 февраля 2021 г.

Воробьева Ольга Дмитриевна — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, профессор кафедры демографии Высшей школы современных социальных наук (факультет) МГУ имени М. В. Ломоносова.

Vorob'yeva Olga Dmitrievna — Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Demographic Research of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (IDR FCISTS RAS); Professor of the Department of Demography of the Higher School of Modern Social Sciences (faculty), Lomonosov Moscow State University.

119333, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1
6 Fotievoy st., bld. 1, 119333, Moscow, Russia
E-mail: 89166130069@mail.ru

119992, г. Москва, Ленинские горы, 1, корп. 13А
1 Leninskie gory, bld. 13A, 119992, Moscow, Russia
E-mail: 89166130069@mail.ru

Лебедева Тамара Васильевна — кандидат географических наук, доцент, научный сотрудник кафедры демографии Высшей школы современных социальных наук (факультет) МГУ имени М. В. Ломоносова.

Lebedeva Tamara Vasilievna — Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor, Researcher, Department of Demography, Higher School of Modern Social Sciences (Faculty), Lomonosov Moscow State University.

119992, г. Москва, Ленинские горы, 1, корп. 13А
1 Leninskie gory, bld. 13A, 119992, Moscow, Russia
E-mail: shonohova@rambler.ru

УДК 378

10.17213/2075-2067-2021-2-50-62

**МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ В РОССИИ:
СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА
И ОЦЕНКА СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ АСПЕКТОВ¹**

© 2021 г. О. С. Иванченко

**Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, г. Новочеркасск, Россия**

Цель исследования — статистический и социологический мониторинг количественно-качественной социально-демографической структуры молодых ученых и оценка социально-профессиональных аспектов с помощью расчета индекса удовлетворенности (I_y).

Методологическая база исследования строится на концепции теории социальных групп как зарубежных классиков (Г. Зиммель, Г. Блумер, Э. Гидденс), так и отечественных социологов (О. И. Шкаратан, Г. А. Ястребов), в контексте которой социально-профессиональная группа рассматривается как социальный феномен социального бытия в пространстве и времени, создающий предпосылки для профессионального взаимодействия и коммуникации. Концепция исследования строится на двух подходах: социологическом (молодые ученые рассматриваются как социально-профессиональная группа, где возраст является основной сущностной характеристикой) и статистическом — характеризующем количественную сторону качественно определенных массовых социально-экономических процессов в структуре социально-профессиональной группы молодых ученых в конкретный период времени (в рамках данного исследования анализировался период с 2000 года по настоящее время, при отсутствии данных на текущий период времени приводились имеющие максимально приближенные данные).

Результаты исследования. В ходе проведенного статистического анализа сделан вывод о затяжных стагнационных процессах в социально-демографической структуре российских ученых. Отмечается, что при незначительном «притоке» молодежи в науку их качественные характеристики (наличие ученой степени кандидата или доктора наук) снижаются, что противоречит Стратегии научно-технологического развития России.

Перспективу исследования составляет углубленный анализ причинно-следственных связей в протекающих процессах в социально-демографической структуре молодых ученых и отрицательной динамики их количественно-качественных показателей, что будет способствовать определению ключевых ориентиров государственной научной политики.

Ключевые слова: молодые ученые; научная деятельность; социально-демографическая структура научных кадров.

¹ Статья подготовлена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации на тему «Государственная политика в сфере высшего образования и развитие инновационного потенциала молодежи: экономические и неэкономические детерминанты и механизмы в условиях регионализации социального пространства и становления Индустрии 4.0» (НПИ-2582.2020.6).

**YOUNG SCIENTISTS IN RUSSIA:
SOCIO-DEMOGRAPHIC STRUCTURE
AND ASSESSMENT OF SOCIO-PROFESSIONAL ASPECTS**

© 2021 O. S. Ivanchenko

Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

The purpose of the study is statistical and sociological monitoring of the quantitative and qualitative socio-demographic structure of young scientists and the assessment of socio-professional aspects by calculating the satisfaction index (I_s).

The methodological basis of the study on the concept of the theory of social groups of both foreign classics (G. Zimemel, G. Bloomer, E. Giddens) and domestic sociologists (O. I. Shkaratan, G. A. Yastrebov). In the context of which socio-professional groups are considered as a social phenomenon of social existence in space and time, creating prerequisites for professional interaction and communication. The concept of the study is based on two approaches: sociological (young scientists are considered as a socio-professional group, where age is the main essential characteristic) and statistical — characterizing the quantitative side of qualitatively defined mass socio-economic processes in the structure of a socio-professional group of young scientists in a specific period of time (in the framework of this study, we considered the period from 2000 to the present, in the absence of data for the current period of time, the most approximate data were provided).

The results of the study. In the course of the conducted statistical analysis, a conclusion is made about the protracted stagnation processes in the socio-demographic structure of Russian scientists. It is noted that with a slight «influx» of young people in science, their qualitative characteristics (the presence of a candidate's or doctor's degree) decrease, which contradicts the Strategy of Scientific and Technological Development of Russia.

The prospect of the study. It makes an in-depth analysis of the cause-and-effect relationships of the ongoing processes in the socio-demographic structure of young scientists and the negative dynamics of their quantitative and qualitative indicators, which will help to determine the key guidelines of the state scientific policy.

Key words: young scientists; scientific activity; socio-demographic structure of scientific personnel.

Введение. Проблемы кадрового обеспечения российской науки уже достаточно продолжительное время стоят в повестке экспертного и научного сообщества. Стагнационные процессы, начавшиеся в 1990-е годы, обусловлены как социально-экономическим и политическим кризисом, так и утратой целевых ориентиров реализуемой модели государственного управления наукой. Проблемы снижения динамики численности занятых в науке, сокращения притока молодежи в науку, оттока из науки работников наиболее продуктивного возраста не только не были

решены, но и приобрели черты стагнации, научная деятельность не привлекательна для молодых научных кадров ввиду низкого уровня престижности и неразвитости рынка труда в сфере исследований и разработок. Данная ситуация в условиях экономики, основанной на знаниях, когда именно наука должна стать социально-экономическим драйвером развития государства и общества, не допустима. В связи с этим необходим систематический статистический и социологический мониторинг, который позволит контролировать состояние и динамику количественно-качес-

твенного состава ученых (исследователей), своевременно выявлять проблемы и лучшие институциональные практики, перспективные в национальном контексте.

Результаты исследования

Социально-демографические характеристики молодых ученых как социально-профессиональной группы

Социальные группы являлись предметом исследования многих западных социологов [2, 4, 7], в русле которой социальная группа рассматривается как «любая совокупность индивидов, объединенных общими интересами, находящимися во взаимодействии, оказывающих друг другу помощь в достижении личных целей» [22, с. 321–322]. В отечественной социологии социальная группа рассматривается как элемент социальной структуры, типичной формы бытия в обществе распространенного множества каких-либо субъектов, обладающих устойчивым сходным положением [20]. Среди социальных групп выделяют социально-профессиональные группы — сообщества, объединенные одной профессиональной деятельностью, члены которых имеют совместное бытие в пространстве и времени, создающие предпосылки для профессиональной коммуникации между людьми, общие разделяемые всеми членами культурно-нравственные и морально-этические нормы [1, 11].

Социологический подход к изучению молодых ученых как социально-профессиональной группы является интегральным и предполагает наличие у членов группы общего характера и вида труда, схожего со-

циального статуса, чувства идентичности с другими членами общества, включая особую профессиональную культуру. Молодежь в сфере науки является специфической социально-профессиональной группой, отображающей специфику развития научно-профессионального сообщества, осуществляющего научную, научно-инновационную и научно-исследовательскую деятельность. Выделение социально-профессиональных групп определяется способностью к самовоспроизводству, что обеспечивает репродуцируемость группы как условия, определяющего устойчивость наряду с необходимой изменчивостью наблюдаемого разнообразия потребностей и ценностей [27]. Молодые ученые отображают специфику развития не только молодежи в целом, но и профессионального сообщества, и идентифицируются по возрастному критерию, установленному в соответствии с Распоряжением Правительства РФ от 29.11.2014 г. №2403-р [14]. Таким образом, объектом данного исследования являются молодые ученые (исследователи, в том числе и аспиранты) до 30 лет (без ученой степени), до 35 лет (со степенью кандидата наук, в том числе и докторанты) до 40 лет (со степенью доктора наук).

Количественно-качественные характеристики исследования молодых ученых как социально-демографической группы

Количественный анализ исследуемой группы необходимо начать с динамики общей численности исследователей (рис. 1), которая на протяжении исследуемого периода имеет устойчивую тенденцию к снижению, а если сравнивать численность исследователей, на-

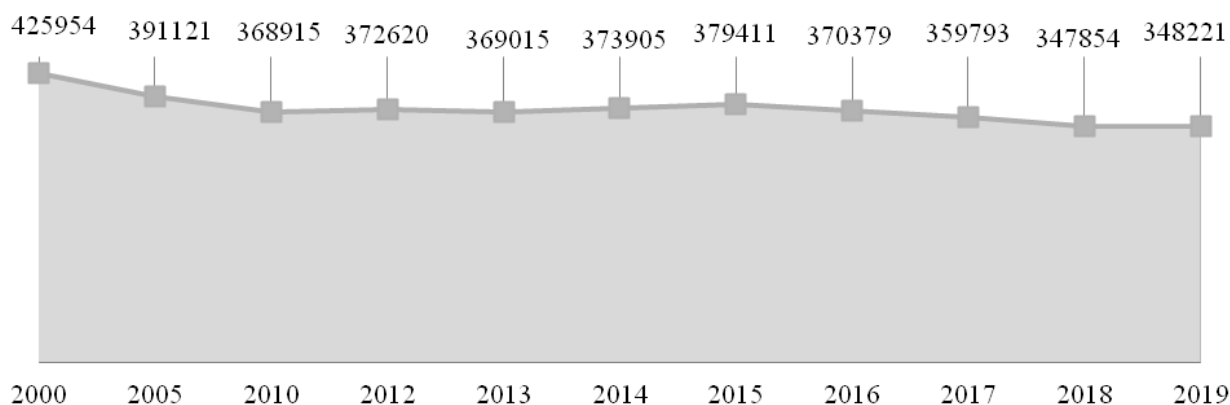

Рис. 1. Динамика общей численности исследователей [8]

пример, с 1995 годом (в данный период численность исследователей составляла 1061044 тыс. человек), то динамика имеет ярко выраженную стагнацию [8].

Переходя к анализу статистических данных в разбивке по возрастной структуре, можно заметить, что доля молодых ученых в общей численности увеличивается (особенно в возрастной когорте 30–39 лет), но учитывая законодательно установленные возрастные критерии для молодых ученых (без степени — 30 лет, кандидат наук — 35 лет, доктор наук — 40 лет), кандидат наук старше 35 лет уже не является молодым ученым, а более всего исследователей с ученой степенью кандидатов наук находятся в возрастной группе 35–39 лет, которых уже нельзя отнести к категории молодых ученых. Наиболее сложная ситуация в возрастной группе до 29 лет. Несмотря на общее увеличение численности исследователей в данной возрастной группе, качественные изменения в этой группе не наблюдаются (соискание степени кандидата и тем более доктора наук на протяжении почти двух десятков лет не наблюдается) (табл. 1). Следует особо подчеркнуть, что из общей численности исследователей лишь 28,7% имеют ученую степень кандидата или доктора наук [8, 9].

По состоянию на 2019 год наибольшая доля кандидатов наук находится в возрастной когорте 35–39 лет (14,5%), которая уже не относится к категории молодых ученых. В возрастной когорте 20–34 года кандидатов наук — 12,9%, а до 29 лет — лишь 2,8%. От-

носительно молодых докторов наук ситуация крайне сложная: наибольшая доля докторов находится в возрастной когорте 70+ (36,7%), что касается молодых ученых со степенью доктора наук в возрасте 30–34 года, их всего 0,4%, до 29 лет — 0,048%. Данные, приведенные в таблице 1, свидетельствуют о том, что ситуация с молодыми докторами наук на протяжении почти 20 лет остается неизменной. Общая численность докторантов сократилась в 4,6 раза (с 4418 тыс. человек в 2010 году до 955 человек в 2019 году). Если анализировать возрастные показатели докторов наук за исследуемый период, то можно сказать, что средний возраст докторанта за девять лет увеличился с 62 лет в 2010 году до 64 лет в 2019 году [13]. Больше всего докторантов находится в возрастной категории 40–49 лет (по состоянию на 2019 год), в 2010 году наиболее многочисленная возрастная категория докторантов была в когорте до 34 лет.

Анализируя численный состав аспирантов, которые представляют собой особую группу молодых ученых, поскольку с этой группой связываются перспективы воспроизводства научно-исследовательского потенциала общества и кадрового состава работников научных учреждений и обучение в аспирантуру рассматривается как ступень подготовки научных кадров, стоит отметить, что ситуация стоит достаточно остро, как с точки зрения численности аспирантов, так и с точки зрения эффективности работы аспирантуры — завершение обучения в аспирантуре должно заканчиваться защитой кандидатской диссертации.

Таблица 1

Возрастная структура исследователей, % [8, 9]

Возрастная структура	Научный статус								
	Доля кандидатов наук			Доля докторатов наук			Доля исследователей		
	2000	2006	2019	2000	2006	2019	2000	2006	2019
До 29 лет включительно	2,7	4,5	2,4	0,05	0,1	0,04	10,6	17	16,8
30–39 лет	12,4	14,3	27,4	1,8	1,8	2	15,6	13,1	27,4
40–49 лет	25,1	18,8	22	14,1	11,3	9,8	26,1	19	16
50–59 лет	29,2	29	16	27,9	29,9	17,4	26,9	27,8	14,9
60–69 лет	26	23,8	18,3	38,9	32,4	33,4	17,7	17,2	15,8
70+	4,6	9,7	13,5	17,3	24,7	36,7	3,1	5,9	9

В период с 2010 по 2019 годы сократилась численность как аспирантов (с 157437 тыс. человек в 2010 году до 84262 тыс. человек в 2019 году), так и организаций, где функционировала аспирантура (с 1568 в 2010 году до 1223 в 2018 году) (табл. 2). Результативность аспирантуры оценивается по количеству защищенных аспирантами диссертаций. Если сравнивать исследуемые периоды, то в 2019 году результативность обучения в аспирантуре равна 10,5%, в то время как в 2000–2013 годах данный показатель варьировался от 24,0% до 33,5%. Основная возрастная когорта обучающихся в аспирантуре — 25–29 лет (47816 тыс. человек), в возрастной когорте до 24 лет обучается 17293 тыс. человек [8].

Если рассматривать возрастную структуру аспирантов как будущих ученых, то следу-

ет отметить, что возрастной критерий идентификации с молодыми учеными имеет высокое значение — 28,5 лет, но при этом наиболее многочисленная возрастная группа — 25 лет (14585 по состоянию на 2019 год). Общая численность аспирантов в период с 2010 года по 2019 сократилась в 1,9 раза (с 157437 тыс. чел. до 84265 тыс. чел.).

Учитывая значительные территориальные масштабы нашей страны, целесообразно проанализировать количественно-качественные характеристики молодых ученых по территориальному принципу. Социально-демографическая структура молодых научных кадров достаточно неравномерна в разбивке по федеральным округам. Лидером по общей численности исследователей выступает Центральный федеральный округ (177343 тыс.

Таблица 2

Подготовка научных кадров [8]

Год	Численность организаций, осуществляющих подготовку аспирантов	Численность аспирантов, тыс. чел	Выпуск из аспирантуры, тыс. чел	Выпуск с защитой диссертации, тыс. чел
2010	1568	157437	33763	9611
2015	1446	109936	25826	4651
2018	1223	90823	17729	2198

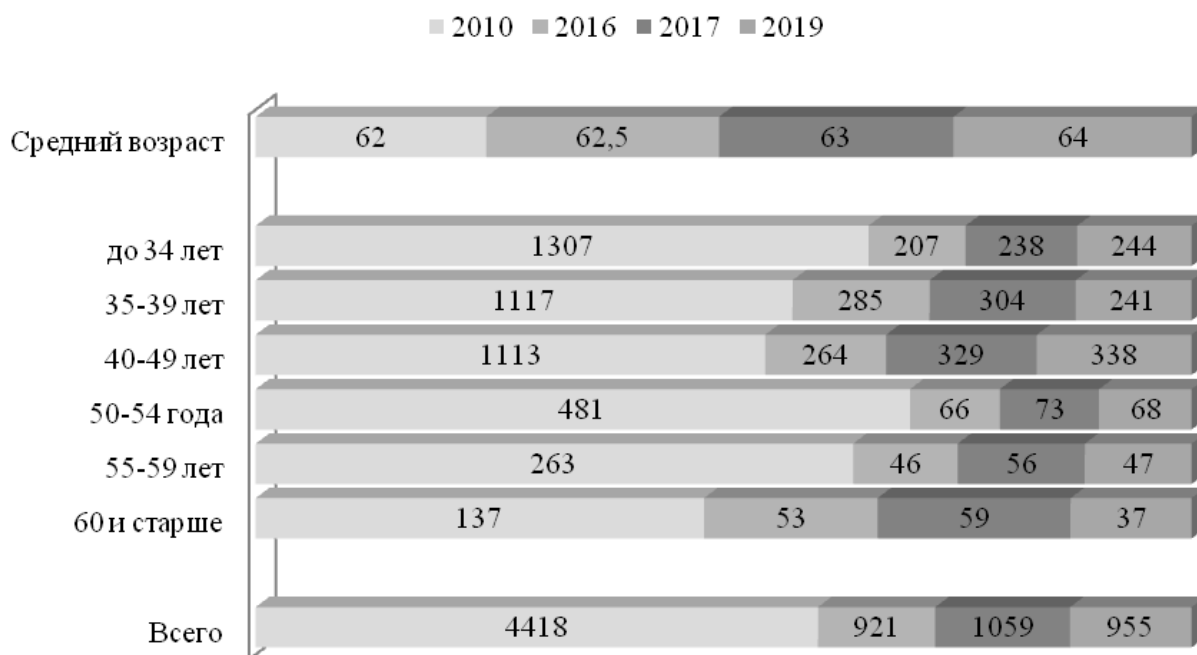

Рис. 2. Возрастная структура докторантов (кол. человек) [23]

Таблица 3

**Доля молодых ученых по федеральным округам Российской Федерации
(данные приведены по состоянию на 2019 год) [9, 12]**

Федеральный округ	Общая численность исследователей	Доля исследователей до 39 лет	Доля исследователей до 39 лет, имеющих ученую степень	Средний возраст исследователя
Центральный федеральный округ	177343	41,6	6,3	47
Северо-Западный федеральный округ	46446	44,2	5,6	46
Южный федеральный округ	12912	43,2	8,1	45
Северо-Кавказский федеральный округ	4140	32,9	15,7	48
Приволжский федеральный округ	52992	51,7	5,1	42
Уральский федеральный округ	22162	50,4	5,2	43
Сибирский федеральный округ	25034	46,8	11,9	45
Дальневосточный федеральный округ	7192	34,8	12,4	48
Российская Федерация	348221	44,2	6,7	46

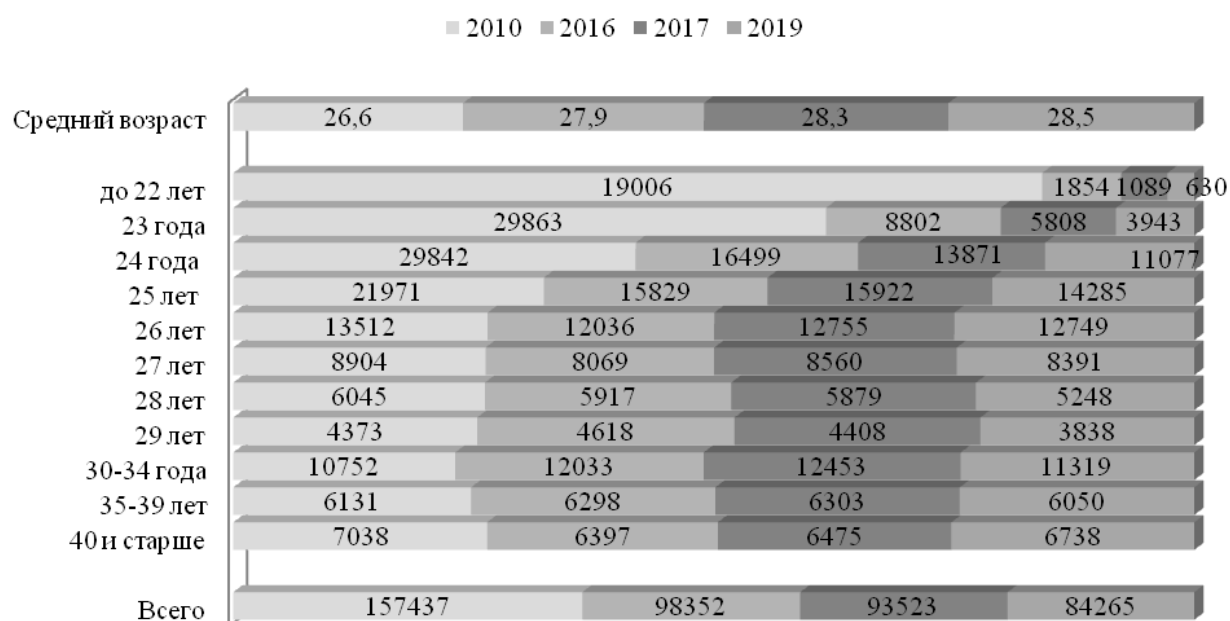

Рис. 3. Возрастная структура аспирантов [23]

человек), по доле исследователей до 39 лет — Приволжский и Уральский федеральные округа (51,7% и 50,4% соответственно), по доле молодых исследователей до 39 лет, имеющих ученую степень, лидируют Северо-Кавказский (при самой низкой общей численности исследователей и доле молодых исследователей до 39 лет) и Дальневосточный федеральные округа (15,7% и 12,4% соответственно), самый низкий показатель среднего возраста исследователя — 42 года — в Приволжском федеральном округе (табл. 3) [9, 12].

В 2019 году лидерами по подготовке научных кадров среди федеральных округов являются Центральный (34286 тыс. человек) и Приволжский федеральные округа (12771 тыс. человек). Указанные федеральные округа являются также абсолютными лидерами по выпуску аспирантов с защитой диссертации (716 и 246 человек соответственно) (табл. 4) [9, 12, 19].

Статистический анализ социально-демографической структуры научных кадров свидетельствует о сокращении общей численности исследователей в период с 2000 по 2019 год в 1,22 раза. Намечилась тенденция к увеличению доли молодых исследова-

телей в общей численности научных кадров (с 10,6% в 2000 году до 16,8% в 2019 году), однако данный сдвиг пока не может переломить затяжное «старение» научного персонала. Анализ качественного состава молодых ученых имеет достаточно скромные показатели, в общей численности исследователей лишь 28,7% имеют ученую степень кандидата или доктора наук. В возрастной когорте до 29 лет доля ученых со степенью кандидата наук сократилась за исследуемый период с 2,7% до 2,4%. Рассматривая научный статус доктора наук в возрасте до 29 лет, можно сказать, что в динамике изменений нет, однако следует отметить: данный феномен (наличие научного статуса доктора наук до 29 лет), скорее, исключение и носит единичный характер, поэтому особое внимание следует обратить на возрастную когорту 30–39 лет, где ситуация остается неизменной, и 40–49 лет, где наблюдается отрицательная динамика сокращения численности с 14,1% до 9,8% за исследуемый период.

Анализируя количественно-качественные показатели, характеризующие аспирантов как особую группу молодых ученых, стоит отметить, что наблюдается яркая выра-

Таблица 4

**Подготовка научных кадров в разбивке по федеральным округам
(данные приведены по состоянию на 2019 год) [9, 12, 19]**

Федеральный округ	Общая численность аспирантов	Выпуск из аспирантуры	Выпуск с защитой диссертации
Центральный федеральный округ	34286	6445	716
Северо-Западный федеральный округ	11246	1971	197
Южный федеральный округ	6291	1215	120
Северо-Кавказский федеральный округ	2984	546	60
Приволжский федеральный округ	12771	2403	246
Уральский федеральный округ	4686	796	48
Сибирский федеральный округ	9191	1578	207
Дальневосточный федеральный округ	2807	499	28
Российская Федерация	84265	15453	1622

женная тенденция сокращения численности в 1,73 раза, уменьшается количество защит аспирантов после выпуска из аспирантуры в 4,4 раза, также увеличивается средний возраст аспиранта с 26,6 лет в 2010 году до 28,5 лет в 2019 году.

В разбивке по федеральным округам по общей численности исследователей на первом месте находится Центральный федеральный округ, по доле молодых исследователей до 39 лет лидируют Приволжский и Уральский федеральные округа, по качественным характеристикам молодых ученых (наличие ученой степени кандидата или доктора наук) впереди всех Северо-Кавказский и Дальневосточный федеральные округа.

Поиск причин отрицательной динамики численности молодых ученых.

В рамках государственного управления наукой реализуется целый комплекс институций, государственных программ (например, Национальный проект «Наука», программа «Научно-технологическое развитие Российской Федерации») и инструментов (гранты Президента Российской Федерации [25], гранты Правительства Российской Федерации [18], гранты Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых и по государственной поддержке ведущих научных школ Российской Федерации [17]), однако ситуация «вымывания» и «оттока» молодых научных кадров продолжает быть актуальной.

Указанные противоречия легли в основу социологического исследования, проведенного на территории Южного федерального округа среди молодых ученых. Расчет выборочной совокупности производился методом простого случайного отбора по схеме бесповторного с квотным отбором единиц и составил 703 человека. Выборочная совокупность включала следующие единицы наблюдения: исследователи (представители научно-исследовательских институтов), исследователи (представители вузовской науки), докторанты, аспиранты.

В рамках исследования для каждой группы был рассчитан индекс удовлетворенности (I_y) различными социально-профессиональными аспектами. Для вычислений I_y использовалась пятибалльная шкала, где 1 — минимальное значение удовлетворенности, 5 —

максимальное значение удовлетворенности, применим следующую формулу:

$$I_y = \frac{1 \cdot (-1) + 2 \cdot (-0,5) + 3 \cdot 0 + 4 \cdot (0,5) + 5 \cdot 1}{1 + 2 + 3 + 4 + 5},$$

где значения 1, 2, 3, 4, 5 соотносятся с числом ответов под данными пунктами. Расчет индекса удовлетворенности имеет следующую интерпретацию. Если число молодых ученых, удовлетворенных рассматриваемыми аспектами жизни (балл 4 и 5), превышает 2/3 всех опрошенных респондентов, такой результат считается благополучным (удовлетворительным). Обратная ситуация, в которой 2/3 опрошенных высказали неудовлетворение аспектами жизни (балл 1 и 2), свидетельствует о кризисной ситуации, в перспективе ведущей к нарушению нормального протекания социальных процессов. Результаты расчета приведены в таблице 5.

Результаты расчета индекса удовлетворенности (I_y) свидетельствуют о глубоком кризисе в группе аспирантов. Это касается как индивидуального материального благополучия, так и институциональной материально-технической базы. Более всего данная группа респондентов удовлетворена социальными связями (кругом общения и окружения ($I_y = 0,34$)). Проблемы эффективности работы аспирантуры и аспирантов находят в повестке дня экспертного и научного сообщества уже достаточно продолжительное время, однако, видимого результата стабилизации в сложившейся ситуации не наблюдается. Это связано как с кризисом российской аспирантуры [24], так и с трансформационными процессами института аспирантуры в российском поле образования [10, 15, 26], престижностью профессии «ученого» в обществе [21].

Более всего удовлетворены социально-профессиональными аспектами представители вузовской науки. Отрицательное значение индекса удовлетворенности среди всех исследуемых групп имеет инфраструктурное обеспечение проведения научных исследований ($I_y = -0,13$). Слабое ресурсное оснащение научных исследований является одним из основных факторов сдерживания развития отечественных исследований, как следствие этого — уход молодежи из науки (в том числе и эмиграция молодых научных кадров). Ключевыми проблемами молодых

российских ученых (неудовлетворенность социально-профессиональными аспектами) является материальное обеспечение (уровень заработной платы $I_y = 0,03$), инфраструктурное обеспечение ($I_y = -0,13$), реализация профессионального потенциала ($I_y = 0,25$). Следует отметить, что идентичные проблемы кадрового обеспечения российской науки подробно анонсировались И.Г. Дежиной еще 2005 году в докладе «Кадровые проблемы в российской науке и инициативы государства» [5] на международном симпозиуме «Молодые ученые и преемственность поколений в науке». Однако исследования, проведенные в текущий период времени [3, 6], в том числе и авторское социологическое исследование и статистический анализ, фиксируют аналогичные проблемы в более обостренной форме.

Заключение. Тенденция «утечки мозгов», «оттока» молодежи из науки, начавшаяся в конце 1990 — начале 2000 годов, по-прежнему актуальна для нашего государства. Несмотря на сформированную систему стратегического управления наукой, реализуемый комплекс нормативно-правовых актов, функционирование государственных органов управления, научных организаций, действия финансовых механизмов поддержки научной деятельности (система фондовой и грантовой поддержки научных исследований), проблема кадрового обеспечения, воспроизводства и преемственности в науке остается вызовом для нашего государства. Основным вывод проведенного исследования заключается в том, что, несмотря на развитость институциональной среды российской науки, мер государственной поддержки, направленных

Таблица 5

**Индекс удовлетворенности молодыми учеными
различными социально-профессиональными аспектами²**

Социально-профессиональные аспекты	Индекс удовлетворенности (I_y)				
	Представители вузовской науки	Представители НИИ	Докторанты	Аспиранты	Общий индекс по всем группам
Материальная обеспеченность	0,29	-0,08	0,07	-0,21	0,03
Социальный статус	0,56	0,16	0,5	0,07	0,25
Профессиональный статус	0,51	0,08	0,56	0,03	0,2
Профессиональный выбор	0,86	0,48	0,71	0,27	0,51
Реализация профессионального потенциала	0,32	0,21	0,12	-0,09	0,25
Круг общения, окружение	1	0,66	1	0,34	0,64
Инфраструктурное обеспечение	0,04	-0,2	-0,14	-0,37	-0,13
Жизнь в целом	0,7	0,36	0,5	0,08	0,37

² Интерпретация значения индекса: значение «-1» — минимальный уровень удовлетворенности, значение «1» — максимальный уровень удовлетворенности.

на развитие науки, на сегодняшний день недостаточно. Особого внимания требуют вопросы социальной поддержки молодых ученых, в особенности аспирантов как наиболее уязвимой группой в научном сообществе.

Литература

1. *Борисова С.Н.* Теоретико-методологические подходы к изучению профессий и профессиональных групп в западной социологии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. — 2012. — №2 (26). — С. 7–14.
2. *Блумер Г.* Коллективное поведение // Американская социологическая мысль: Тексты. — М., 1994.
3. *Горшков М.К., Шереги Ф.Э.* Молодежь России в зеркале социологии. К истокам многолетних исследований. — М.: ФНИСЦ-РАН, 2020. — Ст. 393–397.
4. *Гидденс Э.* Устроение общества: Очерки теории структуризации. — 2-е изд. — М., 2005. — 528 с.
5. *Дежина И.Г.* Кадровые проблемы в российской науке и инициативы государства // Наука и науковедение. — 2006. — №1. — С. 28–34.
6. *Долженко Р.А., Карпилянский В.А., Хади Р.А., Диденко А.С.* Мотивация молодых ученых к научно-исследовательской деятельности в российских региональных вузах // Образование и наука. — 2019. — Т. 21. — №9. — С. 122–153.
7. *Зиммель Г.* Избранное: В 2 т. — М., 1996. — Т. 2. — 1283 с.
8. Индикаторы науки — 2020: стат. сб. / Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский, Е.И. Евневич и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: НИУ ВШЭ, 2020. — 337 с.
9. Инновационное развитие Российской федерации в 2019 году. Аналитический отчет ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ. 2020. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.miiris.ru/digest/analitika_RF.pdf (Дата обращения: 23.01.2021).
10. *Малошонок Н.Г.* «Студент» или «молодой ученый»: мнения научных руководителей о предпочтительной модели аспирантской подготовки в российских университетах // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. — 2019. — №4. — С. 278–303.
11. *Мансуров В.А. Юрченко О.В.* Социология профессиональных групп: история становления и перспективы // Вестник Института социологии. — 2013. — №7. — С. 92–106.
12. Научно-инновационный потенциал Южного федерального округа: стат. сб. / В.П. Заварухин, И.В. Зиновьева, С.Н. Иноземцева и др. — М.: ИПРАН РАН, 2018. — 155 с.
13. Научные кадры: тенденция снижения сохраняется [Электронный ресурс] / Экспресс-выпуск от 25.09.2019 г. Институт статистических исследований и экономики знаний. НИУ ВШЭ. — Режим доступа: https://issek.hse.ru/data/2020/02/07/1574269460/NTI_N_145_25092019.pdf (Дата обращения: 23.01.2021).
14. Основы государственной молодежной политики Российской Федерации до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 29.11.2014 г. №2403-р.
15. Официальный сайт службы государственной статистики [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/> (Дата обращения: 23.01.2021).
16. Портрет современного российского аспиранта / С.К. Бекова, И.А. Груздев, З.И. Джафарова, Н.Г. Малошонок, Е.А. Терентьев. — М.: НИУ ВШЭ, 2017. — 60 с.
17. Постановление Правительства Российской Федерации от 27 апреля 2005 года №260 «О мерах государственной поддержки молодых ученых российских ученых — кандидатов и докторов наук и ведущих научных школ Российской Федерации».
18. Постановление Правительства Российской Федерации от 9 апреля 2010 года №220 «О мерах по привлечению ведущих ученых в российские образовательные организации высшего образования, научные учреждения и государственные научные центры Российской Федерации».
19. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: стат. сб. / Росстат. — М., 2018. — 1162 с.
20. Российская социологическая энциклопедия / Под. общ. ред. Г.В. Осипова. — М., 1998. — С. 99.
21. *Сенашенко В.С.* О престиже профессии «преподаватель высшей школы», ученых

степеней и ученых званий // Высшее образование в России. — 2017. — №2 (209). — С. 36–44.

22. Современная западная социология: Словарь. — М.: Политиздат, 1990. — С. 321–322.

23. Статистика науки и образования. Выпуск 3. Подготовка научных кадров высшей квалификации в России. Инф.-стат. мат. — М.: ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ, 2018. — 200 с.

24. Терентьев Е. А., Бекова С. К., Малошонов Н. Г. Кризис российской аспирантуры: источники проблем и возможности их преодоления // Университетское управление: практика и анализ. — 2018. — №22. — С. 54–66.

25. Указ Президента Российской Федерации от 9 февраля 2009 года №146 «О мерах по усилению государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов и докторов наук».

26. Шестак В. П., Шестак Н. В. Аспирантура как третий уровень высшего образования: дискурсивное поле // Высшее образование в России. — 2015. — №12. — С. 22–34.

27. Шкаратан О. И., Ястребов Г. А. Социально-профессиональная структура населения России. Теоретические предпосылки, методы и некоторые результаты повторных опросов 1994, 2002, 2006 гг. // Мир России. — 2007. — №3. — С. 12.

References

1. Borisova S. N. Teoretiko-metodologicheskie podhody k izucheniju professij i professional'nyh grupp v zapadnoj sociologii [Theoretical and methodological approaches to the study of professions and professional groups in Western sociology] // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Ser. Social'nye nauki. — 2012. — №2 (26). — Pp. 7–14.

2. Blumer G. Kollektivnoe povedenie [Collective behavior] // Amerikanskaja sociologicheskaja mysl': Teksty [American sociological thought: Texts]. — Moscow, 1994.

3. Gorshkov M. K., Sheregi F. Je. Molodezh' Rossii v zerkale sociologii. K istokam mnogoletnih issledovanij [Youth of Russia in the mirror of sociology. To the origins of long-term research]. — Moscow: FNISCRAN, 2020. — St. 393–397.

4. Giddens Je. Ustroenie obshhestva: Ocherki teorii strukturacii [Organization of society: Essays on the theory of structuration]. — 2-e izd. — Moscow, 2005. — 528 p.

5. Dezhina I. G. Kadrovye problemy v Rossijskoj nauke i iniciativy gosudarstva [Personnel problems in Russian science and state initiatives] // Nauka i naukovedenie [Science and Science studies]. — 2006. — №1. — Pp. 28–34.

6. Dolzhenko R. A., Karpiljanskij V. A., Hadi R. A., Didenko A. S. Motivacija molodyh uchenyh k nauchno-issledovatel'skoj dejatel'nosti v Rossijskikh regional'nyh vuzah [Motivation of young scientists to research activities in Russian regional universities] // Obrazovanie i nauka [Education and Science]. — 2019. — Vol. 21. — №9. — Pp. 122–153.

7. Zimmel' G. Izbrannoe [Favorites]: in 2 vol. — Moscow, 1996. — Vol. 2. — 1283 p.

8. Indikatory nauki — 2020 [Indicators of science — 2020]: stat. sb. / L. M. Gohberg, K. A. Ditkovskij, E. I. Evnevich i dr.; Nac. issled. un-t «Vysshaja shkola jekonomiki». — Moscow: NIU VShJe, 2020. — 337 p.

9. Innovacionnoe razvitie Rossijskoj federacii v 2019 godu. Analiticheskij otchet FG-BNU NII RINKCJe [Innovative development of the Russian Federation in 2019. Analytical report of the RSCCE Research Institute]. 2020. [Elektronnyj resurs]. — URL: http://www.miris.ru/digest/analitika_RF.pdf (Date accessed: 23.01.2021).

10. Maloshonok N. G. «Student» ili «molodoj uchenyj»: mnenija nauchnyh rukovoditelej o predpochtitel'noj modeli aspirantskoj podgotovki v Rossijskikh universitetah [«Student» or «young scientist»: opinions of scientific supervisors about the preferred model of postgraduate training in Russian universities] // Monitoring obshhestvennogo mnenija: Jekonomicheskie i social'nye peremeny [Monitoring of public opinion: Economic and social changes]. — 2019. — №4. — Pp. 278–303.

11. Mansurov V. A., Jurchenko O. V. Sociologija professional'nyh grupp: istorija stanovlenija i perspektivy [Sociology of professional groups: history of formation and prospects] // Vestnik Instituta sociologii [Bulletin of the Institute of Sociology]. — 2013. — №7. — Pp. 92–106.

12. Nauchno-innovacionnyj potencial Juzhnogo federal'nogo okruga [Scientific and innovative potential of the Southern Federal Dis-

trict]: stat. sb. / V.P. Zavaruhin, I.V. Zinov'eva, S.N. Inozemceva et al. — Moscow: IPRAN RAN, 2018. — 155 p.

13. Nauchnye kadry: tendencija snizhenija sohranjaetsja [Scientific personnel: the downward trend persists] [Elektronnyj resurs] / Jekspress-vypusk ot 25.09.2019 g. [Express issue of 25.09.2019]. Institut statisticheskikh issledovanij i jekonomiki znaniy NIU VShJe [Institute for Statistical Research and Knowledge Economics. Higher School of Economics]. — URL: https://issek.hse.ru/data/2020/02/07/1574269460/NTI_N_145_25092019.pdf (Date accessed: 23.01.2021).

14. Osnovy gosudarstvennoj molodezhnoj politiki Rossijskoj Federacii do 2025 goda. Utverzhdena rasporyazheniem Pravitel'stva RF ot 29.11.2014 g. №2403-r [Fundamentals of the State Youth policy of the Russian Federation until 2025. Approved by the decree of the Government of the Russian Federation of 29.11.2014 №2403-r].

15. Oficial'nyj sajt sluzhby gosudarstvennoj statistiki [Official website of the State Statistics Service] [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://rosstat.gov.ru/> (Date accessed: 23.01.2021).

16. Portret sovremennogo rossijskogo aspiranta [Portrait of a modern Russian postgraduate student] / S.K. Bekova, I.A. Gruzdev, Z.I. Dzharfara, N.G. Maloshonok, E.A. Terent'ev. — Moscow: NIU VShJe, 2017. — 60 p.

17. Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 27 aprelja 2005 goda №260 «O merah gosudarstvennoj podderzhki molodyh uchenyh rossijskikh uchenyh — kandidatov i doktorov nauk i vedushhih nauchnyh shkol Rossijskoj Federacii» [Resolution of the Government of the Russian Federation №260 of April 27, 2005 «On measures of State support for young scientists of Russian scientists — candidates and Doctors of Science and leading scientific schools of the Russian Federation»].

18. Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 9 aprelja 2010 goda №220 «O merah po privlecheniju vedushhih uchenyh v rossijskie obrazovatel'nye organizacii vysshego obrazovaniya, nauchnye uchrezhdeniya i gosudarstvennye nauchnye centry Rossijskoj Federacii» [Resolution of the Government of the Russian Federation №220 of April 9, 2010 «On measures to attract leading Scientists to Russian Educational Organizations of Higher Education,

scientific Institutions and State Scientific Centers of the Russian Federation»].

19. Regiony Rossii. Social'no-jekonomichekieskie pokazateli [Regions of Russia. Socio-economic indicators]. 2018: stat. sb. / Rosstat. — Moscow, 2018. — 1162 p.

20. Rossijskaja sociologicheskaja jenciklopedija [Russian sociological encyclopedia] / In G.V. Osipov (eds.). — Moscow, 1998. — P.99.

21. Senashenko V.S. O prestizhe professii «prepodavatel' vysshej shkoly», uchenyh stepeney i uchenyh zvanij [About the prestige of the profession «teacher of higher school», academic degrees and academic titles] // Vysshee obrazovanie v Rossii [Higher education in Russia]. — 2017. — №2 (209). — Pp. 36–44.

22. Sovremennaja zapadnaja sociologija: Slovar' [Modern Western sociology: Dictionary]. — Moscow: Politizdat, 1990. — Pp. 321–322.

23. Statistika nauki i obrazovaniya [Statistics of science and education]. Issue 3. Podgotovka nauchnyh kadrov vysshej kvalifikacii v Rossii [Training of highly qualified scientific personnel in Russia]. Inf.-stat. mat. — Moscow: FGBNU NII RINKCJe, 2018. — 200 p.

24. Terent'ev E. A., Bekova S. K., Maloshonok N. G. Krizis rossijskoj aspirantury: istochniki problem i vozmozhnosti ih preodoleniya [The crisis of Russian postgraduate studies: sources of problems and opportunities to overcome them] // Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz [University Management: practice and Analysis]. — 2018. — №22. — Pp. 54–66.

25. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 9 fevralja 2009 goda №146 «O merah po usileniju gosudarstvennoj podderzhki molodyh rossijskikh uchenyh — kandidatov i doktorov nauk» [Decree of the President of the Russian Federation of February 9, 2009 №146 «On measures to strengthen state support for young Russian scientists — candidates and doctors of Science»].

26. Shestak V.P., Shestak N.V. Aspirantura kak tretij uroven' vysshego obrazovaniya: diskursivnoe pole [Postgraduate studies as the third level of higher education: a discursive field] // Vysshee obrazovanie v Rossii [Higher education in Russia]. — 2015. — №12. — Pp. 22–34.

27. Shkaratan O.I., Jastrebov G.A. Social'no-professional'naja struktura naseleniya Rossii.

Teoreticheskie predposylki, metody i nekotorye rezul'taty povtornykh oprosov 1994, 2002, 2006 gg. [Socio-professional structure of the Russian population. Theoretical prerequisites, methods,

and some results of repeated surveys in 1994, 2002, and 2006] // Mir Rossii [World of Russia]. — 2007. — №3. — P. 12.

Поступила в редакцию

25 февраля 2021 г.

Иванченко Ольга Сергеевна — кандидат социологических наук, доцент Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова.

Ivanchenko Olga Sergeevna — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346528, Novocherkassk, Russia
E-mail: olga.ivanchenko1509@mail.ru

УДК 314.114

10.17213/2075-2067-2021-2-63-71

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОНТЕНТ РЕПРОДУКТИВНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ МОЛОДЕЖИ

© 2021 г. С. Г. Ивченков*, М. С. Ивченкова**

**Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия*

***Институт социологии Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН, г. Москва, Россия*

Цель исследования. Проанализировать и выявить социально-экономические факторы репродуктивного самоопределения молодежи.

Методологическую основу исследования составили концептуальные подходы социологии семьи. Эмпирической базой работы выступает авторское социологическое исследование, проведенное в городе Саратове в сентябре 2019 года методом анкетного опроса.

Результаты исследования. Выявлено, что доход и уровень жизни противоречиво влияют на репродуктивные установки молодежи. Чем выше доход, тем чаще молодые люди склонны к формально традиционной интерпретации материнства как функции женщины, больше склонны видеть в этом способ создать семью. Однако, чем ниже уровень жизни молодежи, тем больше показатель среднего желаемого числа детей у девушек и юношей и тем выше показатель среднего ожидаемого числа детей у девушек, тем больше ориентация на помощь государства. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что в долгосрочной перспективе ресурсная социально-демографическая политика государства окажется малоэффективной.

Ключевые слова: репродуктивное самоопределение; репродуктивные установки; молодежь; доход; уровень жизни.

SOCIAL AND ECONOMIC CONTENT OF THE YOUTH REPRODUCTIVE SELF-IDENTIFICATION

© 2021 S. G. Ivchenkov*, M. S. Ivchenkova**

**Saratov State University, Saratov, Russia*

***Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

The main aim of the study was to analyze and identify the social and economic content of the youth reproductive and self-identification in that sphere.

The methodological basis of the study was formed by the conceptual approaches of sociology of family. The empirical basis of the work was the author's sociological survey conducted in Saratov in September 2019.

Some research results. It was revealed that income and living standards have a contradictory effect on the reproductive attitudes of youth. The higher the income, the more often young people tend to formally traditional interpretation of motherhood as a woman's function, the more they tend

to see to have a kid as a way to start a family. However, the lower the standard of living of young people, the higher the average desired number of children for ladies and men, and the higher the average expected number of children for ladies, the more focus on state aid. The analysis admits to conclude that in a long term perspective the socio-demographic policy orientated only on material support could be ineffective.

Key words: *reproductive self-identification; reproductive attitudes; youth; income; standard of living.*

Введение. В условиях современного российского демографического кризиса актуализируется вопрос о репродуктивных представлениях и практиках молодежи. Репродуктивное самоопределение молодежи — процесс осознания собственных репродуктивных потребностей, установок, мотивов и их соотношение с индивидуальными возможностями (биологическими и социальными), а также с содержанием и требованиями родительских ролей (материнства, отцовства). Результатом репродуктивного самоопределения является не только рождение детей, но и предупреждение беременности или ее прерывание. Степень профессиональной успешности, брачный статус, репродуктивная стратегия брачного партнера, трансформация нравственных ориентиров и установок — все находит отражение в репродуктивном самоопределении молодежи [1]. Условия жизнедеятельности, внося определенные коррективы, влияют на репродуктивные установки в пределах норм детности, потребности в детях.

Возможности механизма самоопределения локальны, ограничены зоной действия ситуации межгруппового, ролевого восприятия. Смысловое содержание установок репродуктивного поведения во многом зависит от социокультурного контекста и определяется желанием «дотянуться» до определенного социально заданного стандарта, исходящего из потребности социума и личности [2].

В данной работе авторы делают попытку проанализировать и выявить на основе конкретных социологических исследований как регионального, так и федерального уровней социально-экономические факторы репродуктивного самоопределения молодежи.

Эмпирической базой работы выступает авторское социологическое исследование, проведенное в городе Саратове в сентябре

2019 года методом анкетного опроса. Было опрошено 480 представителей молодежи по вероятностной квотно-территориальной выборке. Критерии отбора — место жительства (район города), пол, возраст.

Среди принявших участие в исследовании, возрастное распределение респондентов следующее: 18–19 лет — 20%, 20–21 лет — 17%, 22–23 лет — 8%, 24–25 лет — 11%, 26–27 лет — 19%, 28–29 лет — 10%, 30–34 лет и более — 15%. Большинство опрошенных — девушки — 60%, 40% опрошенных — юноши, что обусловлено естественным преобладанием женщин в генеральной совокупности. В имущественном отношении представлены разные по доходам слои молодежи. Доход измерялся по среднемесячному подушевому доходу семьи. Распределение респондентов по доходным группам: до 5000 рублей — 11%, 5001–10000 рублей — 16%, 10001–15000 рублей — 17%, 15001–20000 рублей — 17%, 20001–25001 рублей — 15%, 25001–30000 руб. — 14%, более 30001 рублей — 10%.

Следовательно, большинство респондентов имеет доходы, превышающие прожиточный минимум. Таким образом, состав респондентов очень разнороден, что должно способствовать представительству самых разнообразных типов репродуктивных ориентаций молодежи.

Второй эмпирической основой данной работы выступила электронная база данных выборочного исследования репродуктивных планов населения, проведенного Федеральной службой государственной статистики с 19 сентября по 6 октября 2017 года в 30 субъектах Российской Федерации. В ходе обследования было опрошено 10054 человека, в том числе 5144 женщины и 4910 мужчин: в возрасте до 25 лет — 14,9% девушек

и 9,9% юношей, 25–29 лет — 16,7% девушек и 12,0% — юношей, 30–34 лет 22,0% девушек и 15,1 юношей. Городские жители составляют 72,3% опрошенных, сельские — 27,7% [3].

Результаты исследования. На формирование установок репродуктивного поведения оказывают воздействие не только возраст, пол и материальное положение молодежи, но и ряд других социальных и экономических факторов. Например, люди, чей статус высок, склонны иметь меньше детей, чем люди с низким статусом, хотя за последние годы это различие стало менее заметным [4].

Несомненно, большое значение для формирования у молодежи репродуктивных установок имеют материальные условия. В вопросе о значении материального благополучия для рождения детей модальным ответом оказался вариант «хотелось бы» — 44%; «абсолютно точно, да» — так ответило 41% респондентов; 13% считают, что это не самое главное для рождения детей; 1% — считают, что «с милым рай в шалаше»; 1% полагают, что следует решать материальные проблемы вместе. Результаты показывают высокое значение для молодежи материального благополучия для рождения детей. Это

подтверждается и данными других исследователей [5].

Целесообразно узнать, будет ли доход влиять на отношение к репродуктивным установкам молодежи (таблица 1). Распределим ответы респондентов в зависимости от их дохода. Первая группа с доходом до 5000 рублей в большинстве своем считает, что ребенок — цель их жизни (85,7%); 7,1% респондентов этой группы считают, что ребенок — ценность жизни, и столько же, что ребенок — репродуктивная функция женщины. Во второй группе с доходом от 5001 до 10000 рублей 50% респондентов считают ребенка целью своей жизни, 20% считают детей ценностью жизни, для 16,7% ребенок является способом сохранить семью. Группа с доходом 10001–15000 рублей в большинстве считает ребенка целью жизни (66,7%), а способом сохранить семью — 13,3%. Четвертая группа с доходом 15001–20000 рублей также в большинстве своем видит в ребенке цель своей жизни (75%), для 16,7% респондентов из четвертой группы ребенок — ценность жизни и для 8,3% — способ создать семью. Пятая группа респондентов с доходом от 20001 до 25000 рублей считает ребенка целью своей жизни (50%), ценностью жизни (20,8%), способом сохранить семью (20,8%)

Таблица 1

Влияние дохода молодежи на ценность детности, %

Вы считаете, что ребенок — это	Доход за последний месяц, в расчете на одного члена семьи в рублях							По выборке
	До 5000 руб.	5001– 10000 руб.	10001– 15000 руб.	15001– 20000 руб.	20001– 25000 руб.	25001– 30000 руб.	более 30001 руб.	
цель моей жизни	85,8	50	66,7	75	50	54,5	61,1	60,5
ценность жизни	7,1	20	6,7	16,7	20,8	–	16,7	14,5
способ сохранить семью	–	16,7	13,2	–	20,8	9,1	11	12,1
репродуктивная функция женщины	7,1	3,3	6,7	–	8,4	27,3	–	6,5
способ удержать любимого человека	–	6,7	6,7	–	–	–	–	2,4
способ создать семью	–	3,3	–	8,3	–	9,1	5,6	3,2
затрудняюсь ответить	–	–	–	–	–	–	5,6	0,8
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100

и репродуктивной функцией женщины (8,4%). Среди молодежи с доходом от 25001 до 30000 рублей для 54,5% ребенок — смысл их жизни, для 27,3% — репродуктивная функция женщины, для 9,1% ребенок — это способ сохранить семью и для такой же доли (9,1%) — способ создать семью. Молодежь с доходом выше 30001 рублей в большинстве своем считает ребенка целью своей жизни (61,1%), для 16,7% из них ребенок — это ценность жизни, для 11,0% — способ сохранить семью, для 5,6% — способ создать семью, 5,6% затруднились с ответом.

Данные показывают, что доход неоднозначно влияет на репродуктивные установки молодежи. Для большинства всех доходных категорий ребенок традиционно составляет основной смысл и ценность в жизни. Однако, чем выше доход, тем чаще молодые люди склонны к формально традиционной интерпретации материнства как функции женщины, больше склонны видеть в этом способ создать семью и меньше склонны усматривать в этом инструментальный способ сохранения семьи. Таким образом, доход противоречиво влияет на репродуктивные установки молодежи. Материальное стимулирование в том объеме, в котором предоставляет и сможет в ближайшем будущем предоставлять государство, существенно для бюджета малообеспеченных групп молодежи — жителей сел и небольших городов, где рождаемость и так несколько выше средней,

а планируемые пособия в случае появления третьего ребенка не смогут компенсировать в разы возрастающие риски и лишь усилят социальное неблагополучие [6].

Результаты исследования молодежи Саратова подтверждают и общероссийские данные (таблица 2), которые показывают, что при очень хорошем уровне жизни среднее желаемое число детей среди девушек составляет 1,91, среди юношей — 1,92, однако среднее ожидаемое число детей меньше — соответственно 1,78 и 1,81. При хорошем уровне жизни среднее желаемое число детей среди девушек составляет 2,11, среди юношей — 2,13, однако среднее ожидаемое число детей меньше — соответственно 1,90 и 1,91. При среднем уровне жизни среднее желаемое число детей среди девушек составляет 2,14, среди юношей — 2,16, среднее ожидаемое число детей меньше — соответственно 1,86 и 1,89. При плохом уровне жизни среднее желаемое число детей среди девушек составляет 2,27, среди юношей — 2,23, хотя среднее ожидаемое число детей меньше — соответственно 1,90 и 1,82. При очень плохом уровне жизни среднее желаемое число детей среди девушек составляет 2,47, среди юношей — 2,16, но среднее ожидаемое число детей меньше — соответственно 1,95 и 1,65.

Можно предположить, что увеличение потребности в детях, родительство служит моральной компенсацией за материальное неблагополучие. Иными словами, чем ниже

Таблица 2

Среднее желаемое и ожидаемое число детей в зависимости от оценки уровня жизни, %¹

Оценка уровня жизни	Среднее желаемое число детей		Среднее ожидаемое число детей	
	Девушки	Юноши	Девушки	Юноши
1 — Очень хорошее	1,91	1,92	1,78	1,81
2 — Хорошее	2,11	2,13	1,9	1,91
3 — Среднее	2,14	2,16	1,86	1,89
4 — Плохое	2,27	2,23	1,9	1,82
5 — Очень плохое	2,47	2,16	1,95	1,65
6 — Затрудняюсь сказать	1,85	2,3	1,69	1,89

¹ Рассчитано по выборочному всероссийскому наблюдению репродуктивных планов населения. 2017. [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/RPN17/index.htm (Дата обращения: 04.02.2020).

уровень жизни молодежи, тем больше показатель среднего желаемого числа детей у девушек и юношей и тем выше показатель среднего ожидаемого числа детей у девушек. Однако среди юношей этот показатель растет только в рамках очень хорошего и хорошего материального положения. Начиная со среднего уровня жизни, по мере его ухудшения падает и ожидаемое число детей.

Желаемое и ожидаемое число детей — самое высокое в крайних по доходу группах: у соотносительно малообеспеченных семей и у относительно богатых. Для «благополучных» в материальном плане молодых людей, которые демонстрируют реальный потенциал повышения рождаемости (желание родить более одного ребенка), основной барьер для рождения — фактическое отсутствие инфраструктуры детства в России. Их стратегия репродуктивного поведения принципиально отличается от стратегии малоресурсных групп. Она созвучна глобальным трансформациям воспроизводства: отложенное (отставленное) и ответственное родительство, самореализация и карьерный рост, дифференциация брачного, сексуального и прокреативного поведения. Это не случайность, но результат рационального выбора молодых, формирующих креативный средний класс. У относительно обеспеченных самая маленькая разница между желаемым и ожидаемым числом детей, поскольку они имеют в том числе и больше материальных возможностей для удовлетворения потребности в детях. Поэтому можно согласиться с Ж. Черновой и Л. Шпаковской, что в нашей стране происходит изменение так называемого «парадокса обратной связи» рождаемости и уровня дохода, который происходит во всех развитых странах [7].

Урбанистическая концепция демографических процессов [8] ставит их в зависимость от урбанизации, аргументируя это тем, что нуклеарная семья и репродуктивные установки на малодетность характерны для городского образа жизни. В современной России пока еще сохраняется (хотя и уменьшается) дифференциация установок детности у сельского и городского населения. Это объясняется, видимо, спецификой экономических, социальных и культурных условий жизни города и села. Различие в репродуктивном поведении городских и сельских

жителей также видится в особенностях социально-профессионального состава однородных по уровню дохода и образования групп. Привлекательность сельского труда значительно ниже, поэтому на селе чаще, чем в городе молодежь трудится только ради заработка. У нее меньше заинтересованность в труде, меньше возможностей для продвижения по социальной лестнице. Эти особенности способствуют образованию специфических социальных условий для репродуктивного самоопределения молодой личности. Вместе с тем нельзя считать описанные различия постоянными. Образ жизни сельской местности достаточно быстро меняется, и влияние города происходит не только путем сближения условий труда и быта, но и особенно путем восприятия сельской молодежью системы репродуктивных ценностей, свойственной горожанам, тем более что в понятие «город» вкладывается разный смысл, и эта концепция «срабатывает» лишь в условиях крупных, наиболее экономически развитых городов. Кроме них есть еще и другие типы городов, особенно города с повышенной долей в населении мигрантов из сельской местности, в образе жизни их населения заметно меньше влияние городских стереотипов репродуктивного поведения.

В ходе исследования было выявлено субъективное мнение молодежи о факторах, которые позитивно сказываются на желании завести ребенка (таблица 3): желание стать родителями отметили 33,0% опрошенных, удачный брак отметили 21,2%, высокое материальное положение — 16%, крепкое здоровье — 13%, желание доставить любимому человеку удовольствие — 9,6%, одиночество — 4,6%, наличие детей у друзей — 2,6%.

Главными факторами, негативно влияющими на желание завести ребенка, являются низкая заработная плата (23,9%), необустроенный быт (23,1%), слабое здоровье и неудачный брак (по 16,8% от общего числа ответов). Профессиональную деятельность и неуверенность в собственных силах определяют как сдерживающий фактор желания завести детей по 4,2% респондентов, большая ответственность за ребенка ограничивает 7,3% молодежи, наличие других детей — 2,4%, ранний возраст партнеров — 0,7%.

По 0,3% от общего числа респондентов указали, что таких факторов нет, или, наоборот, отметили все факторы (таблица 4).

Таким образом, для государства важно повышение рождаемости, а для молодых людей часто важнее повышение индивидуального благополучия. Стремление государства и общества возродить традиционные стереотипы брачно-репродуктивного поведения в сочетании с интенсивным материальным стимулированием находят мало отклика у молодых россиян, склонных к рационализации своих репродуктивных установок и практик.

Эти данные подтверждаются результатами исследования О.Г. Исуповой [9]. В ее исследовании отмечалось, что причинами, влияющими на решение завести или оставить себе ребенка являются отсутствие жилья, безработица, бедность. Это отчасти согласуется и с тем, какие факторы молодые люди называют ключевыми и влияющими на создание семьи, планирование детей и их число. Например, они объясняют невозможность раннего создания семьи и рождения большого числа детей социально-экономическими проблемами (финансовыми, жилищными, необходимостью карьерного роста) [10, 11].

яющими на решение завести или оставить себе ребенка являются отсутствие жилья, безработица, бедность. Это отчасти согласуется и с тем, какие факторы молодые люди называют ключевыми и влияющими на создание семьи, планирование детей и их число. Например, они объясняют невозможность раннего создания семьи и рождения большого числа детей социально-экономическими проблемами (финансовыми, жилищными, необходимостью карьерного роста) [10, 11].

Закключение. Результаты нашего анализа позволяют говорить, что молодежь с высоким социальным статусом склонна иметь меньше детей, чем люди с низким статусом. Доход

Таблица 3

Факторы, позитивно влияющие на желание молодежи завести ребенка, %

Факторы	%
Желание стать родителями	33
Удачный брак	21,2
Хорошее материальное положение	16
Крепкое здоровье	13
Желание доставить любимому человеку удовольствие	9,6
Одиночество	4,6
Наличие детей у друзей	2,6
Итого	100

Таблица 4

Факторы, негативно влияющие на желание завести ребенка, %

Факторы	%
Низкая заработная плата	23,9
Необустроенный быт	23,1
Слабое здоровье	16,8
Неудачный брак	16,8
Большая ответственность за ребенка	7,3
Профессиональная деятельность	4,2
Неуверенность в собственных силах	4,2
Наличие других детей	2,4
Ранний возраст (18–20 лет)	0,7
Все факторы	0,3
Таких нет	0,3
Итого	100

противоречиво влияет на репродуктивные установки молодежи. Чем выше доход, тем чаще молодые люди склонны к формально традиционной интерпретации материнства как функции женщины, больше склонны видеть в этом способ создать семью и меньше склонны усматривать в этом инструментальный способ сохранения семьи. Однако, чем ниже уровень жизни молодежи, тем больше показатель среднего желаемого числа детей у девушек и юношей и тем выше показатель среднего ожидаемого числа детей у девушек, тем больше ориентация на помощь государства. По субъективному мнению молодежи, репродуктивные установки позитивно сопряжены с потребностью в детях, желаниями заключить удачный брак, достичь комфортного материального положения. Отсутствие данных факторов (низкая заработная плата, необустроенный быт, слабое здоровье, неудачный брак) негативно влияют на желание завести ребенка. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что в долгосрочной перспективе ресурсная социально-демографическая политика государства может оказаться малоэффективной и, конечно, требуется более комплексный подход к разработке мер по повышению рождаемости в стране.

Литература

1. *Ивченков С.Г., Ивchenkova М.С.* Особенности репродуктивных установок современной молодежи: мнения экспертов и реальность // *Alma mater* (Вестник высшей школы). — 2020. — №11. — С. 36–44. — DOI: 10.20339/AM.11-20.036.
2. *Антонов А.И.* Социология семьи. — М.: Изд-во: ИНФРА, 2016. — 368 с.
3. Выборочное всероссийское наблюдение репродуктивных планов населения. 2017 [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. — Режим доступа: https://gks.ru/free_doc/new_site/RPN17/index.htm (Дата обращения: 04.02.2020).
4. *Коновалов В.А.* Медико-социальные аспекты проблемы регулирования рождаемости в современных условиях // *Мать и дитя*. — М., 2002. — Ч. 1. — С. 43–44.
5. *Мезенева М.В.* Влияние материально-го положения на репродуктивные установки молодой семьи (на примере Вологодской об-

ласти) // *Вестник СПбГУ*. Сер. 12. — 2010. — Вып. 1. — С. 372–381.

6. *Печерская Н.В.* Мифология родительства: анализ дискурсивного производства идеальной семьи // *Журнал исследований социальной политики*. — 2012. — Т. 10. — №3. — С. 323–342.

7. *Чернова Ж., Шпаковская Л.* Молодые взрослые: супружество, партнерство и родительство. Дискурсивные предписания и практики в современной России // *Laboratorium*. — 2010. — №3. — С. 19–43.

8. *Бодрова В.В.* Репродуктивные ориентации населения России // *Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения*. — 1997. — №3. — С. 42.

9. *Исупова О.Г.* Отказ от новорожденного и репродуктивные права женщины // *Социологические исследования*. — 2002. — №11. — С. 92–99.

10. *Козырева П.М., Гурко Т.А., Смирнов А.И., Воронин Г.Л.* Роль семьи в консолидации российского общества // *Социальные факторы консолидации Российского общества: социологическое измерение* / Под ред. М.К. Горшкова. — М.: Новый хронограф, 2010. — С. 62–90.

11. *Попова Н.М., Булдаков А.А., Башкиров А.А.* Планирование создания семьи студентами Ижевской государственной медицинской академии в сравнении между факультетами и курсами // *Современные тенденции развития науки и технологий*. — 2017. — С. 158–160.

References

1. *Ivchenkov S. G., Ivchenkova M. S.* Oso-bennosti reproduktivnyh ustanovok sovremen-noj molodezhi: mnenija jekspertov i real'nost' [Features of reproductive attitudes of modern youth: expert opinions and reality] // *Alma mater (Vestnik vysshej shkoly)* [Alma mater (Bulletin of the Higher School)]. — 2020. — №11. — Pp. 36–44. — DOI: 10.20339/AM.11-20.036.
2. *Antonov A. I.* Sociologija sem'i [Sociology of the family]. — Moscow: Izd-vo: INFRA, 2016. — 368 p.
3. Vyborochnoe vserossijskoe nabljudenie reproduktivnyh planov naselenija. 2017 [Selective all-Russian observation of reproductive plans of the population. 2017] [Elektronnyj

resurs] / Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki [Federal State Statistics Service]. — URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/RPN17/index.htm (Date accessed: 04.02.2020).

4. *Konovalov V.A.* Mediko-social'nye aspekty problemy regulirovaniya rozhdaemosti v sovremennyh uslovijah [Medico-social aspects of the problem of birth control in modern conditions] // *Mat' i ditja* [Mother and child]. — Moscow, 2002. — Part 1. — Pp. 43–44.

5. *Mezeneva M.V.* Vlijanie material'nogo polozhenija na reproduktivnye ustanovki molodoj sem'i (na primere Vologodskoj oblasti) [Influence of the material situation on the reproductive settings of a young family (on the example of the Vologda region)] // *Vestnik SPbGU*. Ser. 12. — 2010. — Issue 1. — Pp. 372–381.

6. *Pecherskaja N.V.* Mifologija roditel'stva: analiz diskursivnogo proizvodstva ideal'noj sem'i [The mythology of parenthood: an analysis of the discursive production of the ideal family] // *Zhurnal issledovanij social'noj politiki* [Journal of Social Policy Research]. — 2012. — Vol. 10. — №3. — Pp. 323–342.

7. *Chernova Zh., Shpakovskaja L.* Molodye vzroslye: supruzhestvo, partnerstvo i roditel'stvo. Diskursivnye predpisanija i praktiki v sovremennoj Rossii [Young adults: marriage, partnership and parenthood. Discursive prescriptions and practices in modern Russia] // *Laboratorium*. — 2010. — №3. — Pp. 19–43.

8. *Bodrova V.V.* Reproductivnye orientacii naselenija Rossii [Reproductive orientations of the population of Russia] // *Jekonomicheskie i social'nye peremeny: monitoring obshhestvennogo mnenija* [Economic and social changes: monitoring public opinion]. — 1997. — №3. — Pp. 42.

9. *Isupova O.G.* Otkaz ot novorozhden'nogo i reproduktivnye prava zhenshhiny [Refusal of a newborn and reproductive rights of a woman] // *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological research]. — 2002. — №11. — Pp. 92–99.

10. *Kozyreva P.M., Gurko T.A., Smirnov A.I., Voronin G.L.* Rol' sem'i v konsolidacii rossijskogo obshhestva [The role of the family in the consolidation of Russian society] // *Social'nye faktory konsolidacii Rossijskogo obshhestva: sociologicheskoe izmerenie* [Social factors of the consolidation of Russian society: a sociological dimension] / In M.K. Gorshkov (eds.). — Moscow: Novyj hronograf, 2010. — Pp. 62–90.

11. *Popova N.M., Buldakov A.A., Bashkirov A.A.* Planirovanie sozdaniya sem'i studentami Izhevskoj gosudarstvennoj medicinskoj akademii v sravnenii mezhdu fakul'tetami i kursami [Planning for the creation of a family by students of the Izhevsk State Medical Academy in comparison between faculties and courses] // *Sovremennye tendencii razvitija nauki i tehnologij* [Modern trends in the development of science and technology]. — 2017. — Pp. 158–160.

Поступила в редакцию

18 февраля 2021 г.

Ивченков Сергей Григорьевич — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой «Социология молодежи» Социологического факультета, декан Социологического факультета Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского.

Ivchenkov Sergey Grigoryevich — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department «Youth Sociology» of the Faculty of Sociology, Dean of the Faculty of Sociology, Saratov State University.

410012, г. Саратов, ул. Б. Казачья, 120, корп. 7
120 B. Kazachya st., bld. 7, 410012, Saratov, Russia
E-mail: ivchenkovsg@mail.ru

Ивченкова Мария Сергеевна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Ivchenkova Maria Sergeevna — Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher at the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.

117218, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5
24/35 Krzhizhanovskogo st., bld. 5, 117218, Moscow, Russia
E-mail: m.ivchenkova@gmail.com

УДК 314

10.17213/2075-2067-2021-2-72-82

СЕМЕЙНЫЙ ТЕЗАУРУС МОЛОДЫХ МУЖЧИН¹

© 2021 г. Ч. И. Ильдарханова*, В. А. Гневашева**

Центр семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия**Институт демографических исследований**Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,**г. Москва, Россия*

Цель исследования обусловлена необходимостью изучения процессов формирования тезауруса молодых отцов, молодых людей, с целью выявления наследуемых общественных ценностных ориентиров, обоснования вероятных стратегических траекторий развития семейных, брачных и репродуктивных отношений.

Методология исследования представлена методологическими и теоретическими работами ученых, исследователей в области изучения молодежи как страты общества, а также применения тезаурусного подхода к оценке ценностных ориентаций общества. В исследовании применены методы корреляционной оценки переменных, а также графические методы оценки параллельных данных.

Результаты исследования позволяют сделать ряд выводов о наметившихся негативных тенденциях, подрывающих социально устойчивый тезаурусный концепт семьи, что требует дополнительного и более детального изучения с формированием соответствующих программ, в том числе и государственного уровня позиционирования образа семейно-брачных и репродуктивных отношений в ценностном концепте современной молодежи.

Ключевые слова: семейный тезаурус; семья; ценностные ориентации; молодые мужчины.

FAMILY THESAURUS OF YOUNG MEN

© 2021 Ch. I. Ildarhanova*, V. A. Gnevasheva**

Family and Demography Center Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia**Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

The purpose of the study is due to the need to study the processes of formation of the thesaurus of young fathers, young people, in order to identify inherited social values, substantiate the likely strategic trajectories of the development of family, marriage and reproductive relations.

The research methodology is presented by the methodological and theoretical works of scientists, researchers in the field of studying youth as a stratum of society, as well as the application of the thesaurus approach to assessing the value orientations of society. The study used methods of correlation estimation of variables, as well as graphical methods for estimating parallel data.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Генеративное поведение российских мужчин в условиях демографического кризиса: Приволжский и Северо-Западный округа РФ (сравнительный анализ)» №19-011-00644.

The results of the study allow us to draw a number of conclusions about emerging negative trends that undermine the socially stable thesaurus concept of the family, which requires additional and more detailed study with the formation of appropriate programs, including the state level of positioning the image of family, marriage and reproductive relations in the value concept of modern youth.

Key words: *family thesaurus; a family; value orientations; young men.*

Актуальность исследования. Исследование обусловлено важностью детерминации тезауруса молодых мужчин с целью выявления значимых ценностных ориентаций, предпосылок их формирования, степени развитости и направленности той или иной ценностной компоненты, степень их влияния на процессы брачного, семейного, репродуктивного поведения, а также социально-экономических реакций и изменения в семейных статусах.

Теоретические предпосылки исследования. Основные концептуальные стороны тезаурусного подхода состоят в следующем. Тезаурус представляет собой индивидуальную конфигурацию ориентационной информации (знания, нормы, ценностные ориентации, социальные установки), формируемую под воздействием внешних макро- и микро-социальных факторов, что обеспечивает определенные социальные траектории индивида на различных уровнях социализации.

Концептуальные аспекты тезаурусного подхода схожи с идеями символического интеракционизма Чикагской социологической школы [11], но в то же время в большей степени учитывают именно объективные условия формирования индивидуальных тезаурусных конструкций, в этой части имеющих в качестве сопряженного основания понятие «образ жизни, сформированный обществом», в этой связи можно говорить и о синхронизации тезаурусных конструкций. Однако индивидуальный тезаурус вовсе не обусловлен лишь процессом синхронизации, а включает также формы диахронии, которая в свою очередь предполагает перенос сквозь поколения определенных концептов с последующей их ретрансляцией или возрождением после эпох забвения.

В исследовании применяется тезаурусный подход также в оценке ценностных

ориентаций гендерных сообществ (молодых мужчин). В исследовании под ценностными ориентациями понимается существенная сторона тезауруса, а именно: направленность субъекта (личности, группы, сообщества) на цели, осознаваемые им позитивно значимыми (благами, правильными, высокими и т.п.) в соответствии с принятыми в обществе (сообществе) образцами и имеющимся жизненным опытом и индивидуальными предпочтениями. При этом векторная направленность исследования определена семьей — брачным и репродуктивным поведением. Такая направленность представляет собой совокупность устойчивых мотивов, лежащих в основе ориентации субъекта в социальной среде и его оценок ситуаций. Она может осознаваться в разной степени, выражаться в фактах поведения, веры, знания и иметь форму стереотипа, суждения, проекта (программы), идеала, мировоззрения. При этом из направленности на признаваемые позитивными жизненные цели не следует автоматический активный действий субъекта по их достижению в реальной действительности [3].

Ценность по М. Веберу — это форма человеческого мышления, а также соотношение, соотносительность человека с миром вещей, людей и духовных явлений. Весомый вклад в развитие теории ценностей внес представитель французской социологической школы Э. Дюркгейм с его понятием «аномии». Теория ценностей начала активно развиваться после Первой мировой войны в американской социологической науке. Исследования в области аксиологии в этот период были связаны с именами В. Томаса, Э. Фэриса и Дж. Г. Мида, Т. Парсонса и др.

Философское осмысление категории «ценность» восходит к работам философов XIX–XX вв. Р. Лотце, В. Виндельбанда, Г. Риккерта, А. Мейнонга, М. Шелера, Н. Гар-

тмана, Ф. Брентано. Вклад в практику исследования ценностной проблематики осуществлен социологами У. Томасом, Ф. Знанецким, М. Вебером, Э. Дюркгеймом, Т. Парсонсом, П. А. Сорокиным, психологами М. Рокичем и Ш. Шварцем. Проблематика молодежных ценностей рассмотрена в рамках теории социального наследования К. Манхеймом, в рамках концепции межпоколенных отношений — М. Мид.

Важно отметить общероссийские исследования ценностей и ценностных ориентаций Института философии РАН, Института социологии РАН, Института психологии РАН [7, 8, 9].

Особо отметим цикл исследований, проведенных под руководством доктора философских наук Н. И. Лапина [2], а также международные сравнительные исследования под руководством М. Г. Руднева и В. С. Магуна [4]. Модернистское направление в исследованиях ценностных ориентаций связано с именем Р. Инглхарта и с международным проектом [1]. Основные тематические направления в отношении изучения тезаурусных концептов разных страт общества отражены в исследованиях обоснования тезауруса социологии [7], феномена российского общества и тенденций стратовых ценностных изменений [8], эмпирических оценок социального портрета молодежи [5], определения социально-культурных факторов национальной безопасности [6], определения идентичности в условиях нелинейной социально-культурной динамики [9], образовательных и профессиональных траекторий российской молодежи [10] и др. Вместе с тем отдельные направления тезаурусного формирования с детерминантой более мелких по объему стратовых компонент требуют более детального, регионального, дифференцированного обоснования.

Методология исследования. В эмпирическом исследовании, проведенном в Республике Татарстан и Вологодской области РФ под руководством Ч. И. Ильдархановой в рамках реализации научного проекта «Генеративное поведение российских мужчин в условиях демографического кризиса: Приволжский и Северо-Западный округа РФ (сравнительный анализ)» №19-011-00644 при финансовой

поддержке РФФИ, приняли участие 1353 респондента (мужчин). Задачи исследования состоят в выявлении типологии поведения молодых мужчин в отношении семейных, брачных и репродуктивных ценностных ориентаций, а также формирования ими социально-экономических реакций и соответствующих моделей семейного тезауруса.

На долю молодежного сегмента (от 18 и до 32 лет) в выборке приходится 31,7% респондентов. Мода распределения — возрастная группа «33–37 лет».

Чуть менее половины респондентов определили себя как верующих (49,2%), треть — отметили отрицательную позицию (32,7%). Наибольшая доля верующих отмечается в возрастной группе «38–42 года», в этой же возрастной группе отмечается и наименьшая доля неверующих — 25,3%, в противоположность наибольшая доля неверующих представлена в возрастной группе «18–22 года» — 48,1%. Из опрошенных ислам в большей степени разделяют в возрасте 33–37 лет (23,4%), христианство — в возрасте 38–42 года (16,5%), иные религии — в возрасте 38–42 года (28%).

При этом также чуть менее половины сказали, что «веруют, но обрядов не совершают» (48,7%, в возрастном распределении это преимущественно группа «18–22 года» (55,9% по возрастной группе)), и только каждый пятый отметил, что верует и посещает церковь (мечеть) регулярно (21,3%, в возрастном распределении это преимущественно группа «48–52» года (27,9%) и группа «43–47 лет» (20,8%)).

По профессионально-образовательному уровню можно отметить две доминантные группы: специалисты на работах, требующих высшего образования (28,0%), и работники по специальностям, требующим среднего специального образования (18,1%), преимущественно занятые в промышленности (25,6%) и строительстве (16,5%), работающие в основном ежедневно полный рабочий день (68%), как правило, в одном месте вне дома (78%) в объеме 40 часов (35,8%), реже — 48 (9,4%) и 50 часов (10,8%).

При этом уровень среднемесячной заработной платы сосредоточен в трех доминантных группах: 10000–19999 рублей (18,0%), 20000–29999 рублей (25,7%),

30000–39999 рублей (21,1%). В отношении своей супруги/партнерши респонденты отметили, что она преимущественно работает (59,2%), однако 20,5% все же остаются дома, не работают. Среди работающих, как правило, занятость составляет 40 часов в неделю (35,7%), но есть доля и тех, кто занят более этой нормы — 27,3% работают более 40 часов в неделю.

По социальному статусу 59,5% респондентов относят себя к «среднему классу», 26,6% — «ниже среднего класса».

Каждый четвертый респондент (25,3%) абсолютно согласен с утверждением, что дело мужчины — зарабатывать деньги, а дело женщины — справляться с делами по дому и воспитывать детей. 36,6% респондентов, отвечая на данный вопрос, выбрали позицию «в чем-то согласен, а в чем-то нет». Но в целом более-менее согласны с данным утверждением более 2/3 респондентов.

В целом по временным затратам на домашнее хозяйство и воспитание детей в представлениях респондентов оптимальный объем затрат времени — 1 час, супруга/партнерша — чуть в большей степени, с их точки зрения, в вопросах домашнего хозяйства и воспитания детей — с доминантной позицией участия 2–3 часа.

В распределении по семейному статусу более половины состоят в зарегистрированном в ЗАГСе браке; 10,5% — состоят в незарегистрированном браке; 9,5% — холосты и никогда не были женаты; тех, кто ответил, что на данный момент разведен, — 6,5%. В возрастном распределении можно отметить преимущественную регистрацию брака в возрастных группах «33–37 лет» (20,2%) и «38–42 года» (17,9%), причем темпы активности в регистрации брака существенно увеличиваются с 28 лет (0,8% регистрирующих брак в возрастной группе «18–22 года», 4,6% — «23–27 лет», 12,5% — «28–32 года»). Численность разведенных особенно фиксируется в возрастной группе «38–42 года» (20%), а также в группах «43–47 лет» (15,6%) и «33–37 лет» (15,6%). Две трети респондентов имеют собственных (кровных) детей (67,6%, возрастной пик наличия собственных, кровных детей приходится на возрастную группу «33–37 лет» (19,0%)), четверть из опрошенных детей не имеют (24,1%), 6,5% — проживают совместно с детьми их супруги/партнерши (при этом на возрастную группу «33–37 лет» приходится 24,4% воспитываемых детей супруги/партнерши, а на возрастную группу «38–42 года» — 35,0% официально усыновленных).

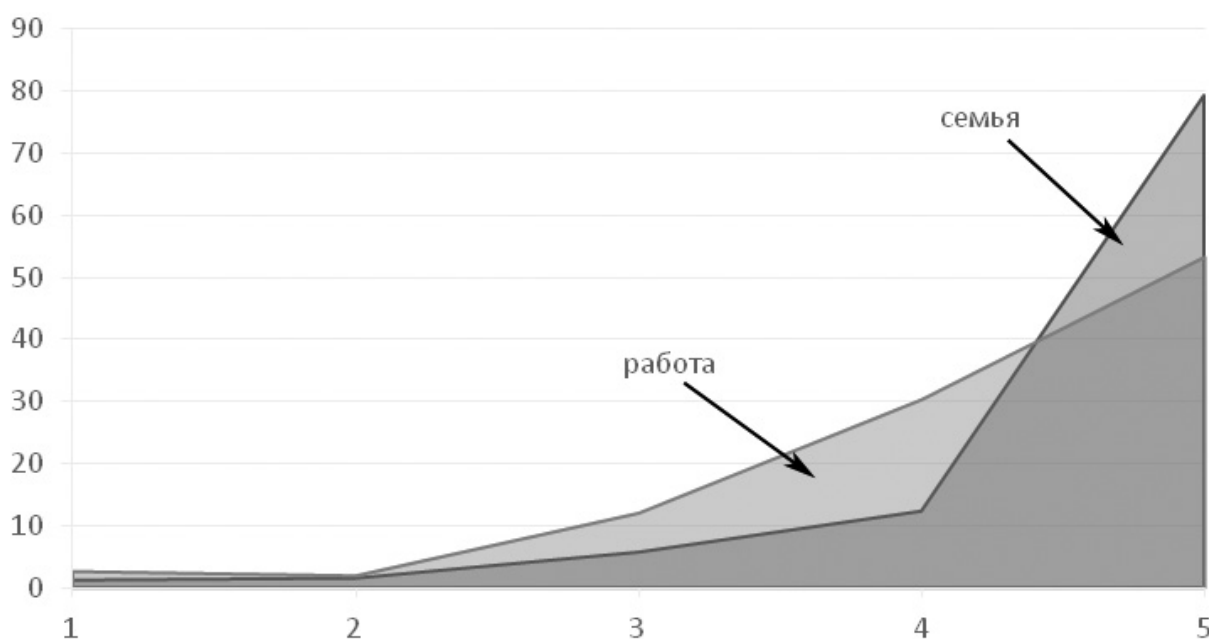

Рис. 1. Оценки респондентами важности работы и семьи по пятибалльной шкале (1 — наименьшая ценность, 5 — наивысшая ценность) (в %)

Из ответов респондентов видно, что подавляющее большинство приветствует проживание совместно с собственными детьми (79,5%), хотя определяется еще одна значимая группа — примерно каждый десятый из отвечавших сказал, что дети проживают с другими родственниками (11%).

Оценивая значимость семьи в семейном тезаурусе респондентов, важно провести сравнение определения ими степени значимости работы и семьи в сопоставимых оценках. Оцениваемые позиции характеризуются стабильной значимостью работы и маркерной значимостью семьи в отношении абсолютной позиции — 5 баллов (см. рис. 1).

Распределение ответов респондентов о причине иметь семью показывает доминанту позиции «чтобы быть счастливым», так считает каждый третий (31,1%). Далее значимыми позициями, примерно равными по популярности ответов, выступают следующие: «чтобы не быть одиноким» (16,4%), «хочу быть рядом с человеком схожих взглядов» (14,7%), «хочу иметь детей» (14,5%).

Выбор семейного статуса респондентами обусловлен преимущественно моделью счастья, где понятие семьи имеет важное значение, семья выступает как важный атрибут счастья в тезаурусе респондентов. Важно также подчеркнуть, что дети определяются респондентами так же, как фактор семейственности, но лишь в ответах каждого седьмого респондента.

Распределение ответов на вопрос о причинах желая иметь детей далеко неоднозначное, есть ряд более значимых позиций, однако самая популярная из них не составляет более 17,2%. Можно перечислить три наиболее популярных ответа, где процент выбравших составляет более 10: «чтобы мой род продолжился» (17,2%), «дети — это продолжение меня, моего генетического фонда» (13,7%), «люблю детей, хочу заниматься их воспитанием» (12,3%).

Преимущественно, если обобщить ряд схожих позиций, ответы на данный вопрос сводятся к желанию респондентов продолжить свой род.

При наличии всех необходимых условий респонденты в большинстве хотели бы иметь двух детей (39,7%), чуть в меньшей предпочтении — трех (26,2%), всего лишь одного

ребенка хотел бы иметь только каждый десятый респондент, все прочие позиции были выбраны менее чем в 5% случаев каждая.

Подавляющее большинство респондентов (78,9%) выросли в семье, где были оба кровных родителя, проживающих в зарегистрированном браке. Каждый шестой испытал на себе развод родителей (18,6%).

Две трети респондентов имеют братьев или сестер (73,4%), в подавляющем большинстве это один брат или сестра (58,8%), также треть респондентов имеет двух братьев или сестер (27,0%).

В отношении помощи своим племянникам 23% респондентов сказали, что активно участвуют, общаются, гуляют, помогают в уходе.

У 75% респондентов в окружении нет детей, в жизни которых они бы принимали активное участие.

Отвечая на вопрос: «Живут ли с вами ваши родители или родители вашей супруги/партнерши?», 13,0% сказали, что живут их родители, и еще 4,7% — что живут родители супруги/партнерши, 81,9% респондентов отметили, что не проживают совместно со своими родителями или родителями супруги/партнерши.

В ответах респондентов отмечается участие родителей супругов в воспитании детей, однако не столь значительное. Примерно каждый десятый отмечает, что его родители или родители супруги «забирают ребенка из школы/садика» (10,2%), «играют с ним» (11,4%), «дают деньги» (10,4%), «покупают игрушки» (10,6%), «занимаются с ним» (10,6%).

Отвечая на вопрос об образце воспитания, респонденты преимущественно склонны считать вариант воспитания их родителей, то, как их самих воспитывали, некоторым необходимым вариантом, вполне приемлемым для воспитания их собственных детей (47,8% ответили «да, так же» и 39,1% — «не совсем так, как они»).

Преимущественно отличный метод воспитания избрали 13,1% респондентов, причем в своем выборе они руководствуются нежеланием повторять ошибки своих родителей. В этой связи наиболее популярными причинами выступают следующие: «мои родители уделяли мне мало времени, мне

не хватало их любви» (29,0%), «мои родители не поддерживали мои стремления, начинания, хобби, интересы» (12,7%), «мои родители никогда не считались с моим мнением» (11,9%).

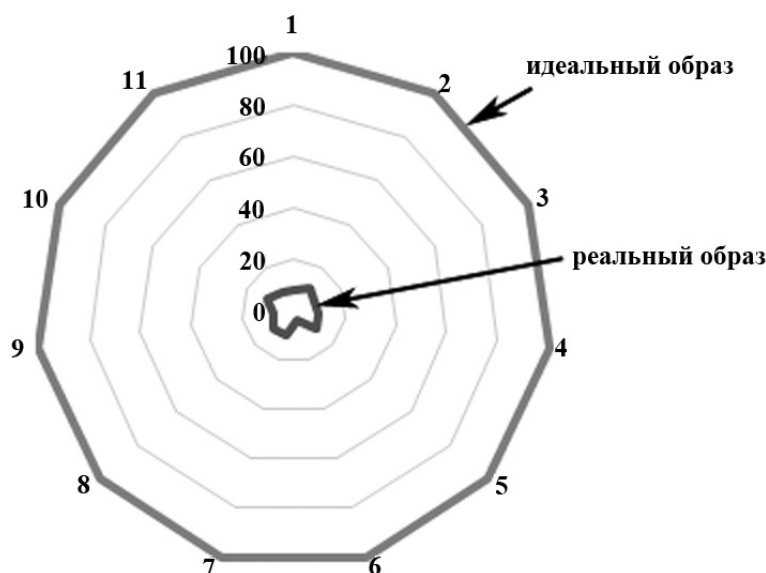
Хотел бы походить на своего отца только каждый четвертый из отвечавших мужчин, 48,4% «в чем-то хотели бы походить, в чем-то нет», но 26,4% полностью отрицают свое желание походить на своего отца.

Среди значимых позиций образа отца респондентами отмечается: «он материально обеспечивал детей», «он был с сильным характером», «он давал советы детям». Важно подчеркнуть, что вместе с тем значимость позиций определяется менее чем 10% по каждой (см. рис. 2).

Более половины респондентов оценивают свои отношения с родителями как отлич-

ные (55,9%) и готовы пожелать подобные отношения всем. 13,5% респондентов считают, что отношения с родителями обычные, они иногда созваниваются. Значима доля тех, кто выбрал позицию «другое», где определяется более 40 авторских вариаций, преимущественно констатирующих, что отношения были нормальными, но родителей сейчас уже нет в живых (11,2%).

Подобные ответы свидетельствуют о вполне четком определении респондентами для себя характера отношений с родителями. Данные ответы важно описывать в контексте и прочих вопросов об отношениях в семье в детстве, а также вопросов касательно наличия преимущественности в воспитании детей и построения семейных отношений. Ответ «отличные» в данном вопросе лишь свидетельствует о том, что респонденты определя-

1	он много времени проводил с детьми
2	он материально обеспечивал детей
3	он общался с детьми
4	он был другом для детей
5	он давал советы детям
6	он занимал высокое положение в обществе
7	он уважительно относился к супруге
8	он уважительно относился к родителям
9	к нему уважительно относилась супруга
10	он был с сильным характером
11	он занимался воспитанием детей

Рис. 2. «Образ отца» (соотношение максимальных и реальных оценок позиций, в %)

ют те отношения, которые у них сложились, как вполне приемлемые для себя.

Критериями тезауруса по ряду вопросов выступают понятия «взаимопомощи» и «взаимоучастия», однако доля значимости данных позиций в кросс-анализе вопросов-ответов мала.

Так, при определении степени соучастия респондента жизни дочери/сына отмечается чуть большая связь респондентов с дочерями, однако популярность выбора позиций «3 — часто/почти каждый день» отмечается в самом популярном варианте лишь у каждого пятого.

Оценки параллельных переменных исследования. В исследовании для определения возрастного семейного тезауруса был применен метод построения аллювиальной диаграммы (фазовой сетевой диаграммы), позволяющей определить изменения в структуре социально-экономических сетей заданных переменных в течение времени.

Переменные, присвоенные параллельным вертикальным осям в рамках исследования в распределении слева-направо, следующие: наличие детей (ответ: да, кровные); для чего Вам нужна семья? (ответ: хочу иметь детей); в какой семье Вы выросли? (ответ: у меня было (есть) оба кровных родителя, проживающих в зарегистрированном браке); Вы бы хотели быть похожим на своего отца (ответ: да, хотел бы походить во всем) (см. рис. 3).

Расчетные значения представлены блоками на каждой оси. Высота блока определяет размер кластера, а высота поля потока представляет размер компонентов, содержащихся в обоих блоках, связанных полем потока.

На основе рассмотренных переменных сформируем графическую интерпретацию возрастного семейного тезауруса. Графическая фиксация основных ценностных ориентиров позволяет утверждать максимальное их обеспечение в общем ценностном представлении молодых людей к возрастной

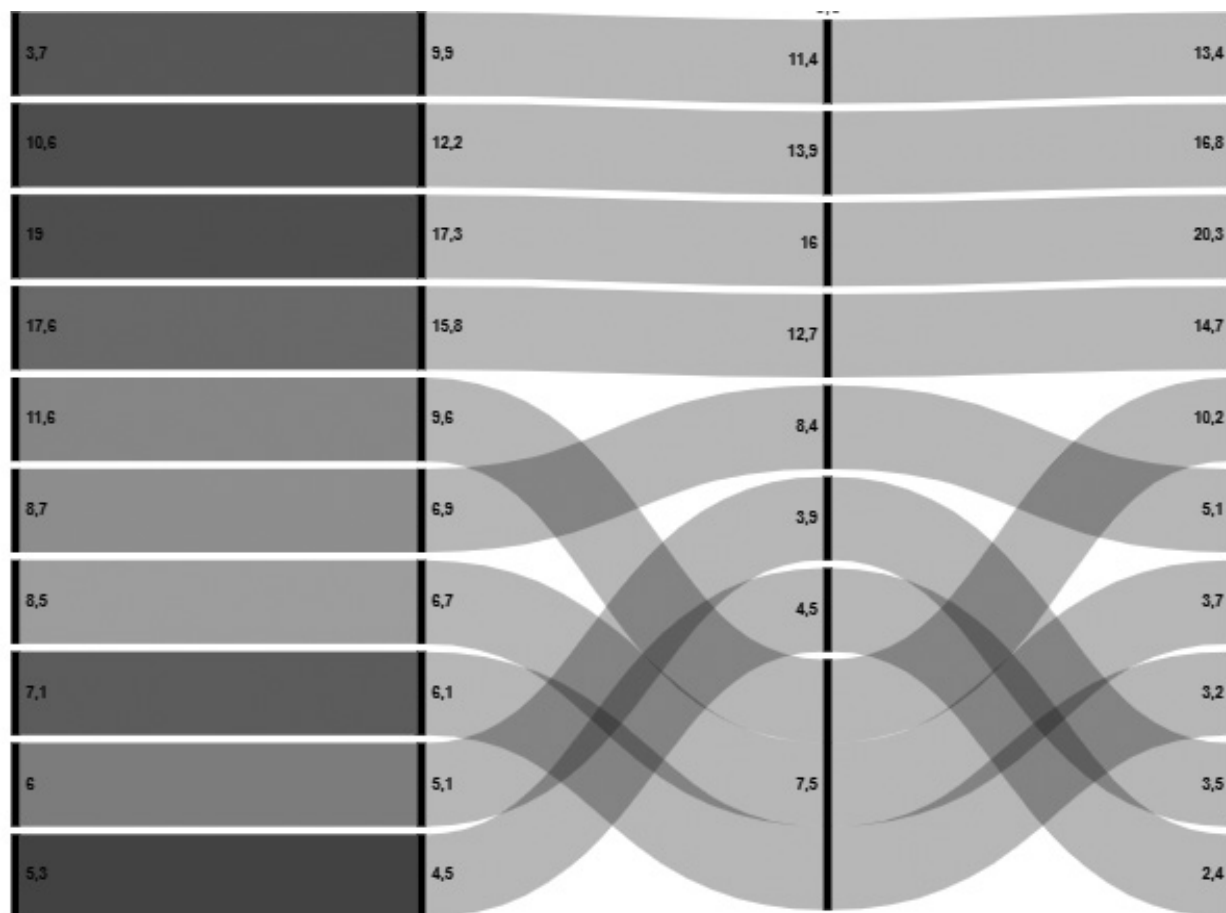

Рис. 3. Аллювиальные диаграммы возрастного семейного тезауруса

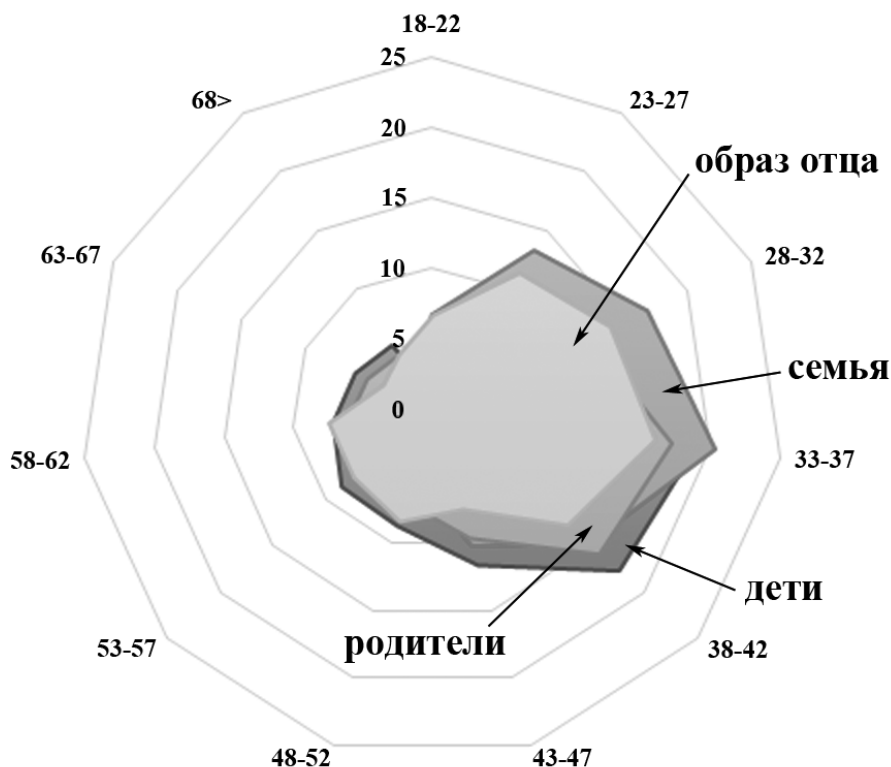

Рис. 4. Возрастной семейный тезаурус

группе «28–32 года», однако и далее данный процесс получает свое большее осознание и утверждение в особенно активной фазе до 38 лет (см. рис. 4).

Тезаурус молодой семьи. У трети респондентов в основе тезауруса семьи — сформированный разрыв отношений «родители — дети» с выраженной позицией-маркером «мои родители уделяли мне мало времени, мне не хватало их любви».

Из вопросов, касающихся детности, формируется тенденция, которая отчетливо отражает отсутствие явной корреляции между семейными представлениями респондентов и наличием детей, а также согласованности позиций по желанию и количеству детей с супругой/партнершей.

Разорванность причинно-следственных как прямых, так и обратных связей: «семья — дети».

Полностью отрицают свое желание походить на отца 26,4% респондентов (притом, что 48,4% также выбрали неоднозначную позицию, ответив, что «в чем-то хотели бы походить, в чем-то нет»), то есть для более

чем 3/4 отвечавших отец не представляет абсолютного образца в своем поведении.

Определяя позиции взаимоотношения и взаимопомощи как значимые для формирования отношений между своей семьей и семьями родителей (собственных и супруги/партнерши), респонденты склонны в основном подчеркивать свою связь со своими родителями, нежели с родителями супруги/партнерши.

Каждый пятый определяет себя как отличного отца, каждый второй старается быть хорошим отцом по самоощущениям, не фиксируя при этом отчетливо идеала «хорошего отца» и определяя качества «хорошего отца» крайне размыто, но чуть более сводящимися к позициям справедливости и ответственности.

Критериями тезауруса по ряду вопросов выступают понятия «взаимопомощи» и «взаимоучастия», однако доля значимости данных позиций в кросс-анализе вопросов-ответов мала.

Оценивая значимость семьи в семейном тезаурусе респондентов, важно провести сравнение определения ими степени значимости работы и семьи в сопоставимых оцен-

ках. Оцениваемые позиции характеризуются стабильной значимостью работы и маркерной значимостью семьи в отношении абсолютной позиции — 5 баллов.

Заключение. Институт семьи у мужчин формируется преемственно, наделяется иерархичностью передаваемого авторитета образа главы семьи, формирующего иерархическую и ценностную устойчивость семейных отношений, что в своей системности и формирует «семейный тезаурус» как преемственную иерархическую систему взаимообусловленных ролей, подчиненных ценностно-авторитарному центру семьи — носителю авторитетного семейного образца, передающего его в поколениях.

Данные исследования отражают разрыв «семейного тезауруса», утрату авторитарно-ценностной системы семейных отношений, что приводит к нивелированию ответственности, искажению форм семейных отношений, ориентации на ложные семейные ценности.

Восстановление семейного тезауруса является долгим историческим последовательным, системным процессом эволюционного характера, затрагивающим несколько поколений с сопутствующей общественной и социальной работой общественных институтов по формированию и поддержанию ценностно значимых семейных маркеров. Мерами оперативного воздействия должны стать меры регулирования семейной ответственности, в первую очередь по обеспечению детей, социальной и экономической защиты материнства и детства.

Литература

1. Word Values Survey Site [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.worldvaluessurvey.org/wvs/articles/folder_published/publication_587/files/ChangingMassPriorities.pdf (Дата обращения: 29.01.2020).
2. Лапин Н.И. Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и ее регионов // Социологические исследования. — 2010. — №1. — С. 28–36.
3. Луков В.А., Захаров Н.В. Ценностные ориентации российской молодежи // Знание. Понимание. Умение. — 2008. — №3.

4. Магун В.С. Базовые ценности — 2008: сходства и различия между россиянами и другими европейцами / В.С. Магун, М.Г. Руднев. — М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. — 52 с.

5. Социальный портрет молодежи Российской Федерации: аналитический доклад / Комиссия по социальным вопросам и демографической политике Общественной палаты Российской Федерации. — М., 2011.

6. Социокультурные факторы национальной безопасности России: сб. науч. трудов / отв. ред. А.В. Костина. — М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2015.

7. Тезаурус социологии. Кн. 2. Методология и методы социологических исследований: тематический словарь-справочник / под ред. Ж.Т. Тощенко. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013.

8. Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. — М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015.

9. Федотова Н.Н. Концепции идентичности в условиях нелинейной социокультурной динамики // Знание. Понимание. Умение. — 2013. — №2. — С. 52–62.

10. Чердниченко Г.А. Образовательные и профессиональные траектории российской молодежи (на материалах социологических исследований). — М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2014.

11. Чикагская социология: сб. переводов / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии; сост. и пер. В.Г. Николаев; отв. ред. Д.В. Ефременко. — М., 2015.

References

1. Word Values Survey Site [Elektronnyj resurs]. — URL: http://www.worldvaluessurvey.org/wvs/articles/folder_published/publication_587/files/ChangingMassPriorities.pdf (Date accessed: 29.01.2020).
2. Lapin N.I. Funkcional'no-orientirujushhie klasteri bazovykh cennostej naselenija Rossii i ee regionov [Functionally-orienting clusters of basic values of the population of Russia and its regions] // Sociologicheskie issledovanija [Sociological research]. — 2010. — №1. — Pp. 28–36.
3. Lukov V.A., Zaharov N.V. Cennostnye orientacii rossijskoj molodezhi [Value orienta-

tions of Russian youth] // *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill]. — 2008. — №3.

4. *Magun V.S.* Bazovye cennosti — 2008: shodstva i razlichija mezhdu rossiyanami i drugimi evropejtsami [Basic values — 2008: similarities and differences between Russians and other Europeans] / V.S. Magun, M.G. Rudnev. — Moscow: Izd. dom Gos. un-ta — Vyshej shkoly jekonomiki, 2010. — 52 p.

5. Social'nyj portret molodezhi Rossijskoj Federacii: analiticheskij doklad [Social portrait of the youth of the Russian Federation: an analytical report] / Komissija po social'nym voprosam i demograficheskoj politike Obshhestvennoj palaty Rossijskoj Federacii [Commission on social issues and demographic policy of the Public Chamber of the Russian Federation]. — Moscow, 2011.

6. Sociokul'turnye faktory nacional'noj bezopasnosti Rossii: sb. nauch. trudov [Sociocultural factors of national security of Russia: collection of scientific works] / in A. V. Kostina (eds.). — Moscow: Izd-vo Mosk. gumanit. un-ta, 2015.

7. Tezaurus sociologii. Kn. 2. Metodologija i metody sociologicheskikh issledovanij: tematicheskij slovar'-spravochnik [Thesaurus of Sociology. Book 2. Methodology and methods

of sociological research: a thematic dictionary-reference book] / in Zh. T. Toshhenko (eds.). — Moscow: JuNITI-DANA, 2013.

8. *Toshhenko Zh. T.* Fantomy rossijskogo obshhestva [Phantoms of Russian society]. — Moscow: Centr social'nogo prognozirovaniya i marketinga, 2015.

9. *Fedotova H. H.* Konceptii identichnosti v uslovijah nelinejnoj sociokul'turnoj dinamiki [Concepts of identity in the conditions of non-linear socio-cultural dynamics] // *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill]. — 2013. — №2. — Pp. 52–62.

10. *Cherednichenko G. A.* Obrazovatel'nye i professional'nye traektorii rossijskoj molodezhi (na materialah sociologicheskikh issledovanij) [Educational and professional trajectories of Russian youth (based on the materials of sociological research)]. — Moscow: Centr social'nogo prognozirovaniya i marketinga, 2014.

11. *Chikagskaja sociologija: sb. perevodov* [Chicago Sociology: collection of translations] / RAN. INION. Centr social. nauch.-inform. issled. Otd. sociologii i social. psihologii [Center for Social Science and Information Research. Department of Sociology and Social Sciences Psychology]; sost. i per. V.G. Nikolaev; in D. V. Efremenko (eds.). — Moscow, 2015.

Поступила в редакцию

20 февраля 2021 г.

Ильдарханова Чулпан Ильдусовна — доктор социологических наук, директор Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан.

Ildarhanova Chulpan Ildusovna — Doctor of Sociological Sciences, Director of Family and Demography Center, Tatarstan Academy of Sciences.

420111, г. Казань, ул. Левобулачная, 36а
36a Levobulachnaya st., 420111, Kazan, Russia
E-mail: chulpanildusovna@gmail.com

Гневашева Вера Анатольевна — доктор экономических наук, руководитель отдела воспроизводства трудовых ресурсов и занятости населения Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.

Gnevasheva Vera Anatolyevna — Doctor of Economic Sciences, Head of the Department of Reproduction of Labor Resources and Employment, Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.

19333, г. Москва, ул. Фотиевой, 6
6 Fotievoj st., 119333, Moscow, Russia
E-mail: vera_cos@rambler.ru

УДК 316.344.6

10.17213/2075-2067-2021-2-83-91

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ОТНОШЕНИЯ МОЛОДЕЖИ К ЗДОРОВЬЮ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ¹

© 2021 г. Т. Н. Каменева*, Е. В. Чанкова**

Курский государственный медицинский университет, г. Курск, Россия**Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, г. Москва, Россия*

Целью исследования стало осмысление социокультурной составляющей саморегуляции отношения к здоровью и анализ основных факторов, которые определяют здоровье-ориентированное поведение различных групп населения.

Методологическую базу исследования составляют концептуальные подходы к исследованию саморегуляции, социокультурного механизма саморегуляции (В. Б. Батоцыренов, Ю. А. Зубок, В. И. Чупров, О. А. Конопкин, В. И. Моросанова, А. О. Прохоров).

Результаты исследования. Приводится краткое описание социокультурной составляющей саморегуляции отношения к здоровью различных групп населения, которая проявляется в оптимальном наборе поведенческих практик, поддерживающих актуальные потребности индивида. Определено, что значимые социокультурные регуляторы отношения к здоровью связаны с базовыми ценностями современного российского общества: рождения и воспитания детей, спокойной безбедной жизни и самореализации.

Перспективы дальнейших исследований авторы усматривают в разработке и применении социокультурного механизма к исследованию аспектов регулирования сферы здоровьесбережения.

Ключевые слова: здоровье; отношение к здоровью; социокультурная саморегуляция; молодежь; поколенческие группы.

SOCIOCULTURAL COMPONENTS OF THE YOUTH'S ATTITUDE TO HEALTH IN THE CONTEXT OF A PANDEMIC

© 2021 Т. N. Kameneva*, E. V. Chankova**

Kursk State Medical University, Kursk, Russia**Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia*

The aim of the study was to understand the socio-cultural component of self-regulation of attitudes to health and to analyze the main factors that determine the health-oriented behavior of various population groups.

The methodological basis of the research consists of conceptual approaches to the study of self-regulation, the socio-cultural mechanism of self-regulation (V.B. Batotsyrenov, Yu. A. Zubok, V.I. Chuprov, O.A. Konopkin, V.I. Morosanova, A. O. Prokhorov).

¹ Работа выполнена в рамках гранта РФФИ №20-011-00585 «Саморегуляция жизнедеятельности молодежи в изменяющейся социальной реальности».

The results of the study. *The article provides a brief description of the socio-cultural component of self-regulation of the attitude to the health of various population groups, which is manifested in the optimal set of behavioral practices that support the actual needs of the individual. It is determined that significant socio-cultural regulators of the attitude to health are associated with the basic values of modern Russian society: the birth and upbringing of children, a quiet comfortable life and self-realization.*

The authors see the prospects for further research *in the development and application of a socio-cultural mechanism to the study of aspects of health care regulation.*

Key words: *health; attitude to health; socio-cultural self-regulation; youth; generational groups.*

Введение. Здоровье представляет собой состояние физического, душевного и социального благополучия. Сохранение и укрепление здоровья населения — первоочередная задача, стоящая перед системой управления. Изменения условий жизнедеятельности, связанные с пандемической реальностью, угроза заражения новой коронавирусной инфекцией и противоэпидемические меры, призванные остановить ее распространение (карантин, самоизоляция), драматично сказались на состоянии здоровья и образе жизни людей. Повседневная жизнь, привычные практики, различные виды деятельности, источники существования — все оказалось в ситуации реформатирования.

Реакция разных социальных групп на эту ситуацию оказалась крайне противоречивой. Стало очевидным, что меры, предпринимаемые системой управления в рамках борьбы с пандемией, не всегда находят отражение в сознании и поведении людей, а здоровьеориентированное поведение разных групп населения зачастую принципиально различается. В то время как одни склонны к разной степени отрицания угроз здоровью и демонстрируют принципиальный отказ от соблюдения любых противоэпидемических мер, другие, напротив, проявляют высокую ответственность как за себя, так и за других. Последние не только соблюдают сами, но и требуют здоровьесберегающего поведения от других людей. Данное обстоятельство говорит о значимой роли саморегуляционного механизма в сфере здоровья и разворачивает взгляд социологов в сторону его социокультурных оснований.

Социокультурные составляющие основания саморегуляции являются отражением

влияния культуры на социальную жизнедеятельность людей. Включенность в определенное смысловое пространство, принятие норм и ценностей, освоение соответствующих поведенческих практик — все это является значимыми основаниями образов реальности, в том числе и здоровья. При этом формируется не только понимание и осознание смысла здоровья, но также выстраивается система поведенческих установок, определяющих его поддержание.

В разных поколенческих группах отношение к здоровью и установки в отношении здоровья могут различаться. Это обусловлено множеством факторов, среди которых выделяются как глубинные социокультурные подвиги, так и различные ситуативные явления, связанные с концентрацией определенного опыта в конкретном поколении. Говоря о ситуативных факторах, необходимо подчеркнуть и значение региональных условий, поэтому актуальным является анализ поколенческих различий отношения к здоровью в российских регионах.

При этом сохраняется необходимость комплексного научного осмысления проблемы социокультурной регуляции отношения к здоровью во взаимосвязи с демографическими тенденциями в условиях неопределенности. Пандемическая ситуация по определению является ситуацией неопределенности. В этих условиях произошел слом привычных моделей жизнедеятельности и привычных практик в отношении здоровья и требуется выработка новых, поэтому именно в этих условиях на отношение к здоровью существенное влияние оказывают те представления, которые сформировались у разных социаль-

ных групп в процессе социализации и стали частью общей картины мира. Иными словами, в ситуации неопределенности социокультурные особенности людей проявляются особенно наглядно и позволяют увидеть более сложные мотивационные основания отношения к здоровью, выбор форм здоровьесберегающего поведения или отказ от них.

Целью исследования является изучение социокультурной составляющей саморегуляции отношения к здоровью и здоровьесберегающего поведения, анализ основных факторов, определяющих отношение к здоровью разных поколенческих групп.

Методологическую базу исследования составляют концептуальные подходы к исследованию саморегуляции, социокультурного механизма саморегуляции жизнедеятельности (В. Б. Батоцыренов, Ю. А. Зубок, В. И. Чупров, О. А. Конопкин, В. И. Моросанова, А. О. Прохоров).

Результаты и дискуссия. Стремление обладать хорошим здоровьем — это право каждого человека независимо от расы, религии, политических убеждений, экономического или социального положения [8]. Между тем доминирующий образ здоровья и отношение к нему, представления о том, что необходимо предпринимать для его сохранения, являются проекцией культуры. Культура как знания и нравственные начала, реализованные в поведении, обеспечивает самовоспроизводство человека в различных формах деятельности и определяет его отношение к самому себе, а следовательно, и своему здоровью. Таким образом, отношение к здоровью находится в поле саморегуляционных механизмов индивидуальной ответственности человека за состояние своего здоровья.

Саморегуляция — это фундаментальное понятие, а его преломление в отношении к здоровью предполагает междисциплинарный анализ. В рамках медико-биологического направления саморегуляция понимается как свойство систем разных уровней сохранять внутреннюю стабильность под влиянием изменяющихся условий окружающей среды [1]. В исследованиях О. А. Конопкиной и В. И. Моросановой саморегуляция представляет собой специфическую форму активности человека, которая отражает влияние

индивидуальных личностных структур на целенаправленную активность человека [5, 6]. В концепции А. О. Прохорова саморегуляция сравнивается с возможностью актуализации внутренних ресурсов человека, а ее механизмы обусловлены влиянием социокультурных факторов [7].

В рамках подхода, разрабатываемого В. И. Чупровым и Ю. А. Зубок, саморегуляция рассматривается как деятельность, которая направлена на предупреждение и преодоление отклонений от должных и ожидаемых для индивида условий жизнедеятельности [2]. В основе саморегуляции лежат представления о реальности, т. е. формирующиеся образы. В них отражается не только когнитивно осмысленное, но и эмоционально пережитое отношение к разным объектам реальности. Иначе говоря, смысловое наполнение объекта реальности становится основой саморегуляции поведения, нацеленного на то, чтобы к этому образу приблизиться и воплотить его в своей жизни.

Здоровье представляет собой феномен социальной реальности, изменение отношения к которому связано как с влиянием наследственных, медико-социальных, экономических, политических факторов, так и социокультурных — ценностных ориентаций, стереотипов и моделей поведения, традиций, лежащие в основе формирования образов здоровья [4]. Процесс формирования отношения к здоровью имеет как исторические основания, связанные с устоявшимися традициями и практиками, так и современные, заключающиеся в новом понимании смыслов здоровья и отношения к нему. Важную роль в этом процессе играет механизм саморегуляции, предполагающий выбор социальных практик поведения, поддерживающих определенное состояние здоровья и предупреждающих его нарушения (здоровьеориентированных), который осуществляется под воздействием имеющихся образов и представлений, родительского и собственного опыта, психосоматических показателей состояния здоровья, жизненных целей и установок индивидов. В этой связи следует конкретизировать понятие социокультурной саморегуляции отношения к здоровью как регулирования здоровьеориентированного поведения с учетом различных культурных образцов, закреплен-

ных в индивидуальном и общественном сознании. Например, к таким образцам, способным выступать значимыми основаниями саморегуляции, относятся смысложизненные ценности.

Само понимание сути жизни и ее желательного предназначения может менять как представления людей о здоровье, так и поведенческие установки в его отношении. Социокультурная составляющая в отношении к здоровью проявляется в наборе поведенческих практик, направленных на поддержание определенного, удовлетворяющего актуальные потребности индивида состояния здоровья. Здоровьеориентированные практики могут варьироваться в связи с изменением условий жизнедеятельности, что свидетельствует о контролируемости отношения к здоровью.

Анализ результатов социологических исследований «Отношение молодежи к здоровью в условиях новой коронавирусной инфекции» (2020 г.)² и «Роль семьи в формировании отношения к здоровью» (2021 г.), проведенных на территории Курской области

методом онлайн-опроса (с использованием Google Форм), позволил проанализировать специфику отношения населения региона к здоровью.

Базовым компонентом отношения к здоровью является понимание его смысла (таблица 1).

Как видно из таблицы 1, понимание здоровья как хорошего самочувствия, при котором нет никаких болевых ощущений, приносящих дискомфорт и ухудшающих качество жизни, является наиболее общим для всех когорт.

Понимание здоровья как отсутствия хронических заболеваний больше присуще возрастным когортам от 25 до 55 лет, т.е. среднему возрасту, и меньше — группе до 18 лет.

Здоровье как хорошее психологическое состояние и отсутствие травм наиболее важно для молодежных групп 19–34 лет и менее значимо для всех, кто старше этого возраста, причем важность психологической составляющей здоровья в первую очередь отметили молодые люди в возрасте от 19 до 24 лет (66,2%).

Таблица 1

**Распределение вариантов ответов на вопрос:
«Что означает для вас здоровье?», в зависимости от возраста³, в %**

Варианты ответов	до 18 лет	19–24	25–34	35–55	старше 56 лет
Отсутствие хронических болезней	37,1	51,6	68,6	70,5	55,4
Хорошее самочувствие, когда ничего не болит	66,5	68,3	77,3	71,2	78,8
Хорошее психологическое состояние, отсутствие травмирующих ситуаций	55,1	66,2	60,1	36,7	34,6
Нравственное здоровье, чистая совесть	19,9	13,6	10,7	21,2	33,4
Состояние общества, социальное здоровье	6,3	10,7	7,6	18,1	25,4
Примечание: сумма по столбцу превышает 100,0%, т.к. при ответе на данный вопрос анкеты респонденты могли выбрать более одного ответа					

² Всероссийское социологическое исследование «Отношение молодежи к здоровью в условиях новой коронавирусной инфекции», проведенное в мае-июне 2020 г. в 20 регионах Российской Федерации (N = 3463 среди молодежи в возрасте от 18 до 30 лет), в рамках которого было проведено региональное исследование (Курская область), N = 245. Рук. — д. соц. н., профессор Ю. А. Зубок, подвыборка; Региональное социологическое исследование «Роль семьи в формировании отношения к здоровью», проведенное в феврале-марте 2021 г. на территории Курской области (N = 299 среди населения в возрасте от 18 до 80 лет). Рук. — д. соц. н., доцент Т. Н. Каменева.

³ Всероссийское социологическое исследование «Отношение молодежи к здоровью в условиях новой коронавирусной инфекции», проведенное в мае-июне 2020 г. в 20 регионах Российской Федерации (N = 3463 среди молодежи в возрасте от 18 до 30 лет), в рамках которого было проведено региональное исследование (Курская область), N = 245. Рук. — д. соц. н., профессор Ю. А. Зубок. Региональное социологическое исследование «Роль семьи в формировании отношения к здоровью», проведенное в феврале-марте 2021 г. на территории Курской области (N = 299 среди населения в возрасте от 18 до 80 лет). Рук. — д. соц. н., доцент Т. Н. Каменева.

В то же время респонденты старших возрастных групп, в силу возраста имеющие определенные хронические заболевания, под здоровьем понимали «состояние, когда ничего не болит» и реже связывали его с психологическими факторами. Однако следует отметить, что независимо от возраста для большинства участников опроса здоровьем являлось именно хорошее самочувствие.

Что касается таких составляющих понимания здоровья, как нравственное и социальное, то его значимость, хотя и отмечена респондентами, но несопоставимо ниже. Самая высокая значимость нравственных аспектов отмечена в старшей возрастной группе (33,4%), а самая низкая — среди молодежи 25–34 лет (10,7%).

Общественное здоровье в некоторой степени является важным для старшего поколения в возрасте выше 56 лет (25,4%) и для молодежи (24,6% по сумме показателей трех групп), а для людей среднего возраста — менее важным (18,1%).

Методологически значимым для анализа социокультурной саморегуляции отношения к здоровью представляется его рассмотре-

ние как инструментальной ценности, характеризующейся такими категориями, как отсутствие хронических болезней, хорошее самочувствие и психологическое состояние, и терминальной — подразумевающей нравственное здоровье, чистую совесть, особое состояние общества, определяющее социальное здоровье. Как видно из полученных данных, прежде всего здоровье в сознании опрошенных выступает инструментальной ценностью, связывается с самоощущением и предоставляет различные возможности и жизненные шансы. Значимость нравственного и социального здоровья увеличивается с возрастом респондентов.

Анализ результатов исследования позволил проследить взаимосвязь смыслов, вкладываемых в понятие «здоровье», и ценностей, соответствующих жизненным устремлениям людей. Как показывают исследования, наиболее значимыми ценностями, особенно для молодежи, выступают любовь, самореализация, продолжение себя в детях и спокойная безбедная жизнь. Ценности социальной справедливости, поиска истины в меньшей степени проявляются в структуре смысложизненных цен-

Таблица 2

Взаимосвязь понимания здоровья и смысложизненных ценностей⁴, в %

Смысл здоровья Ценности	Инструментальная			Терминальная	
	Отсутствие болезней	Хорошее самочувствие	Психологическое состояние	Социальное здоровье	Нравственное здоровье
Любовь	55,9	55,2	57,6	58,3	54,7
Спокойная безбедная жизнь	50,2	64,4	47,4	46,5	43,4
Самореали- зация	48,3	56,2	53,7	62,5	59,4
Продолжение себя в детях	79,6	73,4	70,5	84,3	82,7
Стремление к истине	31,4	25,6	36,8	39,1	38,3
Справедли- вость	29,3	27,6	29,3	43,4	45,8

⁴ Всероссийское социологическое исследование «Отношение молодежи к здоровью в условиях новой коронавирусной инфекции», проведенное в мае-июне 2020 г. в 20 регионах Российской Федерации (N = 3463 среди молодежи в возрасте от 18 до 30 лет), в рамках которого было проведено региональное исследование (Курская область), N = 245. Рук. — д. соц. н., профессор Ю. А. Зубок.

ностей, но при этом характерны для значимой части опрошенных [3]. При этом связь данных ценностных устремлений с отношением к здоровью проявляется по-разному. Соответственно, выстраиваются и социокультурные основания саморегуляции образа здоровья и отношения к нему (таблица 2).

Наиболее значимую регулятивную роль в отношении к здоровью играет *ценность продолжения себя в детях*. Это означает, что здоровье, скорее, рассматривается как ресурс, позволяющий реализовать в полной мере функции родительства. А ориентация на рождение детей становится определяющей в укреплении ответственного отношения к здоровью во всех его проявлениях, включая и те, которые не являются предметом особой рефлексии, в частности, общественное и нравственное здоровье. Причем, связь с социальными и культурными показателями проявилась более выражено, чем с индивидуальными: 84,3% с социальными и 82,7% с нравственными аспектами здоровья против связи с психологическим здоровьем (70,5%), хорошим самочувствием (73,4%) и отсутствием болезней (79,6%).

Следующие (после ценности продолжения себя в детях) по значимости ценностные регуляторы в отношении к здоровью распределились следующим образом:

- понимание здоровья как *отсутствия болезней* связано с *ценностью любви* (55,9%), и в последнюю очередь — с ценностью справедливость (29,3%);

- здоровья как *хорошего самочувствия* — с *ценностью спокойной безбедной жизни* (64,4%), и в последнюю очередь — со стремлением к истине (25,6%);

- здоровья как *психологического состояния* — также с *ценностью любви* (57,6%), но еще и *самореализации* (53,7%), и менее всего — со справедливостью (29,3%);

- здоровья как *состояния общества* — с *ценностью самореализации, любовью* (58,3%), и в наименьшей степени — со стремлением к истине (39,1%);

- здоровья как *нравственного состояния общества* — с *ценностью самореализации* (59,4%), любовью (54,7%), и менее всего — со стремлением к истине (38,3%).

В общих самооценках состояния здоровья участников исследования преобладали

положительные данные, особенно это характерно для молодежных когорт. Молодые респонденты в возрасте до 35 лет считали, что они практически здоровы, и позитивно оценивали свои жизненные силы. На наличие серьезных заболеваний указали 3% участников опроса.

Анализ данных в целом по молодежи (всероссийская выборка) показал, что самооценка состояния здоровья выглядит более благополучно у мужчин (58,3%), чем у женщин (46,7%), это же распределение сохраняется в самооценке проблем и наличия заболеваний. По субъективному критерию молодые мужчины более здоровы физически, нежели молодые женщины. Общая картина такова, что примерно половина из числа ответивших чувствуют себя практически здоровыми и у половины женщин-респонденток есть проблемы со здоровьем, т.е. наряду с немного более высоким процентом представленности терминальных ценностей относительно своего физического здоровья у женщин (90,4% и 89,6%) они испытывают больше проблем со здоровьем, нежели мужчины (50,3% и 38,5%).

На фоне более благополучной картины в самооощении себя здоровым мужчинами большее количество женщин (33,7%) на фоне мужчин (30,0%) делают все возможное для сохранения здоровья. Не следит за здоровьем равный процент (9,3%) мужчин и женщин, большинство ответивших респондентов делают все возможное (30,0% и 33,7% соответственно) или обращают внимание (36,4% и 33,5% соответственно). Серьезные инвестиции в свое здоровье отмечают чуть больше трети ответивших женщин и треть мужчин. При достаточно низком уровне инструментальных ценностей по отношению к физическому здоровью у мужчин и женщин (10,4% и 9,6%) процент активно и осознанно стремящихся к физическому здоровью невысок.

Независимо от возраста опрошенных, наиболее распространенным способом поддержания здоровья является спорт (43,6%). Однако, несмотря на это, в ответах респондентов здоровье прежде всего связывалось с отсутствием болезней и хорошим самочувствием, согласие с утверждением «в здоровом теле — здоровый дух» выразили 81,6% опрошенных.

В последнее время в условиях пандемии многие лишились возможности заниматься привычными видами спорта, что доставило существенные неудобства. Свои старания по сохранению и поддержанию здоровья молодые люди оценивают в целом положительно, но и считают, что могли бы сделать больше, а представители старших возрастных групп сожалеют, что не заботились о здоровье в более молодом возрасте.

В случае столкновения с трудностями, в том числе и связанными со здоровьем, респонденты склонны рассчитывать исключительно (44,9%) или частично (48,1%) на свои силы и не ждать помощи. В то же время абсолютное большинство опрошенных считают, что ответственность за сохранение и укрепление здоровья — это не только личное дело каждого, но и государство должно заботиться о гражданах и их благополучии (91,1%). Более двух третей (65,8%) уверены, что формирование отношения к здоровью является совместным делом людей и государства, а 27,2% — что это личный выбор каждого. Полностью снимали с себя ответственность за здоровьесбережение и возлагали его на государство всего 7% респондентов. Признание необходимости солидарного участия в формировании отношения к здоровью является значимым для регулирования сферы здоровьесбережения и должно учитываться при разработке мер социальной и демографической политики.

Проведенный анализ позволил выделить характерные черты отношения к здоровью в условиях неопределенности, примером которого является пандемия, охватившая все человечество: здоровье является наивысшим благом, для восстановления требуются значительные ресурсы (56%); мнение о том, что в случае заболевания необходимо обращаться в медицинские учреждения, не реализуется на практике — 53% консультируются у родственников, знакомых, а 34% посещают врача только в случае крайней необходимости; женщины чаще, чем мужчины, обращаются за медицинской помощью, состоящие в браке более внимательны к здоровью, чем холостые, 76% предпочитают скрывать информацию о своем здоровье от работодателя и коллег по причине того, что это может повредить их карьере.

Выводы. Отношение к здоровью обусловлено социокультурной саморегуляцией, проявляющейся в оптимальном наборе поведенческих практик, направленных на поддержание определенного, удовлетворяющего актуальные потребности индивида состояния здоровья.

Отношение к здоровью социально и индивидуально конструируемо под воздействием культурных норм и социальных условий.

Образ здоровья в представлениях людей достаточно противоречив и понимается, прежде всего, как инструментальная ценность, определяющая жизненные шансы, существующая в целостности с духовным и нравственным здоровьем.

Наиболее значимыми социокультурными регуляторами отношения к здоровью стали те, в которых выразились ценности продолжения себя в детях, любви, спокойной безбедной жизни и самореализации, т.е. базовые ценности современного российского общества.

Осмысление механизмов социокультурной саморегуляции отношения к здоровью представляется важным для целей социальной и демографической политики, будет способствовать совершенствованию технологий здоровьесбережения населения.

Литература

1. Батоцыренов В.Б. Понятие «Саморегуляция»: терминология и основные подходы [Электронный ресурс] // Вестник ЗабГУ. — 2011. — №6. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-samoregulyatsiya-terminologiya-i-osnovnye-podhody> (Дата обращения: 12.03.2021).
2. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Социальная регуляция в условиях неопределенности. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи. — М.: Academia, 2008. — 272 с.
3. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Молодежь в культурном пространстве: саморегуляция жизнедеятельности: монография / Ю.А. Зубок, В.И. Чупров. — М.: Норма, 2020. — 304 с.
4. Каменева Т.Н., Зотов В.В. Разработка проактивной фамилистической модели здоровья населения как условие реализации государственной семейной политики // Теории и проблемы политических исследований. — 2017. — Т. 6. — №6А. — С. 173–179.

5. Конопкин О. А. Структурно-функциональный и содержательно-психологический аспекты осознанной саморегуляции [Электронный ресурс] // Психология. Журнал ВШЭ. — 2005. — №1. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/strukturno-funktsionalnyy-i-soderzhatelno-psihologicheskij-aspekty-osoznannoy-samoregulyatsii> (Дата обращения: 12.03.2021).

6. Моросанова В. И. Осознанная саморегуляция произвольной активности человека как психологический ресурс достижения целей [Электронный ресурс] // Теоретическая и экспериментальная психология. — 2014. — №4. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osoznannaya-samoregulyatsiya-proizvolnoy-aktivnosti-cheloveka-kak-psihologicheskij-resurs-dostizheniya-tseley> (Дата обращения: 12.03.2021).

7. Прохоров А. О. Саморегуляция психических состояний в повседневной, обыденной жизнедеятельности человека [Электронный ресурс] // Психологические исследования. — 2017. — Т. 10. — №56. — Режим доступа: <http://psystudy.ru> (Дата обращения: 30.01.2021).

8. Устав Всемирной организации здравоохранения [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901977493>.

References

1. Batocyrenov V. B. Ponjatie «Samoreguljacija»: terminologija i osnovnye podhody [The concept of «Self-regulation»: terminology and basic approaches] [Elektronnyj resurs] // Vestnik ZabGU. — 2011. — №6. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-samoregulyatsiya-terminologiya-i-osnovnye-podhody> (Date accessed: 12.03.2021).

2. Zubok Ju. A., Chuprov V. I. Social'naja reguljacija v uslovijah neopredelennosti. Teoreticheskie i prikladnye problemy v issledovanii molodezhi [Social regulation in the conditions of uncertainty. Theoretical and applied problems in the study of youth]. — Moscow: Academia, 2008. — 272 p.

3. Zubok Ju. A., Chuprov V. I. Molodezh' v kul'turnom prostranstve: samoreguljacija zhiznedejatel'nosti: monografija [Youth in the cultural space: self-regulation of life activity: monograph] / Ju. A. Zubok, V. I. Chuprov. — Moscow: Norma, 2020. — 304 p.

4. Kameneva T. N., Zotov V. V. Razrabotka proaktivnoj familisticheskoy modeli zdorov'ja naselenija kak uslovie realizacii gosudarstvennoj semejnoy politiki [Development of a proactive familistic model of public health as a condition for the implementation of state family policy] // Teorii i problemy politicheskikh issledovanij [Theories and problems of political research]. — 2017. — Vol. 6. — №6A. — Pp. 173–179.

5. Konopkin O. A. Strukturno-funkcional'nyj i soderzhatel'no-psihologicheskij aspekty osoznannoj samoreguljatsii [Structural-functional and content-psychological aspects of conscious self-regulation] [Elektronnyj resurs] // Psihologija. Zhurnal VShJe. — 2005. — №1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strukturno-funktsionalnyy-i-soderzhatelno-psihologicheskij-aspekty-osoznannoy-samoregulyatsii> (Date accessed: 12.03.2021).

6. Morosanova V. I. Osoznannaja samoreguljacija proizvol'noj aktivnosti cheloveka kak psihologicheskij resurs dostizhenija celej [Conscious self-regulation of arbitrary human activity as a psychological resource for achieving goals] [Elektronnyj resurs] // Teoreticheskaja i jeksperimental'naja psihologija [Theoretical and experimental psychology]. — 2014. — №4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osoznannaya-samoregulyatsiya-proizvolnoy-aktivnosti-cheloveka-kak-psihologicheskij-resurs-dostizheniya-tseley> (Date accessed: 12.03.2021).

7. Prohorov A. O. Samoreguljacija psihicheskikh sostojanij v povsednevnoj, obydennoj zhiznedejatel'nosti cheloveka [Self-regulation of mental states in everyday, everyday human life] [Elektronnyj resurs] // Psihologicheskie issledovanija [Psychological research]. — 2017. — Vol. 10. — №56. — URL: <http://psystudy.ru> (Date accessed: 30.01.2021).

8. Ustav Vsemirnoj organizacii zdavoohranenija [Charter of the World Health Organization] [Elektronnyj resurs]. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/901977493>.

Каменева Татьяна Николаевна — доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой общественного здоровья и здравоохранения Курского государственного медицинского университета.

Kameneva Tatyana Nikolaevna — Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Public Health and Healthcare, Kursk State Medical University.

305000, г. Курск, ул. Карла Маркса, 3
3 Karl Marx st., 305000, Kursk, Russia
E-mail: Kalibri0304@yandex.ru

Чанкова Елена Вадимовна — доктор социологических наук, профессор, доцент кафедры рекламы, связей с общественностью и дизайна Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова.

Chankova Elena Vadimovna — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Associate Professor of the Department of Advertising, Public Relations and Design of the Plekhanov Russian University of Economics.

1140004, г. Люберцы, 1 Панковский пр., 1, корп. 4, кв. 177
1 1st Pankovsky av., bldg. 4, app. 177, 1140004, Lyubertsy, Russia
E-mail: chev3@yandex.ru

УДК 314.335.044; 316.346
10.17213/2075-2067-2021-2-92-103

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ МОЛОДЕЖЬ: ЦЕННОСТНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ РЕПРОДУКТИВНЫХ НАМЕРЕНИЙ

© 2021 г. О. В. Кучмаева^{*,**}, О. А. Золотарева^{*}, С. Б. Гуляев^{*}

^{}Институт демографических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
г. Москва, Россия*

*^{**}Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия*

Целью исследования является анализ репродуктивных ориентаций молодежи и их детерминации. Статья основана на данных Всероссийского исследования «Демографическое самочувствие населения регионов России», проведенного в конце 2019 — начале 2020 гг.

Методы исследования. Для решения поставленных задач использованы методы статистического анализа данных выборочных обследований, методы дескриптивной статистики и метод многомерной классификации качественных переменных — построение дерева целей (для выявления ценностных факторов, определяющих желаемое число детей для лиц в возрасте до 35 лет).

Результаты исследования показали, что репродуктивные намерения и оценка условий их реализации в значительной мере определяются ценностными ориентациями молодежи. Это важно учитывать при разработке демографической политики, результативность которой, вероятно, будет выше при реализации мер, направленных не только на улучшение условий жизнедеятельности молодежи, молодых семей, но и на их ценностные ориентации, систему потребностей.

Перспективы исследования видятся в уточнении репродуктивных намерений различных социально-демографических групп молодежи.

Ключевые слова: молодежь; репродуктивные намерения; репродуктивное поведение; рождаемость молодежи; факторы рождаемости; демографическая политика.

MODERN RUSSIAN YOUTH: REPRODUCTIVE INTENTIONS AND ASSESSMENT OF THE POSSIBILITIES OF THEIR IMPLEMENTATION

© 2021 O. V. Kuchmaeva^{*,**}, O. A. Zolotareva^{*}, S. B. Gulyaev^{*}

^{}Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

^{**}Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

The aim of the study is to analyze the reproductive orientations of young people and their determination. The article is based on the data of the study «Demographic well-being of the population of the regions of Russia», conducted in late 2019 — early 2020.

Research methods. To solve these problems, we used methods of statistical analysis of sample survey data, methods of descriptive statistics, and the use of the method of multidimensional

classification of qualitative variables — building a goal tree (to identify value factors that determine the desired number of children for people under the age of 35).

The results of the study showed that the reproductive intentions and the assessment of the conditions for their implementation are largely determined by the value orientations of young people. This is important to take into account when developing a demographic policy, the effectiveness of which is likely to be higher when implementing measures aimed not only at improving the living conditions of young people and young families, but also at their value orientations and the system of needs.

The prospects of the study are seen in clarifying the reproductive intentions of various socio-demographic groups of young people.

Key words: *youth; reproductive intentions; reproductive behavior; youth fertility; fertility factors; demographic policy.*

Введение. В условиях сложной демографической ситуации, во многом обусловленной снижением рождаемости, особую актуальность приобретает оценка уровня, перспектив и детерминант рождаемости молодых поколений. С середины 1990-х гг. в России наблюдается тенденция откладывания времени появления на свет первенца. Значительное распространение получила практика рождения ребенка вне официального брака в основных брачных возрастах [9]. Старение рождаемости, наблюдаемое в большинстве регионов России, выступает еще одним важным аспектом, обуславливающим актуальность предмета исследования.

В данной работе рассматриваются некоторые аспекты репродуктивного поведения российской молодежи в возрасте до 35 лет включительно на основе данных первой волны Всероссийского мониторинга «Демографическое самочувствие населения регионов России»¹, проведенной исследовательским коллективом под руководством доктора социологических наук Т.К. Ростовской в конце 2019 — начале 2020 гг.

Основными задачами работы выступает анализ репродуктивных намерений молодежи, оценка помех к их реализации, а также сравнительный анализ репродуктивных намерений различных поколений россиян.

Источники и методы. Предметом исследования выступает по сути перспективное репродуктивное поведение, на формирование характеристик которого в значительной степени оказывают влияние действующие в обществе социальные нормы. В соответствии с теорией демографического перехода воздействие экономических параметров на уровень рождаемости и реализацию репродуктивных намерений происходит не напрямую, а определяется иерархией системы ценностей [13]. Данный подход является основным в ходе проведенной работы.

В статье используются данные Всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие России», проведенного путем анкетного опроса в конце 2019 — начале 2020 гг. в десяти субъектах Российской Федерации: г. Москве, Республике Башкортостан, Республике Татарстан, Ставропольском крае, Вологодской, Волгоградской, Ивановской, Московской, Нижегородской и Свердловской областях. Общий объем выборочной совокупности составил 5616 человек, в состав выборочной совокупности вошли представители различных поколений в возрасте от 17 до 50 лет. Для решения задач данной работы была сформирована подвыборка — респонденты в возрасте от 17 до 35 лет, 3137 человек. Выделение данной группы определяется, с одной стороны, достаточно устоявшимися демографическими

¹ Всероссийское социологическое исследование «Демографическое самочувствие России», проведенное в конце 2019 — начале 2020 гг. в Центральном, Северо-Западном, Приволжском, Уральском, Северо-Кавказском, Южном федеральных округах. N = 5616 представителей различных поколений в возрасте от 17 до 50 лет. Рук. — д. соц. н., профессор Т.К. Ростовская.

и социально-политическими критериями (например, в сферу жилищной политики включены молодые семьи, где возраст супругов не превышает 35 лет). Кроме того, именно на эти возраста приходится наибольшая доля заключаемых браков и рождений. В этот жизненный период молодые люди, создав определенную социально-экономическую базу с учетом своего жизненного опыта, принимают решение о создании семьи либо делают выбор в сторону одиночества.

Результаты репрезентативны для России в целом и для включенных в выборочную совокупность регионов.

Для решения поставленных задач использованы методы статистического анализа данных выборочных обследований, методы дескриптивной статистики и использование метода многомерной классификации качественных переменных — построение дерева целей (для выявления факторов, определяющих желаемое число детей для лиц в возрасте до 35 лет).

В качестве основного индикатора репродуктивных намерений использован показатель ожидаемого числа детей.

Репродуктивные намерения молодежи как предмет научных исследований. Внимание исследователей разных стран привлекает проблема снижения рождаемости. Однако при этом рождаемость молодых поколений, реализация репродуктивных намерений и факторы, определяющие уровень рождаемости, не так часто выступают предметом анализа. Публикации, посвященные проблемам рождаемости молодежи, достаточно часто затрагивают такие проблемы, как распространенность чайлдфри, добровольной бездетности, а также вопросам рождаемости совсем молодых, несовершеннолетних, не состоящих в браке [14].

Современной российской молодежи присущи в целом довольно низкие репродуктивные установки на фоне показателей родительского поколения [2].

Исследования показывают, что формирование представлений о своей будущей семейной жизни и детях происходит в условиях возрастающей неопределенности [12].

Значительное место в исследовании факторов рождаемости, формирования и реали-

зации репродуктивных установок занимает анализ системы ценностей [1].

Среди молодого поколения присутствуют различные модели, характеризующие отношение к семье и родительству: наряду с сознательным отказом от роли отца или матери, мешающей реализации профессионального потенциала и карьерных устремлений, присутствует и традиционно-ценностный вариант, когда материнство и отцовство воспринимаются как священное призвание, а также компромиссные варианты [6].

Объектом исследования репродуктивных намерений молодежи в российских исследованиях довольно часто выступает студенческая молодежь [10, 11].

Выбор данного объекта, видимо, обусловлен, с одной стороны, величиной данной социально-демографической группы, модель поведения которой в значительной степени характерна для российской молодежи в целом. С другой — относительной простотой сбора информации. Следует согласиться с Т.К. Ростовской, которая в авторском исследовании эмпирически подтвердила, что «... студенческая молодежь является главным субъектом общественного воспроизводства, так как именно в данной возрастной группе, в основном, сконцентрирован репродуктивный потенциал социума» [8, с. 74].

Большинство студентов планируют иметь детей, и более половины из них — двоих детей. Студенты (юноши и девушки) высоко оценивают возможности мужчин выполнять отцовскую роль. Среди юношей даже чаще выражена установка на детоцентризм, нежели среди девушек [4].

Анализ репродуктивных намерений студенческой молодежи, проведенный в 2008 г. в г. Москве, выявил, что ориентации на желаемое количество детей у девушек ниже, чем у юношей. На формирование установки на детность влияет количество братьев и сестер в их семье. Анализ факторов, влияющих на формирование репродуктивных установок, показал, что значительное влияние на показатель ожидаемого числа детей оказывает оценка состояния здоровья [5]. Однако наиболее значимым фактором, который может положительно повлиять уже на реализацию репродуктивных потребностей молодых семей, является отвечающее

современным социальным эталонам качества жизни [7, 3].

Актуальной исследовательской задачей представляется исследование специфики репродуктивного поведения российской молодежи на основе представительного массива данных, репрезентирующих их различные социальные и территориальные группы. Это позволит получить сопоставимые оценки и применить методы многомерного анализа данных.

Ценностные факторы, определяющие группы молодежи по числу ожидаемых детей. С учетом различных представлений молодежи о семье и родительстве при анализе репродуктивных намерений молодежи значительный интерес представляет выделение групп респондентов с различными репродуктивными намерениями в зависимости от ценностных параметров, в частности, значимости тех или иных характеристик предпочтительной модели семьи. Решение данной задачи возможно с помощью построения классификационных деревьев.

При построении деревьев решений в качестве целевой использовалась переменная «Ожидаемое число детей». Классификация была проведена отдельно для совокупности

мужчин и женщин в возрасте до 35 лет. Отметим, что в целом по совокупности опрошенных показатель ожидаемого числа детей составил для женщин 1,978 ребенка, мужчин — 1,929 ребенка.

В качестве предикторов были отобраны переменные, ответы респондентов на вопрос: «Чтобы семья считалась счастливой, важны следующие условия...» (варианты ответов представлены в таблице 1). Переменные носят ранговый характер — изменяются от 1 до 5, в зависимости от степени значимости для респондента той или иной характеристики. Это позволит выявить роль системы ценностей, включающей семейные и внесемейные ценности, в реализации репродуктивных намерений молодежи.

После проведенного анализа были выбраны модели, полученные с помощью метода CHAID.

Рассмотрим полученные результаты.

Наилучшим предиктором для целевой переменной «Ожидаемое число детей» по ответам женщин были признаны такие переменные, как «Наличие детей», «Взаимопонимание между супругами, общие интересы», «Наличие главы семьи», «Совместное проживание со старшим поколением», «Материальный достаток».

Таблица 1

Предикторы, выбранные для создания классификационных деревьев

Переменная	Характеристика переменной
x_1	Наличие детей
x_2	Взаимопонимание между детьми и родителями
x_3	Доверие между супругами
x_4	Взаимопонимание между супругами, общие интересы
x_5	Материальный достаток
x_6	Наличие главы семьи, на которого все могут опереться, принимающего на себя всю ответственность за других
x_7	Отсутствие у мужа (жены) вредных привычек — злоупотребления алкоголем, наркотиками
x_8	Возможность для каждого члена семьи поступать так, как он хочет
x_9	Уважительное отношение, забота о старших членах семьи
x_{10}	Совместное проживание со старшим поколением
x_{11}	Раздельное проживание со старшим поколением
x_{12}	Хорошая сексуальная жизнь

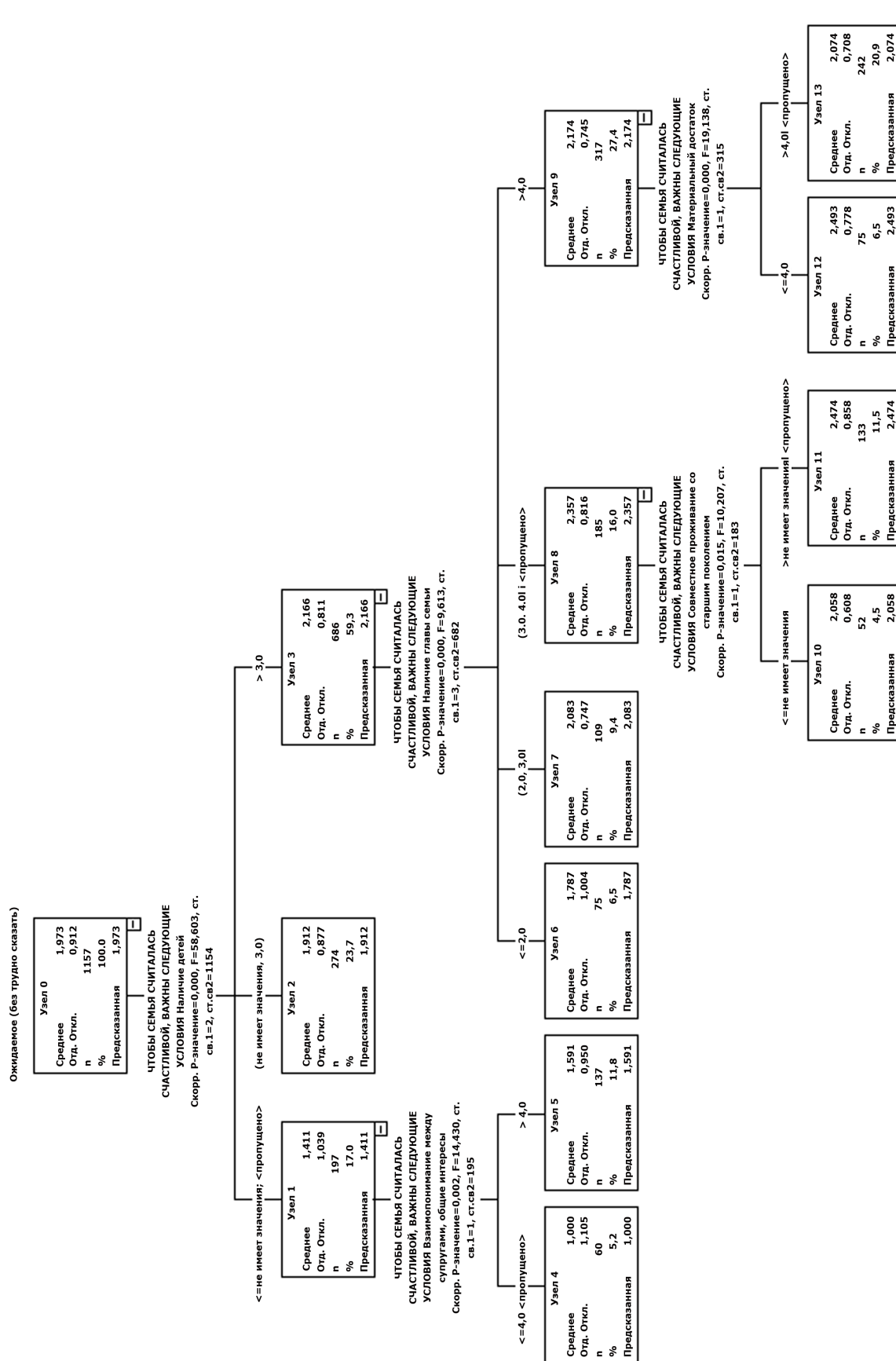

Рис. 1. Дерево классификации для выявления влияния представлений о счастливой семье на ожидаемое число детей (женщины)

На рис. 1 представлено первое из построенных деревьев, которое является наилучшим среди построенных моделей для ответов женщин.

Корневой узел включает 1157 наблюдений — число женщин, давших ответы на вопросы и об ожидаемом числе детей, и о характеристиках счастливой, по их мнению, семьи.

О приемлемом качестве модели свидетельствует достаточно высокий процент респондентов, классифицированных верно. Так, согласно построенной модели, 76,6% респондентов отнесены к одной из выделенных групп правильно.

В результате получено 9 терминальных узлов (групп респондентов). Различия в распределениях ответов респондентов значимы, проверка осуществлялась на основе критерия Хи-квадрат (значим на уровне не менее 0,015).

Основной фактор, влияющий на представление об ожидаемом числе детей для женщин, — значимость наличия детей в счастливой семье. В случае если молодые женщины согласны с этой точкой зрения и наличие детей для них весьма значимо (более 3 баллов по 5-балльной шкале), чтобы семью можно было назвать счастливой, показатель ожидаемого числа детей оставляет для них 2,166 и значительное влияние на величину ожидаемого числа детей оказывает также представление о необходимости главы в семье. Если значимость детей для счастья семьи низка, то показатель ожидаемого числа детей ниже (1,917), и никакие другие факторы не оказывают на его величину значимого влияния.

Ряд респонденток уклонились от ответов на вопросы о характеристиках счастливой семьи либо выбрали вариант «затрудняюсь ответить» (197 человек). Однако для них показатели ожидаемого числа детей наиболее низкие (1,411). Можно выделить и подгруппы в зависимости от значимости оценки взаимопонимания между супругами в браке. Представим краткое описание и наполненность полученных подгрупп.

1 группа — 274 женщины (23,7%). Среднее ожидаемое число детей — 1,912 ребенка. Оценка значимости детей для счастья семьи — ниже 3 баллов по 5-балльной шкале.

2 группа — 60 женщин (5,2%). Среднее ожидаемое число детей — 1,0 ребенка. Дети не имеют значения для счастья семьи, взаи-

мопонимание между супругами в семейной жизни оценивается ниже, чем на 4 балла.

3 группа — 137 женщин (11,8%). Среднее ожидаемое число детей — 1,591 ребенка. Дети не имеют значения для счастья семьи, однако взаимопонимание между супругами очень важно.

4 группа — 75 женщин (6,6%). Среднее ожидаемое число детей — 1,787 ребенка. Дети очень важны для счастья семьи, однако традиционное распределение ролей, выделение главы семьи — неважно (оценка ниже 2 баллов).

5 группа — 100 женщин (9,4%). Среднее ожидаемое число детей — 2,083 ребенка. Дети очень важны для счастья семьи, наличие главы в семье для семейного счастья оценивается не слишком высоко, на 2–3 балла.

В случае если женщина придерживается традиционных взглядов на распределение ролей в семье, для нее значимым условием семейного счастья выступает и совместное проживание со старшим поколением.

6 группа — 52 женщины (4,5%). Среднее ожидаемое число детей — 2,058 ребенка. Дети очень важны для счастья семьи, наличие главы в семье для семейного счастья важно и оценивается на 3–4 балла. Однако совместное проживание со старшим поколением нежелательно (не имеет значения для счастья семьи).

7 группа — 133 женщины (11,6%). Среднее ожидаемое число детей — 2,474 ребенка. Дети очень важны для счастья семьи, наличие главы в семье для семейного счастья важно и оценивается 3–4 балла. Совместное проживание со старшим поколением имеет определенное значение для счастья семьи, оценка выше 1 балла.

Те женщины, для которых очень важно наличие главы в семье, различаются по оценке значимости материального положения для счастья семьи.

8 группа — 75 женщин (6,5%). Среднее ожидаемое число детей — 2,493 ребенка (самый высокий показатель). Дети очень важны для счастья семьи, наличие главы в семье для семейного счастья очень важно (4 балла и выше). Материальный достаток оценивается на 4 балла и ниже.

9 группа — 242 женщин (20,9%). Среднее ожидаемое число детей — 2,074 ребен-

ка. Дети очень важны для счастья семьи, наличие главы в семье для семейного счастья очень важно (4 балла и выше). Материальный достаток оценивается более чем на 4 балла.

К сожалению, наиболее типичной для современных молодых женщин выступает позиция не слишком высокой значимости детей как условия семейного счастья. Максимальные показатели ожидаемого числа детей наблюдаются среди женщин, придерживающихся традиционных взглядов: для счастья семьи необходимы дети, глава семьи, желательно проживание со старшим поколением, материальное благополучие. При этом среди женщин с традиционными взглядами показатель ожидаемого числа детей значимо ниже для тех, кто в большей степени ценит материальный достаток. Вместе с тем необходимо отметить, что наряду со значимостью детей как ценности счастливой семьи и брака, ориентации на традиционное распределение ролей в семье, определенное значение в увеличении показателя ожидаемого числа детей играет и нацеленность на взаимопонимание между супругами.

Для молодых мужчин итоговое дерево решений содержало 7 терминальных узлов (подгрупп). Предикторами, определяющими распределение мужчин на подгруппы в зависимости от показателя ожидаемого числа детей, выступили переменные: «Наличие детей», «Материальный достаток», «Доверие между супругами», «Взаимопонимание между детьми и родителями». Отметим, что для мужчин, в отличие от женщин, в перечень детерминант не вошли такие характеристики традиционной модели семьи, как совместное проживание со старшим поколением и наличие главы семьи. Однако на формирование подгрупп оказывают влияние такие характеристики, как взаимопонимание между детьми и родителями и доверие между супругами.

Корневой узел включает 1185 наблюдений, оценка риска составляет 17,7% (82,3% респондентов отнесены к одной из выделенных групп правильно).

Для молодых мужчин также ведущим фактором, влияющим на представление об ожидаемом числе, выступает «наличие детей» (для счастливой семейной жизни).

В случае если для молодых мужчин важно наличие детей как условие счастливой семьи,

значимым фактором, определяющим различия в величине ожидаемого числа детей, выступает оценка материального достатка.

Каковы различия между типологическими группами мужчин?

1 группа — 233 мужчины (19,6%). Среднее ожидаемое число детей — 1,373 ребенка. Дети как условие счастливой семейной жизни не имеют значения.

2 группа — 490 мужчин (41,3%). Среднее ожидаемое число детей — 2,108 ребенка. Дети очень важны для счастья семьи (более 3 баллов), как и материальный достаток (более 3 баллов).

3 группа — 78 мужчин (6,6%). Среднее ожидаемое число детей — 2,615 ребенка. Дети очень важны для счастья семьи (более 3 баллов), однако материальный достаток играет незначительную роль (менее 3 баллов).

Для мужчин, которые оценивают значимость детей как условие счастья семьи на среднем уровне (1–3 балла), на показатель ожидаемого числа детей оказывают влияние такие факторы, как материальный достаток, доверие между супругами, взаимопонимание между детьми и родителями.

4 группа — 61 мужчина (5,1%). Среднее ожидаемое число детей — 2,344 ребенка. Дети важны для счастья семьи (1–3 балла), материальный достаток достаточно важен (менее 4 баллов), определенную роль играет доверие между супругами (менее 3 баллов).

5 группа — 170 мужчин (14,3%). Среднее ожидаемое число детей — 1,965 ребенка. Дети важны для счастья семьи (1–3 балла), материальный достаток достаточно важен (менее 4 баллов), доверие между супругами очень важно (более 3 баллов).

6 группа — 74 мужчины (6,2%). Среднее ожидаемое число детей — 1,365 ребенка. Дети важны для счастья семьи (1–3 балла), материальный достаток достаточно важен (менее 4 баллов), взаимопонимание между детьми и родителями играет определенную роль (менее 4 баллов).

7 группа — 80 мужчин (6,7%). Среднее ожидаемое число детей — 1,912 ребенка. Дети важны для счастья семьи (1–3 балла), материальный достаток достаточно важен (менее 4 баллов), взаимопонимание между детьми и родителями играет большую роль (более 4 баллов).

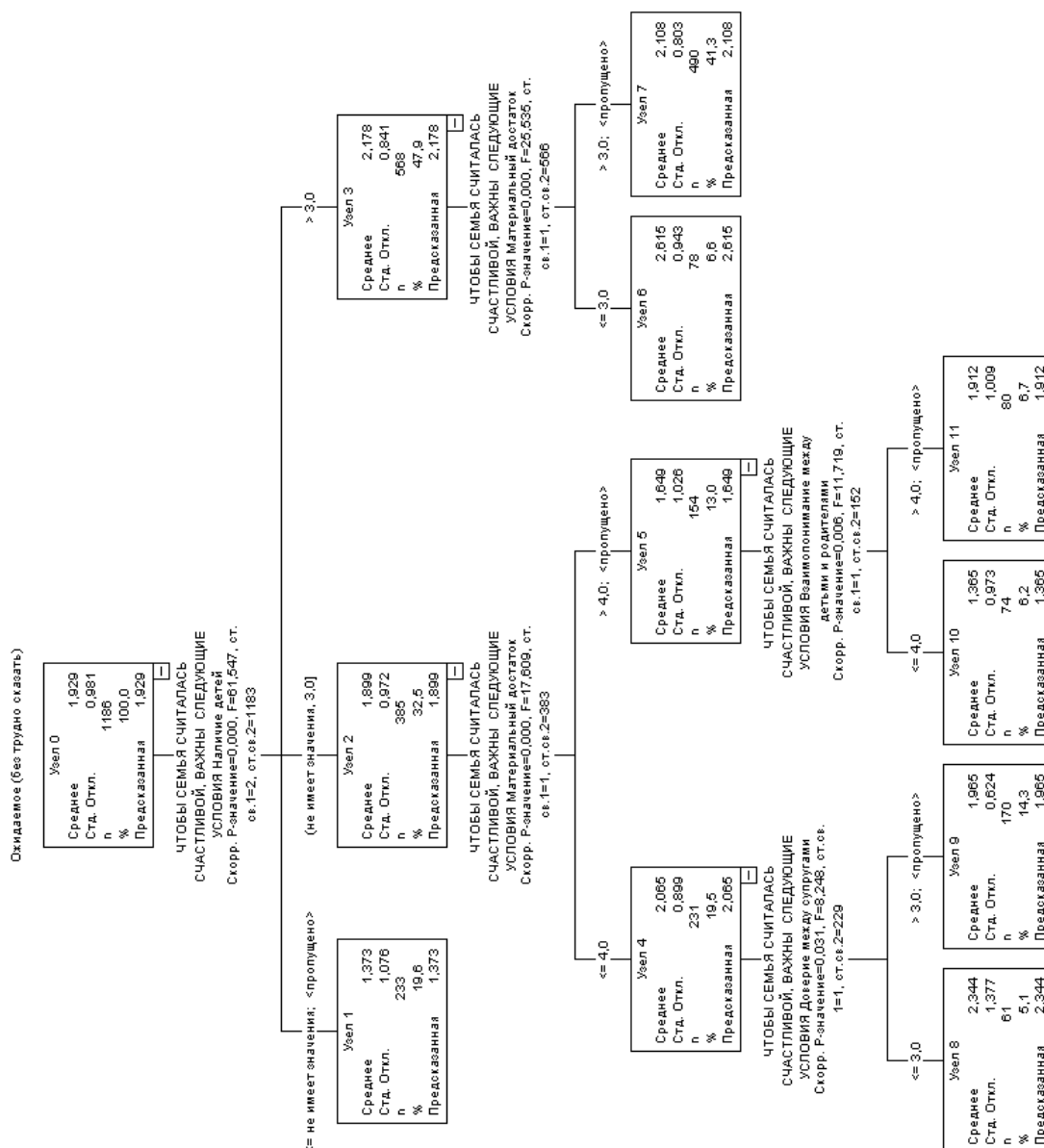

Рис. 2. Дерево классификации для выявления влияния представления о счастливой семье на ожидаемое число детей (мужчины)

Хотя мужчины выступают меньшими приверженцами традиционного подхода к семейной жизни, тем не менее, можно выделить ряд общих черт в оценке параметров счастливой семьи и их влияния на репродуктивные установки. Для мужчин, считающих наличие детей условием семейного счастья, характерна более значительная величина ожидаемого числа детей, особенно для тех, кто в меньшей степени ценит материальный достаток. Среди мужчин, имеющих относительно более низкие репродуктивные установки, значимость доверительных отношений между супругами, родителями и детьми оказывает повышающее влияние на величину ожидаемого числа детей.

Выводы. Представленные результаты свидетельствуют о том, что соотношение значимости ценностей, во многом определяемая ими система потребностей зачастую являются значимым фактором, влияющим на восприятие тех или иных жизненных обстоятельств как мешающих или не мешающих иметь желаемое число детей.

Это обстоятельство, вероятно, нужно иметь в виду при разработке мер демографической политики, направленных на создание для молодежи более благоприятных условий реализации репродуктивных намерений. С одной стороны, влияние ценностных ориентаций будет, видимо, накладывать существенные ограничения на возможную результативность этих мер. С другой стороны, можно обоснованно предположить достижение большей результативности мер при направленности стратегии демографической политики как на улучшение условий жизнедеятельности молодежи, молодых семей, так и на их ценностные ориентации, систему потребностей.

Среди молодых людей, мужчин и женщин, можно выделить подгруппы, различающиеся по показателям, характеризующим их репродуктивные намерения, в частности, по величине ожидаемого числа детей. Ведущую роль играет место, которое занимают дети в системе ценностей. Среди женщин, в отличие от мужчин, можно выделить группу, в значительной степени ориентирующихся на традиционные ценности при создании семьи. Они отличаются более высокими показателями в контексте ожидаемого числа де-

тей. Ценность материального достатка конкурирует с ценностью детей. Возможно, играет роль и тот факт, что в современной России понятие бедности в общественном сознании тесно увязано с бедностью семей с детьми.

Обращает на себя внимание тот факт, что в случае высокой значимости психологического комфорта в семье (для женщин — взаимопонимание между супругами, для мужчин — доверие между супругами и взаимопонимание между детьми и родителями) показатель ожидаемого числа увеличивается.

Демографическая политика, направленная на повышение рождаемости, должна быть многовекторной, способствовать реализации репродуктивных намерений не только молодежи, придерживающейся взглядов на традиционную организацию семейной жизни, но и тех, для кого значима психологическая составляющая семейного счастья.

Литература

1. Антонов А. И., Карпова В. М., Ляликова С. В., Новоселова Е. Н., Синельников А. Б. Ценности семейно-детного образа жизни (СЕДОЖ-2019). Аналитический отчет по результатам межрегионального социолого-демографического исследования / Под редакцией А. И. Антонова. — М.: Макс Пресс, 2020. — С. 486.
2. Архангельский В. Н., Елизаров В. В., Зверева Н. В., Иванова Л. Ю. Демографическое поведение и его детерминация. — М.: Теис, 2005. — 352 с.
3. Архангельский В. Н., Ростовская Т. К., Васильева Е. Н. Влияние уровня жизни на репродуктивное поведение россиян: гендерный аспект // Женщина в российском обществе. — 2021. — №5. — С. 3–24.
4. Гурко Т. А. Представления студентов в отношении родительства и социальных ролей мужчин и женщин // Социологическая наука и социальная практика. — 2019. — №2(26). — С. 65–80.
5. Доброхлеб В. Г., Белобрагина Н. В. Репродуктивные ориентации студенческой молодежи // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. — 2010. — №6 (49). — С. 15–22.
6. Лескин Д. Ю. Семья как базовая ценность традиционного общества // Миссия конфессий. — 2016. — №26. — С. 9–16.

7. *Леценко Я. А., Боева А. В.* Качество жизни и репродуктивные установки молодых семей в Иркутской области // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. — 2019. — №4 (27). — С. 429–433.

8. *Ростовская Т. К.* Создание студенческой семьи: мотивация и жизненные стратегии членов молодых студенческих семей (итоги всероссийского межвузовского исследования) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. — 2015. — №4 (40). — С. 73–81.

9. *Синявская О. В., Захаров С. В., Карцева М. А.* Поведение женщин на рынке труда и деторождение в современной России. Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / под научн. ред. Т. М. Малевой, О. В. Синявской. — М.: НИСП, 2007. — 456 с.

10. *Сурвилло Е. В.* Сравнительный анализ репродуктивных установок студенток высших учебных заведений // Вестник новых медицинских технологий. — 2016. — №2. — С. 152–155.

11. *Сучков А. Н.* Репродуктивные установки в студенческой среде (по материалам социологического исследования) // Высшее образование в России. — 2014. — №10. — С. 44–49.

12. *Blossfeld P., Hofmeister H.* Life courses in the globalization process. Final Report. Otto Friedrich University of Bamberg, 2005. [Electronic resource]. — URL: <https://www.fachportal-paedagogik.de/literatur/vollanzeige.html?FId=757216#vollanzeige> (Date accessed: 10.03.2021).

13. *Lesthaeghe R.* Second Demographic Transition, Basil Blackwell. [Electronic resource]. — URL: http://www.vub.ac.be/SOCO/ron/final_textSDTBasilBlackwellEncyclop.doc (Date accessed: 10.03.2021).

14. *Singh S., Darroch J. E.* Adolescent Pregnancy and Childbearing: Levels and Trends in Developed Countries // Journal of Adolescent Health. — 2015. — №56 (2). — Pp. 223–230.

References

1. *Antonov A. I., Karpova V. M., Ljalikova S. V., Novoselova E. N., Sinel'nikov A. B.* Cennosti semejno-detnogo obraza zhizni (SEDOZH-2019). Analiticheskij otchet po rezul'tatam mezhregional'nogo sociologo-demograficheskogo

go issledovaniya [The values of family and child lifestyle (SEDOZH-2019). Analytical report on the results of the interregional socio-demographic study] / In A. I. Antonov (eds.). — Moscow: Maks Press, 2020. — Pp. 486.

2. *Arhangel'skij V. N., Elizarov V. V., Zvereva N. V., Ivanova L. Ju.* Demograficheskoe povedenie i ego determinacija [Demographic behavior and its determination]. — Moscow: Teis, 2005. — 352 p.

3. *Arhangel'skij V. N., Rostovskaja T. K., Vasil'eva E. N.* Vlijanie urovnja zhizni na reproduktivnoe povedenie rossijan: gendernyj aspekt [Influence of the standard of living on the reproductive behavior of Russians: gender aspect] // Zhenshhina v rossijskom obshhestve [A woman in Russian society]. — 2021. — №S. — Pp. 3–24.

4. *Gurko T. A.* Predstavlenija studentov v otноshenii roditel'stva i social'nyh rolej muzhchin i zhenshhin [Students' views on parenthood and social roles of men and women] // Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika [Sociological science and social practice]. — 2019. — №2 (26). — Pp. 65–80.

5. *Dobrohleb V. G., Belobragina N. V.* Reproaktivnye orientacii studencheskoj molodezhi [Reproductive orientations of student youth] // Vestnik RGGU. Serija: Jekonomika. Upravlenie. Pravo [Series: Economics. Management. Law]. — 2010. — №6 (49). — Pp. 15–22.

6. *Leskin D. Ju.* Sem'ja kak bazovaja cennost' tradicionnogo obshhestva [Family as the basic value of traditional society] // Missija konfessij [The mission of the confessions]. — 2016. — №26. — Pp. 9–16.

7. *Leshhenko Ja. A., Boeva A. V.* Kachestvo zhizni i reproduktivnye ustanovki molodyh semej v Irkutskoj oblasti [Quality of life and reproductive attitudes of young families in the Irkutsk region] // Problemy social'noj gigieny, zdravоохранenija i istorii mediciny [Problems of social hygiene, health care and the history of medicine]. — 2019. — №4 (27). — Pp. 429–433.

8. *Rostovskaja T. K.* Sozdanie studencheskoj sem'i: motivacija i zhiznennye strategii chlenov molodyh studencheskich semej (itogi vserossijskogo mezhvuzovskogo issledovaniya) [Creating a student family: motivation and life strategies of members of young student families (results of the All-Russian interuniversity research)] // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im.

N.I. Lobachevskogo. Serija: Social'nye nauki [Vestnik Nizhegorodskogo universiteta named after N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences]. — 2015. — №4 (40). — Pp. 73–81.

9. *Sinjavskaja O. V., Zaharov S. V., Karceva M. A.* Povedenie zhenshhin na rynke truda i detorozhdenie v sovremennoj Rossii. Roditeli i deti, muzhchiny i zhenshhiny v sem'e i obshchestve [The behavior of women in the labor market and childbearing in modern Russia. Parents and children, men and women in the family and society] / in T. M. Maleva, O. V. Sinjavskaya (eds.). — Moscow: NISP, 2007. — 456 p.

10. *Survillo E. V.* Sravnitel'nyj analiz reproductivnyh ustanovok studentok vysshih uchebnyh zavedenij [Comparative analysis of reproductive attitudes of female students of higher educational institutions] // Vestnik novyh medicinskih tehnologij [Bulletin of new medical technologies]. — 2016. — №2. — Pp. 152–155.

11. *Suchkov A. N.* Reproductivnye ustanovki v studencheskoj srede (po materialam socio-

logicheskogo issledovanija) [Reproductive attitudes in the student environment (based on the materials of a sociological study)] // Vysshee obrazovanie v Rossii [Higher education in Russia]. — 2014. — №10. — Pp. 44–49.

12. *Blossfeld P., Hofmeister H.* Life courses in the globalization process. Final Report. Otto Friedrich University of Bamberg, 2005. [Electronic resource]. — URL: <https://www.fachportal-paedagogik.de/literatur/vollanzeige.html?FId=757216#vollanzeige> (Date accessed: 10.03.2021).

13. *Lesthaeghe R.* Second Demographic Transition, Basil Blackwell. [Electronic resource]. — URL: http://www.vub.ac.be/SOCO/ron/final_textSDTBasilBlackwellEncyclop.doc (Date accessed: 10.03.2021).

14. *Singh S., Darroch J. E.* Adolescent Pregnancy and Childbearing: Levels and Trends in Developed Countries // Journal of Adolescent Health. — 2015. — №56 (2). — Pp. 223–230.

Поступила в редакцию

27 февраля 2021 г.

Кучмаева Оксана Викторовна — доктор экономических наук, главный научный сотрудник отдела Семьи и семейно-демографической политики Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН; профессор кафедры народонаселения Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Kuchmaeva Oksana Viktorovna — Doctor of Economic Sciences, Chief Researcher of the Department of Family and Family-Demographic Policy of the Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences; Professor of the Department of Population of the Lomonosov Moscow State University.

121552, г. Москва, ул. Ярцевская, 33-1-37
33-1-37 Yartsevskaya st., 121552, Moscow, Russia
E-mail: kuchmaeva@yandex.ru

Золотарева Ольга Анатольевна — кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела Семьи и семейно-демографической политики Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.

Zolotareva Olga Anatolyevna — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Leading Researcher of the Department of Family and Family-Demographic Policy of the Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.

121471, г. Москва, Можайское шоссе, 15-7
15-7 Mozhaiskoe road, 121471, Moscow, Russia
E-mail: OAMahova@yandex.ru

Гуляев Святослав Борисович — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела Семьи и семейно-демографической политики Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.

Gulyaev Svyatoslav Borisovich — Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher of the Department of Family and Family-Demographic Policy of the Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.

19333, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, стр. 1
6 Fotievoj st., bld. 1, 119333, Moscow, Russia
E-mail: sviatoslav2004@mail.ru

УДК 314/316, 323.2

10.17213/2075-2067-2021-2-104-120

**ОБРАЗЫ БУДУЩЕГО В СОЗНАНИИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ:
ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ, ЦИФРОВЫЕ ИННОВАЦИИ
И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОЖИДАНИЯ¹**

© 2021 г. В. К. Левашов, О. В. Гребняк, О. П. Новоженина

*Институт социально-политических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
г. Москва, Россия*

Целью социологических исследований, результаты которых обобщаются в статье, являлось изучение представлений российской молодежи об основополагающих принципах и возможных путях развития российского общества и государства, ценностных ориентаций и социально-политических ожиданий.

Методология исследования. В основе анализа лежат социологические методы. Сбор первичной социологической информации осуществлялся в рамках всероссийского социологического исследования «Куда идешь, Россия?», проведенного с участием авторов в декабре 2020 года. Используются материалы социологического мониторинга российского общества «Как живешь, Россия?», который проводится с участием авторов на протяжении последних двадцати восьми лет, с отслеживанием динамики постоянно наблюдаемых показателей.

Результаты исследования. Образ будущего в массовом сознании граждан России и отдельных возрастных когорт измерялся с помощью оригинальных социологических индикаторов, позволяющих представить структуру фундаментальных убеждений и характер трансформаций суждений и мнений граждан об актуальных сторонах жизни российского общества и его вероятного будущего.

Ключевые слова: образ будущего; социальные ожидания; социально-политические ценности российской молодежи; социально-политические риски; устойчивое развитие; общественный консенсус.

**IMAGES OF THE FUTURE IN THE CONSCIOUSNESS OF RUSSIAN YOUTH:
VALUE ORIENTATIONS, DIGITAL INNOVATION
AND SOCIO-POLITICAL EXPECTATIONS**

© 2021 V. K. Levashov, O. V. Grebnyak, O. P. Novozhenina

*Institute of Socio-political Research of the Federal Research Sociological Center
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

The purpose of sociological research, the results of which are summarized in the article, was to study the ideas of Russian youth about the fundamental principles and possible ways of development of Russian society and the state, value orientations and socio-political expectations.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта №20-011-31185.

Research methodology. *The analysis is based on sociological methods. The collection of primary sociological information was carried out within the framework of the all-Russian sociological survey «Where are you going, Russia?», conducted with the participation of the authors in December 2020. The materials of the sociological monitoring of the Russian society «How are you, Russia?», which has been carried out with the participation of the authors over the past twenty-eight years, with tracking the dynamics of constantly observed indicators also were used.*

Results of the research. *The image of the future in the mass consciousness of Russian citizens and individual age cohorts was measured using original sociological indicators that allow us to represent the structure of fundamental beliefs and the nature of transformations of citizens' judgments and opinions about the current aspects of the life of Russian society and its probable future.*

Key words: *image of the future; social expectations; socio-political values of Russian youth; socio-political risks; sustainable development; public consensus.*

Введение. Проблемная ситуация. Образ будущего как одна из сторон общественного сознания отражает актуальные тенденции жизни общества и связанные с ними представления о социальных, экономических, духовных аспектах будущей жизни. Отношение граждан и в том числе молодежи к сформированному на такой основе образу будущего опирается на базовые социально-политические ценности, существующие в обществе.

Представление об образе будущего, о возможных формах развития общества не может быть ни единственным для общественного сознания в целом, ни неизменным на протяжении времени, как динамична и неоднородна и сама структура базовых социально-политических ценностей граждан, которые оно отражает. Изучение образов будущего отдельных социальных групп и слоев позволяет определить их отношение к актуальной социальной реальности, общественным идеалам и ценностям, к цели общественного развития [1].

Социально-демографическая структура российского общества претерпевает в последние годы значительные изменения. Научно-технический прогресс ведет к сокращению рабочих мест, а пенсионная реформа, начавшаяся в 2018 году, препятствует уходу с рынка труда граждан предпенсионного возраста. Сказываются и низкие темпы роста экономики, а в период коронавирусной пандемии — спад производства. В результате молодежь, выходящую сегодня на рынок труда, с высокой степенью вероятности ожидает ситуативная занятость, неквалифицированный труд, неопределенность и отсутствие пер-

спектив продвижения по социальной лестнице. Сложившаяся экономическая ситуация, безусловно, является фактором риска социально-политической устойчивости общества. Росту социальной напряженности способствуют старания несистемной оппозиции вовлечь начинающее трудовую и общественную жизнь поколение в переворот и революцию. В этой связи необходимо активное исследование ценностей и ожиданий, которые складываются у молодежи под влиянием перечисленных факторов, политических, экономических и информационных вызовов, рисков и противоречий, анализ существующих в молодежной среде образов будущего, а также в перспективе выработка конкретных рекомендаций по их формированию.

Настоящая статья подготовлена в процессе разработки основной задачи, стоящей перед исследовательским коллективом проекта «Устойчивость социально-политического развития российского общества и меняющийся образ будущего в массовом сознании граждан», грант РФФИ №20-011-31185. Одним из факторов усиления социально-политической устойчивости общества может стать формирование и поддержание в общественном сознании молодежи аутентичного их ожиданиям убедительного в своей научно-рациональной достоверной убедительности образа будущего России.

Актуальные социально-политические ценностные ориентации молодежи. Какие же социально-политические ценности являются сегодня базисными для молодежи

и как они соотносятся с структурой базисных ценностей других социальных групп и всего общества? Каковы ключевые ценностные ориентации, на которые опирается молодежь, конструируя свой образ будущего? В ходе исследования «Куда идешь, Россия?»² в декабре 2020 года респондентам был задан вопрос: «Какие из перечисленных ниже понятий должны лечь в основу политики развития, независимости и процветания России?». В течение нескольких этапов социологического мониторинга «Как живешь, Россия?»³ этот вопрос с таким же набором альтернатив использовался в инструментарии с формулировкой: «В конце XIX — начале XX века правительство России в своей политике опиралось на три понятия: самодержавие, пра-

вославие и народность. Какие, по вашему мнению, понятия могли бы лечь в основу политики возрождения России?». Определение композиции идей, которые можно было бы положить в основу массовой политической идеологии — политики возрождения России, показало, что предпочтения респондентов в этом вопросе остаются постоянными на протяжении многих лет. В зависимости от конкретной ситуации на период измерения меняется иерархия понятий, меняется число респондентов, выбравших то или иное понятие, но неизменными в их композиции остаются закон, порядок, справедливость, права человека (см. рис. 1).

Рассмотрим, что отличает структуру ценностных социально-политических

Рис. 1. Структура предпочтений респондентами основных понятий, которые могли бы лечь в основу политики возрождения России, 1995–2020 гг.⁴ (РФ, % от числа опрошенных)

Примечание: в инструментарии 1995 года позиция «Закон» отсутствовала.

² Исследование проведено в конце 2020 — начале 2021 гг. в рамках реализации научного проекта «Устойчивость социально-политического развития российского общества и меняющийся образ будущего в массовом сознании граждан». Исследовательский коллектив: д. социол. н. В.К. Левашов (руководитель), д. полит. н. Н.М. Великая, к. социол. н. И.С. Шушпанова, с.н.с. В.А. Афанасьев, м.н.с. О.В. Гребняк, с.н.с. О.П. Новоженина. Полевой этап проходил в ноябре-декабре 2020 г. в 14 регионах РФ. Объем выборочной совокупности составил 1563 респондентов.

³ Социологический мониторинг «Как живешь, Россия?» проводится Центром социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН с 1992 г. Научный руководитель мониторинга — д. социол. н. В.К. Левашов. В исследовании использована квотно-пропорциональная всероссийская выборка с взаимозависимыми характеристиками генеральной совокупности: пола, возраста, образования, местожительства. Объем выборочной совокупности составлял на различных этапах 1312–1866 респондентов. Эмпирическим объектом исследования выступает взрослое население России.

⁴ Источник: Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

ориентаций российской молодежи в конце 2020 — начале 2021 гг. от структуры базисных ценностных ориентаций более старших демографических когорт и всего российского общества (динамика ценностных ориентаций молодежи выходит за рамки данной статьи) (см. табл. 1).

Для проведения анализа в данной статье массив респондентов был сгруппирован по признаку возраста в три группы: молодежь (до 35 лет), средний возраст (36–50 лет) и старший возраст (51 год и более). Выделение в категорию «молодежь» респондентов от 18 до 35 лет обусловлено закреплением соответствующей возрастной группы в Федеральном законе от 30.12.2020 года №489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» [3].

В своем анализе мы ограничились рассмотрением тех ценностей, которые получили признание не менее 20% респондентов в группах либо по всему массиву. Структура и иерархия базовых социально-политических ценностей молодежи в основном сходна с теми, которые разделяет все российское гражданское общество. Однако есть и различия. Для молодежи гораздо большее значение, чем для более старших возрастных когорт, имеют ценности «мир» и «закон». Хотя они находятся на первых местах у всех граждан, только половина респондентов среди молодежи выбрала каждое из них в качестве коренной ценности, которая должна лежать в основе политики возрождения России. И если для респондентов более старших возрастов «закон» и «порядок» находятся на одном уровне значимости — на втором месте (38% для респондентов среднего возраста, 40% для старшего), то молодежь ставит «порядок» ниже — на 3-е место (31%). У молодежи на втором месте находятся «права человека» — 38%. Гораздо более значимыми, чем для старших когорт, у молодежи являются «свобода» (ее назвали четверть опрошенных в группе) и «демократия» (22%). Доля назвавших «демократию» среди молодежи вдвое превышает долю выбравших ее в более старших группах. Понятие же «державность», выбранное в качестве коренной ценности 20% и 24% респондентов старших когорт, имеет гораздо меньшую значимость для молодежи — 17%.

Из представленного в таблице 1 распределения можно заключить, что у граждан, представляющих более старшие и обладающие большим жизненным опытом возрастные группы, снижается представление том, что понятия «мир», «закон», «права человека», а также «свобода», «демократия» могли бы лечь в основу политики возрождения России. Мнение, что таким понятием должна стать «справедливость», сохраняется у трети граждан во всех возрастных группах. А значение категорий «порядок», «патриотизм», «державность» для образа будущего возрождения России у более старших когорт значительно выше.

Отношение граждан и молодежи к цифровым инновациям. Курс на внедрение современных цифровых технологий в различные сферы жизни и производства, заданный Президентом РФ в рамках Послания Федеральному Собранию в конце 2016 года, обусловлен как объективными законами мирового развития, так и назревшей потребностью модернизации российской экономики, необходимостью ухода от догоняющего развития. «Для выхода на новый уровень развития экономики, социальных отраслей нам нужны собственные передовые разработки и научные решения. Необходимо сосредоточиться на направлениях, где накапливается мощный технологический потенциал будущего, а это цифровые, другие, так называемые сквозные технологии, которые сегодня определяют облик всех сфер жизни, применяются во всех отраслях — это цифровые, квантовые, нейротехнологии, робототехника и так далее» [5]. Уровень развития и распространения «цифры» неуклонно растет, особенно после утверждения в конце 2018 года национального проекта «Цифровая экономика», отношение же граждан разных поколений к социальным последствиям внедрения цифровых технологий, как показывают результаты многочисленных исследований экономистов, политологов и социологов, в целом остается неоднозначным.

В ходе исследования «Куда идешь, Россия?» респондентам было предложено выбрать наиболее близкую им позицию по пяти парам высказываний, представляющих собой антонимические суждения о влиянии цифро-

Таблица 1

**Распределение мнений респондентов о понятиях,
которые могли бы лечь в основу политики возрождения России⁵
(РФ, декабрь 2020 г., % от числа опрошенных по массиву и в группах.
N = 1563. Ранжировано по группе «молодежь»)**

	Молодёжь	Средний возраст	Старший возраст	Массив
Мир	50	46	44	47
Закон	50	38	40	43
Права человека	38	29	30	32
Порядок	31	38	40	36
Справедливость	29	31	29	30
Свобода	26	20	18	22
Созидание	23	23	17	21
Демократия	22	13	10	15
Патриотизм	21	23	28	24
Державность	17	24	20	20
Государственность	15	12	18	15
Частная собственность	14	8	7	10
Культура	14	12	14	13
Российская империя	13	16	12	13
Равенство	11	12	9	11
Взаимопомощь	11	10	11	11
Конкуренция	10	8	3	7
Нравственность	9	14	13	12
Согласие	8	12	10	10
Духовность	7	13	20	15
Капитализм	7	7	3	6
Интернационализм	6	7	4	6
Нация	6	5	6	6
Народовластие	5	4	10	6
Социализм	3	8	14	8
Народность	3	2	2	2
Религиозность	2	4	4	4
СССР	2	3	5	4
Православие	2	5	5	4
Братство	2	3	1	2
Самодержавие	1	1	1	1

⁵ Источник: Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

вых технологий на качество жизни, уровень обеспечения прав и свобод граждан, на суверенитет страны, на различные сферы физического, морального и духовного развития россиян. Несмотря на принятие и начало реализации федеральных и региональных программ повышения цифровой грамотности для разных возрастных категорий, распределение мнений респондентов о последствиях внедрения цифровых технологий в повседневную жизнь остается традиционным. Молодежь с большей готовностью и оптимизмом воспринимает потенциальные последствия технических инноваций, в то время как у граждан старших возрастных групп преобладает критическое отношение (см. табл. 2, рис. 2).

Возрастная группа «до 35 лет» (молодежь), как видно из таблицы 2, наиболее активна в определении своей позиции, демонстрируя наименьший процент ответов «затрудняюсь ответить» по сравнению с остальными возрастными категориями. У молодежи по всем парам суждений отмечается наиболь-

шее число позитивных ожиданий от цифровых инноваций. В то же время наблюдается прямая зависимость между увеличением возраста и нарастанием критически-пессимистических настроений. Респонденты средней возрастной группы (36–50 лет) выражено отмечают позитивное влияние цифровых технологий по двум направлениям: качество жизни граждан (50% позитивных ответов против 21% негативных, 28% затруднились с ответом) и возможности культурно-ценностного развития (47% позитивных ответов против 33% негативных, 21% воздержавшихся). В отношении воздействия цифровых технологий на уровень гражданских свобод и политического участия респонденты среднего возраста разделились поровну (28% за рост участия в управлении, 27% — за снижение прав и свобод граждан). На суверенитет страны и распространенность здорового образа жизни среди населения «цифра», по мнению средней возрастной группы, влияет скорее негативно.

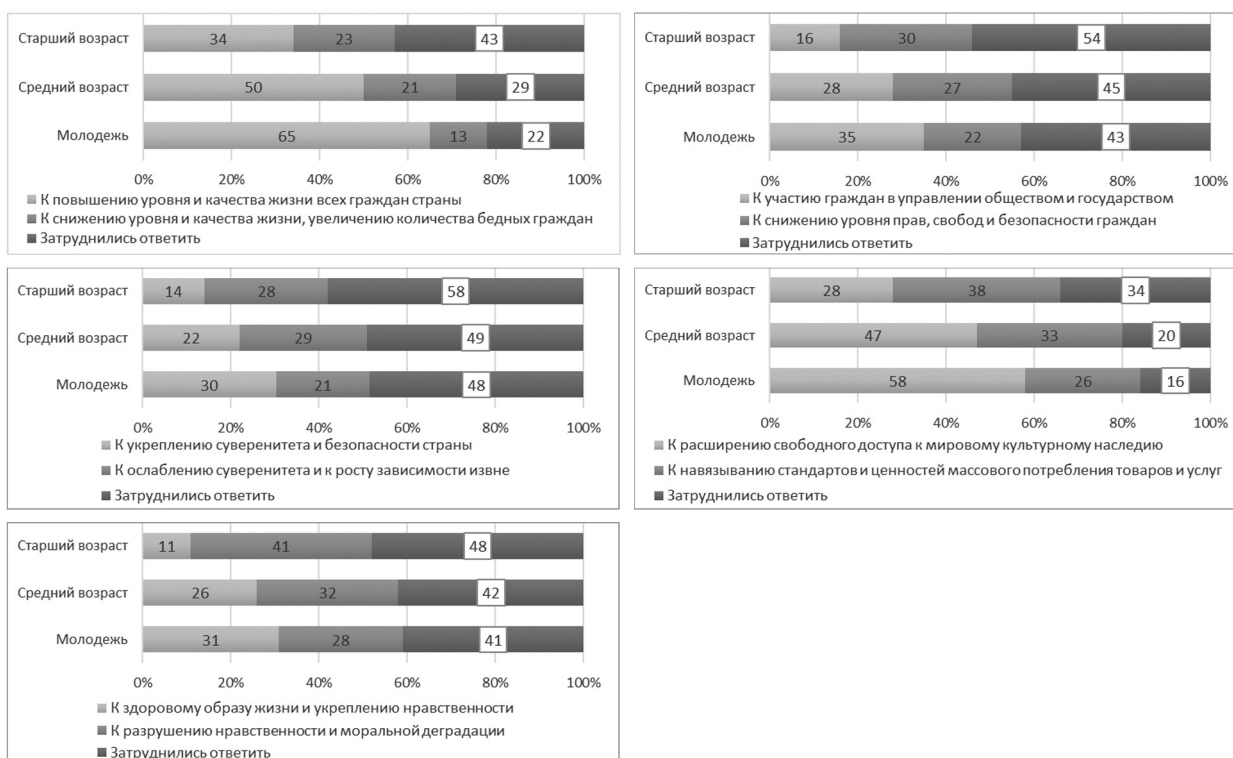

Рис. 2. Распределение мнений респондентов о том, к каким результатам приводит внедрение в нашу жизнь цифровых технологий⁶ (РФ, декабрь 2020 г., % от числа опрошенных в возрастных группах. N = 1563)

⁶ Источник: Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Таблица 2

**Распределение мнений респондентов о том,
к каким результатам приводит внедрение в нашу жизнь цифровых технологий⁷
(РФ, декабрь 2020 г., % от числа опрошенных в возрастных группах. N = 1563)**

Варианты ответов	Молодежь	Средний возраст	Старший возраст
к повышению уровня и качества жизни всех граждан страны	65	50	34
к снижению уровня и качества жизни, увеличению количества бедных граждан	13	21	23
затруднились ответить	22	29	43
Варианты ответов	Молодежь	Средний возраст	Старший возраст
к участию граждан в управлении обществом и государством	35	28	16
к снижению уровня прав, свобод и безопасности граждан	22	27	30
затруднились ответить	43	45	54
Варианты ответов	Молодежь	Средний возраст	Старший возраст
к укреплению суверенитета и безопасности страны	30	22	14
к ослаблению суверенитета и к росту зависимости извне	21	29	28
затруднились ответить	48	49	58
Варианты ответов	Молодежь	Средний возраст	Старший возраст
к расширению свободного доступа к мировому культурному наследию, научному знанию и сохранению природы	58	47	28
к навязыванию стандартов и ценностей массового потребления товаров и услуг, к деградации природы	26	33	38
затруднились ответить	16	20	34
Варианты ответов	Молодежь	Средний возраст	Старший возраст
к здоровому образу жизни и укреплению нравственности	31	26	11
к разрушению нравственности и моральной деградации	28	32	41
затруднились ответить	41	42	48

⁷ Источник: Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

У опрошенных старшего возраста (группа «51 год и старше») негативные ожидания от цифровых технологий существенно превышают оптимистичные по всем парам суждений, за исключением последствий для уровня и качества жизни. По данному вопросу 34% респондентов старше 51 года придерживаются позитивной точки зрения (ведут к повышению уровня и качества жизни граждан), в то время как 23% считают, что «цифра» приводит к снижению качества жизни и ведет к обеднению граждан. Затруднились ответить 43% опрошенных старшего возраста.

Таким образом, граждане старшего возраста склонны положительно оценивать цифровые технологии лишь как бытовой инструмент с обширными негативными «побочными эффектами». Респонденты до 35 лет образуют прослойку, склонную верить в положительные последствия цифровизации для страны. Молодежь видит в ней дополнительную возможность влиять на развитие государства и общества, на саморазвитие (расширение культурного и научного кругозора), а также на вопросы экологического характера, занимавшие в 2020 году лидирующие позиции в рейтингах наиболее тревожащих россиян проблем [2, 6]. Сегодня, как показывают результаты исследования, государство, развивая цифровые технологии, формирует у молодежи позитивные социально-политические ожидания и, как следствие — более оптимистичный, чем у старших поколений, образ будущего.

Что будет завтра, когда наряду с позитивными эффектами ИКТ станут все очевиднее проявляться другие? В научной и общественно-политической литературе они уже получили хлесткие выразительные метафоры «цифровое рабство», «цифровой апартеид», «цифровая тюрьма» и т.п. Молодежь в любые времена в силу своей святой наивности и отсутствия опыта разочарований и ошибок всегда романтизирует научно-технические инновации, не замечает их социально-экономических последствий, которые в современном российском обществе и вне его выражены простой житейской мудростью «богатые богатеют, а бедные беднеют».

СМИ и межличностное общение в формировании образа будущего: мнение респондентов. На фоне рассмотренного выше

отношения к цифровым технологиям важно проанализировать динамику картины будущего в зависимости от источника получаемой информации. Картина будущего в сознании граждан складывается из множества факторов внешнего и внутреннего мира личности: фактологического (новости, события), аналитического (наложение актуального и прошлого опыта, общественный дискурс), аксиологического (внутренние моральные и духовные ценностные ориентации и установки) характера. В современном цифровом обществе СМИ как источник массовой информации и межличностное общение в ближнем кругу играют первостепенную роль в формировании образа будущего граждан. На образ будущего в континууме оптимистических и пессимистических рациональных и эмоциональных суждений, оценок, установок граждан в существенной степени влияет общение как в интернете, так и за его пределами.

Традиционные аналоговые и печатные средства массовой информации (телевидение, радио, печатная пресса) продолжают медленно, но неизменно ежегодно терять аудиторию. К примеру, аудитория телевидения за последний год снизилась на 3 п.п., а уровень доверия к нему — на 5 п.п. [4]. В силу этого мы оставим влияние традиционных СМИ на образ будущего за пределами данной статьи, сконцентрировавшись на интернете, получающем все большее распространение в качестве источника информации.

Для изучения расставляемых интернетом акцентов при его воздействии на образ будущего в ходе исследования мы разделили Всемирную паутину на два сегмента. Первый — информационный сегмент (сайты сетевых СМИ, официальные сайты компаний и организаций и пр.), второй — общение в социальных сетях. Такое структурирование сети оправдало себя, так как тенденции по сегментам склонны к разнонаправленности, особенно в ответах молодежи (см. табл. 3).

Так общий информационный фон в интернете, по самооценке респондентов, склоняет к пессимистичному взгляду в будущее. Менее пятой части (18%) опрошенных моложе 35 лет оценивает образ будущего, построенный на информации из интернета, оптимистично. Условных пессимистов вдвое больше — 34%. Еще 48% респондентов затруднились с оцен-

кой. На фоне позитивных ожиданий от внедрения цифровых технологий, информация, получаемая из официальных источников в интернете, склоняет молодежь к пессимистичному взгляду в будущее. Сказываются, по всей видимости, наблюдаемые социально-экономические тренды и прогнозы аналитиков относительно сокращения вследствие цифровизации рынка труда, роста цифрового неравенства, угроз кибербезопасности.

Зато общение в социальных сетях дарит скорее оптимизм. У младшего поколения это выражено в большей степени (36% «оптимис-

тичного», 23% «пессимистичного» образа будущего по внутренней эмоциональной шкале после общения в соцсетях), у среднего и старшего — в меньшей. Респонденты старше 35 лет склонны, скорее, воздержаться от оценки общения в соцсетях (53% затруднившихся в средней возрастной категории и 72% — в старшей), однако среди сумевших определиться с ответом респондентов «оптимистичный» взгляд также превалирует, хоть и в минимальной степени.

Системообразующей для позитивного образа будущего в представлении респондентов является семья и близкие (см. табл. 4).

Таблица 3

Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Какой образ будущего, оптимистический или пессимистический, возникает у Вас
после знакомства с информацией в интернете и общения в социальных сетях⁸
(РФ, декабрь 2020 г., % от числа опрошенных в возрастных группах. N = 1563)

Образ будущего при знакомстве с информацией в интернете	Возраст		
	Молодежь	Средний возраст	Старший возраст
оптимистический	18	15	6
пессимистический	34	31	27
трудно сказать	48	54	67
Образ будущего после общения в социальных сетях	Возраст		
	Молодежь	Средний возраст	Старший возраст
оптимистический	36	25	15
пессимистический	23	22	13
трудно сказать	41	53	72

Таблица 4

Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Какой образ будущего, оптимистический или пессимистический,
возникает у Вас после общения с родственниками и друзьями⁹
(РФ, декабрь 2020 г., % от числа опрошенных в возрастных группах. N = 1563)

Образ будущего после общения с родственниками и друзьями	Возраст		
	Молодежь	Средний возраст	Старший возраст
оптимистический	64	60	47
пессимистический	17	19	22
трудно сказать	19	21	31

⁸ Источник: Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

⁹ Источник: Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН

Все возрастные группы демонстрируют единодушные в общем настрое и минимальное по ответам на данный блок вопросов число затруднившихся с ответом респондентов (среди молодежи затруднились с ответом лишь 19% опрошенных). По результатам общения с родственниками и друзьями, подавляющее большинство (64%) респондентов моложе 36 лет отмечают формирование оптимистического образа будущего в своем сознании. Пессимистические перспективы после общения с семьей отмечают лишь 17% молодых граждан.

Подводя итоги, следует отметить, что перспективы и возможности цифровизации при всей их неоднозначности дают молодежи надежду на появление возможности изменить свою жизнь к лучшему. Формированию оптимистической картины образа будущего в информационно-коммуникационной сфере в наибольшей мере способствует не столько получаемая из различных источников информация, сколько общение с родными и друзьями.

Социально-политические ожидания российской молодежи. «Социализм» и «капитализм», две базовые системы ценностей и ориентаций находятся в той или иной форме, в большей или меньшей степени в фундаменте всех современных идеологий, в большинстве политических течений. В своем развитии эти два понятия смешиваются и возникают в общественном сознании и в объективной реальности в новых превращенных формах. Они определяют мотивацию труда, политическую культуру, экономическую и финансовую сферы, духовную жизнь общества.

В ходе всероссийского исследования «Куда идешь, Россия?» (декабрь 2020 г.) респондентам был задан вопрос: «Существует два известных понятия: “социализм” и “капитализм”. Что каждое из них для Вас означает?». Для ответа был предложен набор альтернатив из понятий, наиболее часто встречающихся в средствах массовой информации и имеющих социально негативный или позитивный смысл. Измерение ответов респондентов различных возрастных когорт и в целом по массиву показало следующие результаты (см. табл. 5).

Анализ распределения ответов по понятию «социализм» показывает, что практиче-

ски все альтернативы, указанные представителями группы «молодежь» в первой десятке, являются **позитивными**: патриотизм — 43%, порядок — 40%, коллективизм — 38%, взаимопомощь — 26%, справедливость — 25%, нравственность — 22%, технический прогресс — 21%, духовность, права человека — по 19%. Лишь одна альтернатива из занявших первые десять позиций является **негативной** — это бедность (21%). Иерархия категорий, характеризующих понятие «социализм» в представлении молодежи, примерно соответствует структуре мнений, сформировавшихся в обществе. Однако, с точки зрения младшей возрастной группы, такие понятия, как патриотизм, порядок, справедливость, нравственность, технический прогресс в значительно меньшей степени отражают сущность социализма, чем по мнению представителей старших возрастов. Более существенным признаком социализма, в отличие от граждан старшего возраста, они считают бедность.

Картина представлений молодых респондентов о капитализме выдержана, скорее, в негативных тонах — из одиннадцати характеристик, занявших первые десять позиций, **восемь — социально негативного или нейтрального содержания**: частная собственность — 68%, конкуренция — 63%, власть узкой группы людей — 40%, коррупция — 33%, социальная незащищенность — 22%, подавление личности — 16%, бедность и преступность — по 12%, а **три — социально позитивных**: технический прогресс — 48%, высокий уровень жизни — 26%, свобода — 23%. Заметим, что позиции социально негативного содержания рассматриваются молодежью как в значительно меньшей степени присущие капитализму, чем в оценках более старших когорт. В противовес этому роль таких позитивных понятий, как технический прогресс, высокий уровень жизни, свобода с точки зрения молодежи гораздо лучше характеризуют капитализм, чем по мнению старших поколений.

Представления о социализме и капитализме формируются в процессе социальной практики, и факторы, которые на них влияют, вполне предсказуемы. Это в первую очередь активное продвижение ценностей капиталистического образа жизни в информационно-

Таблица 5

**Операциональные когнитивные представления респондентов
о понятиях «социализм» и «капитализм»¹⁰
(РФ, декабрь 2020 г., % от числа опрошенных в возрастных группах и по массиву.
N = 1563. Ранжировано по группе «молодежь»)**

Социализм — это:	Молодежь	Средний возраст	Старший возраст	Массив
Патриотизм	43	51	52	48
Порядок	40	46	46	44
Коллективизм	38	38	38	38
Взаимопомощь	26	22	33	27
Справедливость	25	28	32	29
Нравственность	22	27	26	25
Бедность	21	17	15	18
Технический прогресс	21	23	25	23
Духовность	19	13	22	18
Права человека	19	21	19	20
Народовластие	17	18	18	18
Гуманизм	17	17	21	18
Подавление личности	15	11	8	11
Власть узкой группы людей	14	10	8	11
Свобода	12	12	11	11
Высокий уровень жизни	10	13	16	13
Экономическая отсталость	8	7	7	7
Социальная незащищенность	8	6	5	6
Коррупция	2	2	1	2
Преступность	1	1	1	1
Частная собственность	1	1	1	1
Конкуренция	1	1		1
Капитализм — это:	Молодежь	Средний возраст	Старший возраст	Массив
Частная собственность	68	63	59	63
Конкуренция	63	58	50	57
Технический прогресс	48	43	31	41
Власть узкой группы людей	40	48	48	45
Коррупция	33	37	49	40
Высокий уровень жизни	26	21	10	19
Свобода	23	13	15	17
Социальная незащищенность	22	30	34	28
Подавление личности	16	20	24	20
Преступность	12	20	25	19

¹⁰ Источник: Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Окончание таблицы 5

Бедность	12	25	34	23
Права человека	11	7	6	8
Порядок	7	4	4	5
Экономическая отсталость	5	4	3	4
Коллективизм	3	2	2	2
Гуманизм	3	2	1	2
Патриотизм	3	1	1	1
Народовластие	2	2	1	2
Справедливость	2	2	2	2
Духовность	2	1		1
Нравственность	1	1		1
Взаимопомощь	1	0	2	1

коммуникационном пространстве, по всем каналам массовой информации и коммуникации, от детских мультфильмов до ток-шоу и развлекательных программ, в разнообразных формах, от тщательно дозированной правды до откровенных фейк-ньюс и рассчитанных на различные сегменты аудитории, причем в Конституции РФ декларировано отсутствие государственной идеологии. Кроме того, за прошедшие годы значительно меньше стало тех, кто может реально рассказать о различных сторонах жизни при социализме, не по газетным штампам и информационным вбросам, а из опыта собственной жизни. Свою роль сыграли, конечно, и почтение к экономически более сильным капиталистическим государствам, условиями комфортной жизни и возможностями ведения бизнеса, которые представляются молодежи, вполне

достижимыми. С другой стороны, за прошедшие годы либеральных реформ капитализм в нашей стране оборачивался далеко не лучшими своими сторонами к представителям всех возрастных когорт. Получив жизненный опыт, граждане сегодня обладают собственным, основанным на практике, уникальным взглядом на их практическое и смысловое содержание.

Образ будущего отражает представления людей о возможных формах развития общества, в котором они живут. В среде российской молодежи идут сложные процессы социополитической идентификации. В декабре 2020 года 17% от числа опрошенных респондентов в молодежной группе заявили, что они хотят жить в социалистическом обществе, 29% — в капиталистическом. Хотят жить в каком-то другом обществе 7% опро-

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос, в каком обществе хотели бы жить респонденты¹¹ (РФ, декабрь 2020 г., % от числа опрошенных в группах и по массиву. N = 1563)

	Молодежь	Средний возраст	Старший возраст	Массив
В социалистическом	17%	26%	35%	26%
В капиталистическом	29%	24%	11%	21%
В каком-то другом	7%	4%	2%	4%
Затруднились ответить	48%	47%	52%	49%

¹¹ Источник: Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

шенных, а почти половина (48 %) затруднились ответить на вопрос (см. табл. 6).

В первую очередь отметим высокую долю как среди молодежи, так и по всему массиву респондентов, затрудняющихся с выбором образа будущего социального устройства

России. Это свидетельствует о том, что российские граждане ищут обновленные социально-политические ориентиры, не видят свое будущее в узком смысловом континууме «капитализм — социализм». Очевидно, что такая ситуация создает угрозы проявления

Таблица 7

**Распределение ответов респондентов молодежной группы на вопрос:
«Как, по Вашему мнению, может измениться положение дел
в различных сферах жизни российского общества в ближайшие 5 лет?»
с дифференциацией по группам предпочтений¹²
(РФ, декабрь 2020 г., % от числа опрошенных в группах. N = 567)**

Сферы жизни общества		В социалистическом	В капиталистическом	Затруднились ответить
Экономическое положение страны	станет лучше	24	52	42
	не изменится	44	29	38
	станет хуже	32	20	20
Уровень жизни населения	станет лучше	14	38	36
	не изменится	54	37	41
	станет хуже	32	26	23
Ситуация в социальной сфере	станет лучше	24	51	49
	не изменится	48	31	39
	станет хуже	29	19	12
Духовно-нравс- твенное состоя- ние общества	станет лучше	14	35	27
	не изменится	58	52	56
	станет хуже	29	14	17
Ситуация в сфере культуры	станет лучше	14	39	27
	не изменится	69	50	66
	станет хуже	17	12	7
Межнацио- нальные отношения	станет лучше	42	31	25
	не изменится	35	54	58
	станет хуже	23	16	17
Международ- ное положение страны	станет лучше	35	36	36
	не изменится	41	42	42
	станет хуже	24	22	22
Развитие демократии	станет лучше	17	23	17
	не изменится	53	58	67
	станет хуже	29	19	16
Борьба с коррупцией	станет лучше	19	28	19
	не изменится	47	52	65
	станет хуже	35	21	16

¹² Источник: Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

фрустраций в различных сегментах общества и приводит к усилению рисков устойчивого развития государства и страны в целом.

Что касается предпочтительных форм социально-политического устройства, то они ожидаемо различны для разных возрастных когорт. Если среди молодежи, определившейся с выбором, исходя из своего видения социализма и капитализма, описанных ранее, наблюдается явное предпочтение капиталистического устройства, то для более старших возрастных групп столь же очевиден выбор в пользу социализма. При половине затруднившихся ответить в группах около трети молодежи желает жить при капитализме, а более трети старшей возрастной группы — при социализме.

Парадоксальной выглядит структура представлений определившихся сторонников социализма и капитализма в группе молодежи о том, как может измениться состояние дел в России в будущем (см. табл. 7).

Сторонники жизни при социализме гораздо более критичны в своих оценках возможных изменений в различных сферах жизни российского общества в ближайшие пять лет, чем их «идейные противники». Только в двух областях — «Межнациональные отношения» и «Международное положение страны» — доля их позитивных ожиданий (42% и 35% соответственно) преобладает над негативными (23% и 24%), в остальных картина обратная. Доля негативных ожиданий колеблется от 17% («Ситуация в сфере культуры») до 35% («Борьба с коррупцией»). В основном же ситуация, по мнению большинства в группе «молодых сторонников социализма», останется неизменной. Так считают от 35% респондентов («Межнациональные отношения») до 69% («Ситуация в сфере культуры»).

Сторонники жизни в капиталистическом обществе среди молодежи, наоборот, видят будущее развитие страны в оптимистических тонах. Половина респондентов этой группы считают, что ситуация изменится к лучшему через пять лет в сфере «Экономическое положение страны» и в «Социальной сфере». Среди тех, что предпочитает жизнь при социализме, такой точки зрения придерживаются не более четверти респондентов.

Структура образов будущего развития различных сфер жизни российского обще-

ства у той части молодежи, которая не определила свой выбор социально-политического пути, достаточно аморфна, но в ней все же значительно больше позитивных оценок, чем негативных, хотя преобладающей является позиция «ничего не изменится».

Заключение. Образ будущего и резервы консолидации. Консолидировать общество невозможно без наличия образа желаемого будущего. Формирование позитивного образа будущего создает фундамент общественного консенсуса, духовную основу для постановки совместных целей устойчивого развития общества. Социальные ожидания индуцируют и моделируют поведение социальных групп. В обществе образовался явный дефицит политики, основанной на законе, порядке, справедливости, правах человека, мире. По своей общей направленности и содержанию выявленная композиция идей возрождения России хорошо коррелирует с приоритетами ценностей социализма, сложившимися в массовом сознании.

Стремление к закону (правовому государству), справедливости, порядку, правам человека — это те тревожные центры массового сознания, которые сегодня и в будущем будут в значительной степени определять общественную ситуацию в стране, влиять на политический выбор общества и его наиболее чувствительной к переменам и новым веяниям части — молодежи. Сложившаяся матрица понятий имеет достаточно ясный для гражданского сознания аксиологический смысл. Проблемная социально-политическая ситуация требует стимулирования и ускорения процессов социализации молодежи и повышения ее гражданского самосознания. В этой связи целесообразно учитывать проявившиеся особенности и позиционировать смыслы образа будущего в современном гражданском обществе вокруг устойчивого ядра фундаментальных ценностей современного российского общества.

Сложившаяся матрица ценностей имеет достаточно ясный для гражданского сознания аксиологический смысл. Сегодня актуально сложившаяся социально-политическая ситуация требует стимулирования и ускорения процессов социализации молодежи и повышения ее гражданского самосознания.

В этой связи целесообразно учитывать проявившиеся особенности и позиционировать смыслы образа будущего в современном гражданском обществе вокруг устойчивого ядра фундаментальных ценностей российского общества.

Литература

1. Желтикова И. В. Исследования будущего и место в них концепта «образ будущего» // *Философская мысль*. — 2020. — №2. — С. 15–32. — DOI: 10.25136/2409-8728.2020.2.32302.

2. Куда идешь, Россия? Экспресс-информация [Электронный ресурс] / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова и др.; отв. ред. В. К. Левашов; ФНИСЦ РАН. — М.: ФНИСЦ РАН, 2021. — 47 с. — DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-344-7.2021. — Режим доступа: <http://испи.рф/wp-content/uploads/2021/02/куда-идешь-россия-экспресс.pdf>.

3. О молодежной политике в Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2020 №489-ФЗ [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. — Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012300003> (Дата обращения: 10.01.2021).

4. Отчет Deloitte «Медиапотребление в России — 2020», Москва, октябрь 2020 [Электронный ресурс] // Deloitte. — Режим доступа: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/technology-media-telecommunications/russian/media-consumption-russia-2020.pdf> (Дата обращения: 11.12.2020).

5. Послание Президента Российской Федерации от 01.12.2016 г. (О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства) [Электронный ресурс] // Сайт Президента РФ. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41550> (Дата обращения: 10.01.2021).

6. Экспресс-информация. Как живешь, Россия? 50 этап социологического мониторинга, август-сентябрь 2020 года: (монография) [Электронный ресурс] / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова и др.; отв. ред. В. К. Левашов. ФНИСЦ РАН. — М.: Перспектива, 2020. — 64 с. — DOI: 10.19181/mono

gr.978-5-88045-463-1.2020. — Режим доступа: <http://испи.рф/wp-content/uploads/2020/12/экспресс-информация-как-живешь-россия.pdf>.

References

1. Zheltikova I. V. Issledovaniya budushhego i mesto v nih koncepta «obraz budushhego» [Studies of the future and the place of the concept «image of the future» in them] // *Filosofskaya mysl'*. — 2020. — №2. — Pp. 15–32. — DOI: 10.25136/2409-8728.2020.2.32302.

2. Kuda idesh', Rossiya? Jekspress-informaciya [Where are you going, Russia? Express-information] [Elektronnyj resurs] / V. K. Levashov, N. M. Velikaja, I. S. Shushpanova et al.; in V. K. Levashov (eds.); FNISC RAN. — Moscow: FNISC RAN, 2021. — 47 p. — DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-344-7.2021. — URL: <http://ispi.rf/wp-content/uploads/2021/02/kuda-idesh'-rossija-jekspress.pdf>.

3. O molodezhnoj politike v Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 30.12.2020 №489-FZ [On Youth Policy in the Russian Federation: Federal Law №489-FZ of 30.12.2020] [Elektronnyj resurs] // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii [Official Internet portal of legal information]. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012300003> (Date accessed: 10.01.2021).

4. Otchet Deloitte «Mediapotreblenie v Rossii — 2020», Moskva, oktjabr' 2020 [Deloitte report «Media Consumption in Russia — 2020», Moscow, October 2020] [Elektronnyj resurs] // Deloitte. — URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/technology-media-telecommunications/russian/media-consumption-russia-2020.pdf> (Date accessed: 11.12.2020).

5. Poslanie Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 01.12.2016 g. (O polozhenii v strane i osnovnyh napravlenijah vnutrennej i vneshnej politiki gosudarstva) [The message of the President of the Russian Federation of 01.12.2016 (On the situation in the country and the main directions of domestic and foreign policy of the state)] [Elektronnyj resurs] // Sajt Prezidenta RF [Website of the President of the Russian Federation]. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41550> (Date accessed: 10.01.2021).

6. Jekspress-informaciya. Kak zhivesh', Rossiya? 50 jetap sociologicheskogo monitor-

inga, avgust-sentjabr' 2020 goda: (monografija) [Express information. How do you live, Russia? 50 stage of sociological monitoring, August-September 2020: (monograph)] [Jelektronnyj resurs] / V.K. Levashov, N.M. Velikaja, I.S. Shushpanova et al.; In V.K. Levashov

(eds.). FNISC RAN. — Moscow: Perspektiva, 2020. — 64 p. — DOI: 10.19181/monogr.978-5-88045-463-1.2020. — URL: <http://ispi.rf/wp-content/uploads/2020/12/jekspress-informacija-kak-zhivesh'-rossija.pdf>.

Поступила в редакцию

16 февраля 2021 г.

Левашов Виктор Константинович — доктор социологических наук, руководитель Центра социальных и социально-политических исследований, директор обособленного подразделения, Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (ИСПИ ФНИСЦ РАН).

Levashov Viktor Konstantinovich — Doctor of Sociological Sciences, Head of the Center of Social and Socio-Political Research, Director of the branch, Institute of Socio-Political Research of the Federal Center of Theoretical & Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (ISPR FCTAS RAS).

19333, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, стр. 1
6 Fotievoj st., bld. 1, 119333, Moscow, Russia
E-mail: levachov@mail.ru

Гребняк Оксана Валерьевна — младший научный сотрудник Центра социальных и социально-политических исследований Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (ИСПИ ФНИСЦ РАН).

Grebnyak Oksana Valer'evna — Junior Researcher, Center of Social and Socio-Political Research, Institute of Socio-Political Research (ISPR FCTAS RAS).

19333, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, стр. 1
6 Fotievoj st., bld. 1, 119333, Moscow, Russia
E-mail: oksananov@yandex.ru

Новоженина Ольга Петровна — старший научный сотрудник Центра социальных и социально-политических исследований Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (ИСПИ ФНИСЦ РАН).

Novozhenina Olga Petrovna — Senior Researcher, Center of Social and Socio-Political Research, Institute of Socio-Political Research (ISPR FCTAS RAS).

19333, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, стр. 1
6 Fotievoj st., bld. 1, 119333, Moscow, Russia
E-mail: olganov@yandex.ru

УДК 316.344.6

10.17213/2075-2067-2021-2-121-129

**РЕПРОДУКТИВНЫЕ УСТАНОВКИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ:
ПО ДАННЫМ ВСЕРОССИЙСКОГО
СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ¹**

© 2021 г. Т. К. Ростовская, Е. А. Князькова

*Институт демографических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
г. Москва, Россия*

Цель исследования: изучение репродуктивных установок в различных социо-демографических группах с выделением молодежи как особого субъекта демографической политики.

Методологическую основу исследования составили концептуальные подходы социологии семьи в области формирования демографического развития, брачно-семейных, репродуктивных установок в различных социо-демографических группах.

Результаты исследования. В статье представлены результаты Всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие России», позволившие охарактеризовать репродуктивное поведение россиян. Приведена детальная оценка репродуктивных установок по предпочитаемым числам детей и охарактеризованы препятствия к рождению желаемого числа детей. Предложены меры, способствующие росту деторождений.

Ключевые слова: репродуктивные установки; репродуктивное поведение; детность; демографическая политика.

**REPRODUCTIVE ATTITUDES IN RUSSIAN SOCIETY:
ACCORDING TO THE ALL-RUSSIAN SOCIOLOGICAL RESEARCH**

© 2021 Т. К. Rostovskaya, E. A. Knyazkova

*Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

The purpose of the study: the study of reproductive attitudes in various socio-demographic groups, with the identification of young people as a special subject of demographic policy.

The methodological basis of the research is based on the conceptual approaches of family sociology in the field of demographic development, marital and family, and reproductive attitudes in various socio-demographic groups.

The results of the study. The article presents the results of the All-Russian sociological study «Demographic well-being of Russia», which allowed us to characterize the reproductive behavior of Russians. A detailed assessment of reproductive attitudes based on the preferred number of

¹ Исследование выполнено за счет проекта Российского научного фонда №20-18-00256 «Демографическое поведение населения в контексте национальной безопасности России».

children is given and the obstacles to the birth of the desired number of children are characterized. Measures that promote the growth of childbearing are proposed.

Key words: *reproductive attitudes; reproductive behavior; childbirth; demographic policy.*

Введение. Значимость вопросов грамотного управления демографическим развитием не теряет своей актуальности. Вторая волна депопуляции, начавшаяся в 2016 г. на фоне вступления в активный репродуктивный возраст относительно малочисленных поколений 1990-х гг. рождения и исчерпания ресурса рождаемости более старших поколений, реализовавших свои репродуктивные намерения при поддержке новых мер демографической политики, ставит задачу понимания возможностей демографического развития, в первую очередь, повышения рождаемости. Очевидно, в сложившихся условиях ключевой условно управляемой детерминантой рождаемости населения в России является репродуктивное поведение, которое тесно связано с брачным.

Для современной России характерна трансформация моделей демографического, в том числе репродуктивного поведения. Эта трансформация затрагивает и распределение ролей в семье. Предложенная в настоящее время концепция «гендерного перехода» — теоретическая концепция, описывающая качественные изменения в демографическом развитии под влиянием фактора гендерного равенства — определяет на своем завершающем этапе достижение реального гендерного равенства (а не формального) во всех сферах общественной жизни, прежде всего при создании гендерно равных возможностей в трудовой сфере (чему, необходимо отметить, существенно способствует дистанционная занятость) и устранении дифференциации в заработной плате между мужчинами и женщинами.

В контексте изучения теоретико-методологической базы авторы проанализировали исследования ведущих ученых в области формирования демографического развития, брачно-семейных, репродуктивных устано-

вок А.И. Антонова [1], В.А. Борисова [2], В.Н. Архангельского [3], Т.А. Гурко [4], Л.Л. Рыбаковского [6], С.В. Рязанцева [7], С.С. Сулакшина [8] и др.

Регулирование репродуктивного поведения молодежи будет эффективным при условии учета выявленных проблем демографической политики. Российские ученые обращают внимание на то, что государство может оказывать влияние на рождаемость населения посредством создания условий, способствующих реализации рождений [6].

Социо-демографический мониторинг «Демографическое самочувствие населения регионов России», проведенный авторами в 2019–2020 году, позволил получить данные о репродуктивных установках российской молодежи.

Материалы и методы. Статья подготовлена на данных Всероссийского исследования «Демографическое самочувствие России», проведенного путем анкетного опроса в конце 2019 — начале 2020 гг. исследовательским коллективом под руководством доктора социологических наук, профессора Т.К. Ростовской².

Методологической основой исследования является теория репродуктивного поведения (А.И. Антонов, В.А. Борисов), рассматривающая его как систему действий и отношений, опосредующих рождение или отказ от рождения ребенка в браке или вне брака [1, 2]. Ключевым звеном в структуре репродуктивного поведения является потребность в детях. А.И. Антонов определяет ее как «социально-психологическое свойство социализированного индивида, проявляющееся в том, что без наличия детей и подобающего их числа индивид испытывает затруднения как личность» [1, с. 110]. Т.К. Ростовская

² Всероссийское социологическое исследование «Демографическое самочувствие России», проведенное в конце 2019 — начале 2020 гг. в десяти субъектах России: г. Москва, Республике Башкортостан, Республике Татарстан, Ставропольском крае, Вологодской, Волгоградской, Ивановской, Московской, Нижегородской и Свердловской областях. N = 5616 представителей различных поколений в возрасте от 18 до 50 лет. Рук. — д. соц. н., профессор Т.К. Ростовская.

выделяет детность как основной критерий оценки благополучия молодой семьи [5]. В соответствии с утвержденной в 2007 году Концепцией государственной политики в отношении молодой семьи под благополучной молодой семьей понимается «семья, которая осуществляет свою жизнедеятельность в зарегистрированном браке, ориентирована на детей, имеет их, занимается их воспитанием и развитием на основе взаимодействия пространств семейного, общественного и государственного образования» [9].

Потребность в детях детерминируется социальными нормами детности и ценностными ориентациями, которые неразрывно связаны между собой и формируют систему потребностей.

Репродуктивное поведение. Репродуктивное поведение во многом зависит от представлений людей, о том, сколько, какого пола, когда и при каких условиях желательно рожать детей. Репродуктивные установки или ориентации в первую очередь выявляют по предпочитаемым числам детей.

Как и в ряде других исследований, была выявлена ориентация на двух-трехдетную

семью при наличии всех необходимых условий: 41% хотели бы двоих детей, 26% — троих (троих и более детей — 33%, табл. 1). Среднее желаемое число детей составило 2,3. В Московской и Свердловской областях оно максимально — 2,5, выше среднего (2,4) — в Республике Башкортостан.

Больше всего ориентированных на малодетность среди жителей Москвы (13% хотели бы 1 ребенка даже при благоприятных условиях), Волгоградской области (13%), Нижегородской области (10%).

В гендерном разрезе некоторые различия в желаемом числе детей наблюдаются при ориентации на многодетность — среди мужчин доля хотевших бы троих и более детей выше, чем среди женщин (таблица 2). Молодежь до 30 лет ориентирована на малодетность заметно четче, чем население 30+.

Расчет среднего желаемого числа детей по половозрастным группам подтверждает выявленные тенденции: мужчины старшей группы хотели бы в среднем больше детей, чем молодые и женщины-сверстницы; молодые, как женщины, так и мужчины, хотят детей меньше, чем в респонденты более старших возрастов. Как женщины, так и мужчи-

Таблица 1

Желаемое число детей

Формулировка вопроса: Сколько детей (включая имеющихся) Вы хотели бы иметь, если бы у Вас были все необходимые условия?											
Вариант ответа	Ивановская обл.	Московская обл.	г. Москва	Вологодская обл.	Волгоградская обл.	Ставропольский кр.	Республика Башкортостан	Республика Татарстан	Нижегородская обл.	Свердловская обл.	Среднее по опросу
0	0	2,1	5,5	3,6	5	2,9	7,7	3	5,9	3,4	4,1
1	6,5	9,2	13,1	10	12,6	9,4	7,8	7,5	10,2	6,1	9,4
2	48,7	41	39,5	44,7	39,7	45,9	30,4	37,2	49,2	41,4	41,3
3	28,6	26,4	23,5	22,8	23,8	23,8	25,4	34,6	20,3	30,4	25,8
4	0,6	2,6	2,9	3	3	3,1	3,1	4,7	2,5	3	2,9
5 и более	0	7,5	4,6	1,8	1,5	2,9	6,1	3,4	1,7	5,9	3,8
Трудно сказать	15,6	11,1	10,9	14,2	14,5	12	19,5	9,7	10,2	9,9	12,7
Среднее желаемое число детей	2,3	2,5	2,2	2,2	2,1	2,3	2,4	2,5	2,1	2,5	2,3

ны всех возрастных категорий в большей степени ориентированы на рождение двоих детей даже при наличии необходимых условий (рис. 1).

С учетом имеющихся условий и оценки ситуации в целом в реальной жизни ориентируются на малодетность еще большее число россиян: планируют иметь двоих детей также около 40%, а вот на многодетность ориентированы уже только 17% (табл. 3). Среднее ожидаемое число детей составляет 1,9. Выше среднего его значение в Московской области и Республиках Башкортостан и Татарстан — 2,1.

По ожидаемому числу детей мужчины и женщины в целом единодушны. Различия

просматриваются при анализе половозрастных групп (рис. 2). Сравнительно больше ориентированных на бездетность и однодетность среди молодежи, но среди них же и выше доля планирующих троих детей.

В целом структура населения по детности и репродуктивные ориентации свидетельствуют о закреплении малодетного типа репродуктивного поведения с ориентацией на 1–2 детей в семье. Хотели бы троих и более детей 33%, тогда как реально планируют только 17% россиян.

Причины «недореализации» желаемых рождений, по мнению опрошенных россиян, кроются в материальных трудностях, неуверенности в будущем, жилищных проблемах.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Сколько всего детей (включая имеющихся) Вы хотели бы иметь, если бы у Вас были все необходимые условия?», в %

Количество детей	Женщины, распределение по возрастам				Мужчины, распределение по возрастам			
	17–30	30–40	40–50	Всего	17–30	30–40	40–50	Всего
0	4,4	2,2	2,7	3,1	6,7	4	2,6	4,4
1	9,3	7,4	9,2	8,6	10,9	9,1	9,6	9,8
2	47,1	41,4	40,2	42,9	44,3	40,7	31,4	38,8
3	24,8	32,2	30	29	21,4	24,9	24,5	23,6
4	2,6	3,1	3,3	3	2,2	3,3	2,1	2,5
5 и более	2	3,6	3,9	3,1	2,6	3,6	10,1	5,4

Среднее желаемое число детей

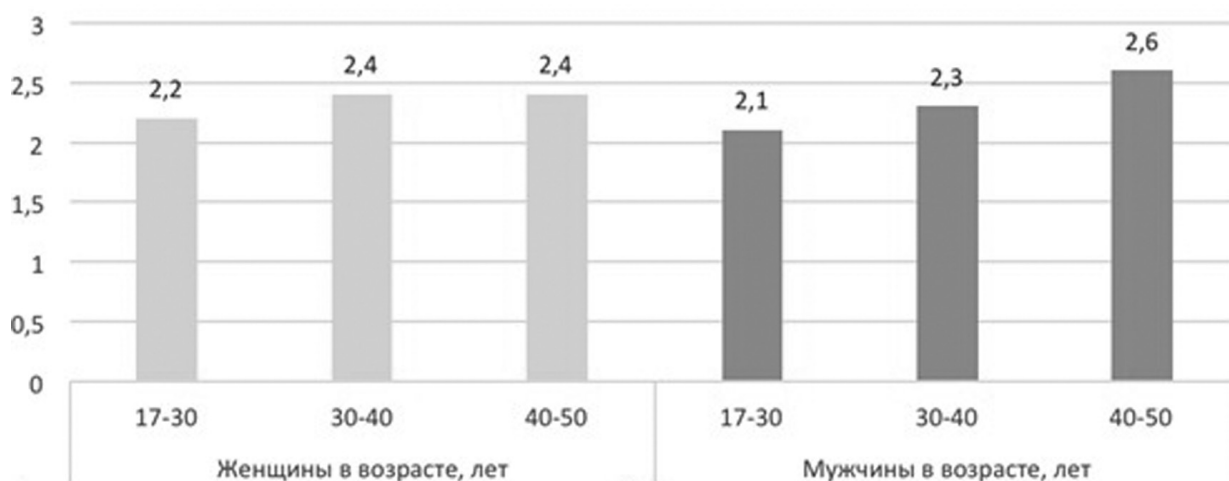

Рис. 1. Среднее желаемое число детей, половозрастной разрез, ед.

Респонденты разных возрастов по-разному оценивают значимость отдельных причин, способных стать препятствиями для рождения желаемого числа детей. Так, для молодых респондентов (особенно мужчин) очень значима проблема отсутствия постоянной работы. Также респонденты отметили, что помехами в осуществлении рождения желаемого количества детей являются повышенная занятость на работе, сверхурочная работа,

а также страх не реализовать собственные карьерные стратегии.

Наряду с этим для молодых людей важной причиной, объясняющей отсутствие детей, выступает отсутствие мужа или жены (таблица 4). Эти ответы еще раз обращают наше внимание на взаимосвязь репродуктивного и матримониального поведения — откладывание вступления в брак или отказ от вступления в брак приводит к сокраще-

Таблица 3

Планируемое число детей

Формулировка вопроса: Сколько детей (включая имеющихся) Вы собираетесь иметь?											
Вариант ответа	Ивановская обл.	Московская обл.	г. Москва	Вологодская обл.	Волгоградская обл.	Ставропольский кр.	Республика Башкортостан	Республика Татарстан	Нижегородская обл.	Свердловская обл.	Среднее по опросу
0	6,5	4,8	8,7	2,7	4,9	4,3	6,9	4,2	5,7	4,2	5,2
1	28,6	17,7	21,7	17,1	18	16,3	10,8	14,6	24,5	17,7	18,1
2	42,2	40,3	35,7	47,5	40,5	46,6	31,3	44,5	45,3	46,5	41,9
3	7,8	15,2	15,1	11,6	15,5	12,6	21,3	18,9	6,6	15,3	14,5
4	0	2,2	1,1	1,2	1,9	2,6	3,1	2,9	0	1,2	1,7
5 и более	0	3,6	3,4	0,5	0,5	1,3	2,4	1,2	0,9	1,5	1,6
Трудно сказать	14,9	16,1	14,4	19,4	18,7	16,3	24,2	13,7	17	13,7	17
Среднее планируемое число детей	1,6	2,1	1,9	1,9	1,9	2	2,1	2,1	1,7	2	1,9

Среднее планируемое число детей

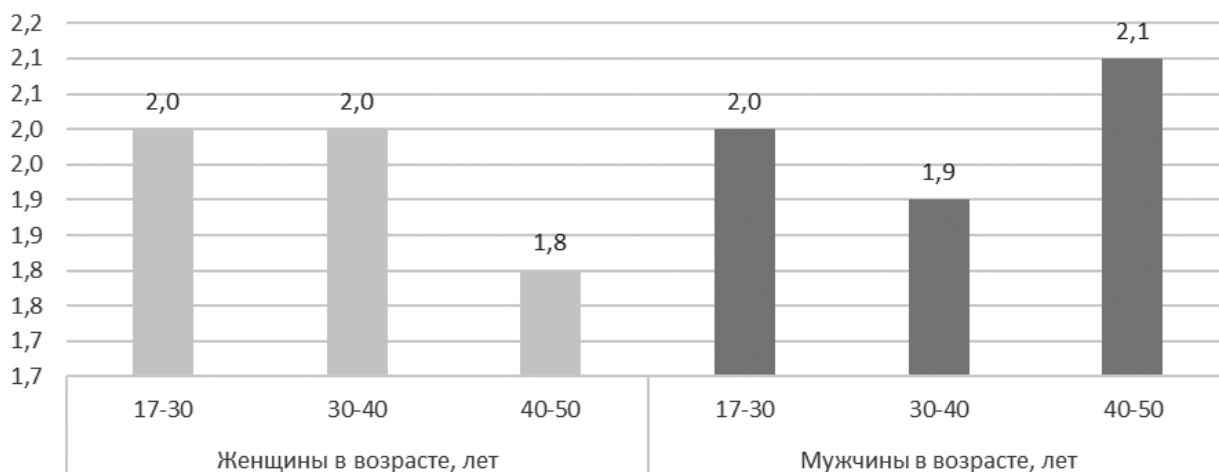

Рис. 2. Среднее ожидаемое (планируемое) число детей, ед.

нию рождаемости или откладыванию рождения детей.

Важно, что молодые люди связывают отказ от рождения ребенка в настоящее время с состоянием своего здоровья в большей степени, чем лица более старшего возраста. Это свидетельствует либо о неудовлетворительном состоянии здоровья молодежи, либо о повышенном внимании к своему здоровью, его большей значимости на фоне значимости нескольких детей для семьи.

Молодежь в 40% ответов «откладывает» рождение ребенка, люди 30–40 лет почти в 40% случаев уже достигли желаемой де-

тности и больше не планируют детей. Среди последних больше и тех, кто ориентирован на деторождение в ближайшей перспективе.

В среднем, если оценивать распределение «откладываний» рождений по времени, больше половины планируется к реализации в трехлетний период. Очевидно, в большей степени молодежь откладывает рождение ребенка на 4 года и больше. Если использовать данные опроса для прогноза рождаемости, стоит обратить внимание на возможный провал в 4-летнем горизонте, на этот период запланировано меньше всего отложенных рождений (12%).

Таблица 4

**Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Если Вы хотели бы иметь большее число детей, чем собираетесь,
то что и в какой степени мешает лично Вам иметь желаемое число детей?»
(вариант ответа «очень мешает», % к числу ответивших)**

Варианты ответа	Среднее по опросу	Варианты ответа	Среднее по опросу
Материальные трудности	31,5	Работаю далеко от дома, много времени трачу на дорогу	9,9
Отсутствие работы	21,4	Неудовлетворительное состояние моего здоровья	9,9
Неуверенность в завтрашнем дне	27,3	Не с кем будет оставить ребенка, когда начну (жена начнет) работать	13
Жилищные трудности	22,2	Неудовлетворительное состояние здоровья мужа (жены)	8,5
Отсутствие мужа (жены)	17,1	Неудобный режим работы	10,8
Большая занятость на работе	14,9	Трудно устроить ребенка в хорошие ясли или детский сад недалеко от дома	10,5
Трудности (для жены) совмещения работы вне дома и по дому, сильно устаю (жена сильно устает) из-за «двойного рабочего дня»	12	Стремление интереснее проводить досуг	8,2
Стремление достичь успехов в работе	10,1	Сложности во взаимоотношениях в семье	9,3
Нежелание мужа (жены)	11,1	Боязнь ущемить интересы имеющих детей	7,7
Стремление должным образом вырастить и воспитать уже имеющегося ребенка (детей)	11,7	Родственники пока против рождения еще ребенка (детей)	5,1

Среди мер поддержки семей при рождении детей вновь самыми значимыми стали те, которые направлены на способствование решению жилищных и материальных проблем, оказание медицинской помощи, а также поддержка семьи в период отпуска по уходу за ребенком, когда один из родителей теряет доход от трудовой деятельности. Значимы и такие аспекты, как досуг, более ранний выход на пенсию женщин с детьми, гибкий график работы. Очевидно, проблема совмещения трудовой деятельности и воспитания детей стоит достаточно остро, причем спектр ее проявлений широк — от потребности в детсадах для выхода матери на работу в связи с необходимостью заработка до сложностей параллельной реализации функций работника и родителя.

Заключение. Обобщая результаты проведенного исследования, необходимо отметить, что у россиян сформированы репродуктивные установки, позволяющие говорить о возможности хотя бы приближения к простому воспроизводству (среднее желаемое число детей составило 2,3), но при наличии всех необходимых условий.

Основными препятствиями на пути рождения желаемого числа детей, по мнению самих респондентов, выступают, прежде всего, материальные трудности и неуверенность в завтрашнем дне.

Исходя из мнений россиян о потребностях в мерах семейной и демографической политики, целесообразно:

— в области повышения доступности жилья для семей с детьми продолжать развитие программ льготного ипотечного кредитования и субсидирования, в частности, уникальной региональной ипотечно-накопительной программы жилищных строительных сбережений. Для выполнения ею функции стимуляции рождения детей ее совершенствование должно быть направлено на большую ориентацию на молодые семьи, ожидающие детей, и семьи, имеющие малолетних детей. В рамках программы для этих категорий семей могут быть введены дополнительные поощрительные условия участия;

— уделять повышенное внимание профилактике разводов. Необходимо наладить работу социально-психологического сопровождения семей, испытывающих трудности

в налаживании отношений, ведении быта, воспитания детей. Высокий уровень разводимости и слабая защищенность интересов ребенка после развода родителей (алименты — недостаточная мера) не позволяет и женщинам планировать рождение более 1 ребенка, т.е. только одного ребенка женщина может достойно воспитать и материально обеспечить, но не больше. В этом отношении хороши меры, принимаемые государством в случаях, если жилье куплено в совместную собственность с использованием материнского капитала и иных семейных субсидий (жилье приобретается в совместную собственность детей и родителей). Однако при приобретении жилья в совместную собственность без привлечения государственных средств после развода собственность делится между родителями, интересы детей не учитываются;

— актуально формирование развитой системы ухода и присмотра за детьми младшего школьного возраста с целью создания возможности совмещения родителями обязанностей по воспитанию детей с профессиональной занятостью. Тем не менее, учредители образовательных организаций самостоятельно решают вопрос, связанный с оплатой т.н. «продленки» в школах. Так, Закон №273-ФЗ от 29.12.2012 г. «Об образовании в Российской Федерации» (статья 66, пункт 8) предусматривает возможность оплаты посещения группы продленного дня, но не устанавливает ее обязательности. Кроме того, учредитель имеет право снизить размер этой платы или вовсе не взимать ее с отдельных категорий родителей (законных представителей) несовершеннолетних обучающихся. Отметим: платность групп продленного дня может сделать затруднительным посещение их детьми из малообеспеченных семей;

— осуществлять поддержку вовлеченного отцовства. Существует корпоративно-ведомственный опыт выплаты регулярной премии (надбавки к заработной плате) сотрудникам-мужчинам, чьи жены находятся в отпуске по уходу за ребенком. Эффект меры обусловлен не столько реальным вкладом в бюджет семьи, сколько усилением социально-психологической репродуктивной мотивации мужчин. Введение отпуска по уходу за ребенком для отцов будет способствовать формированию более тесной связи между от-

цом и детьми (если данный отпуск не будет отцом востребован, то и мать им воспользоваться не сможет). Такие меры могут благоприятно сказаться на формировании гендерного равенства на рынке труда (например, работодатели перестанут при приеме на работу отдавать предпочтение мужчинам, что позволит женщине быть увереннее в себе при планировании времени рождения ребенка);

— активно формировать репродуктивные установки в обществе. Нужно усилить информационно-просветительскую компоненту демографической политики. Поиск конкретных механизмов, форм и инструментов лежит в области маркетинга. Определенно можно констатировать эффективность использования в данной деятельности нового образа современной семьи, основанной на любви и свободе выбора, социальной и экономической целесообразности (успешности), семьи как фактора счастья и благополучия, безусловной поддержки и принятия.

Данный перечень мер не является исчерпываемым. Но в современных условиях без проведения активной демографической, семейной политики переломить сложившийся тренд суженного воспроизводства не представляется невозможным.

Литература

1. Антонов А. И. Динамика населения России в XXI веке и приоритеты демографической политики / А. И. Антонов, В. А. Борисов. — М.: Ключ-С, 2006. — 192 с.
2. Борисов В. А. Демография / В. А. Борисов. — М.: NOTABENE, 2001. — 272 с.
3. Архангельский В. Н. Помощь семьям с детьми в России: оценка демографической результативности // СОЦИС. — 2015. — №3. — С. 6.
4. Гурко Т. А. Динамика брачных установок и планов студентов // Социологические исследования. — 2019. — №7. — С. 102–113.
5. Ростовская Т. К. Благополучие молодой семьи — основа качества жизни молодежи. Международный академический вестник. — 2014. — №1. — С. 30–33.
6. Рыбаковский Л. Л. 20 лет депопуляции в России. — М.: Экон-информ, 2014. — 231 с.
7. Демографическое развитие России: тенденции, прогнозы, меры. Национальный

демографический доклад — 2020 / С. В. Рязанцев, В. Н. Архангельский, О. Д. Воробьева и др.; отв. ред. С. В. Рязанцев. — М.: ООО «Объединенная редакция», 2020. — 156 с.

8. Государственная политика вывода России из демографического кризиса / под ред. С. С. Сулакшина. — М., 2007. — 888 с.

9. Письмо Минобрнауки РФ от 08.05.2007 г. №АФ-163/06 «О Концепции государственной политики в отношении молодой семьи» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/902060617> (Дата обращения: 15.03.2021).

References

1. Antonov A. I. Dinamika naselenija Rossii v XXI veke i priority demograficheskoi politiki [Dynamics of the population of Russia in the XXI century and priorities of demographic policy] / A. I. Antonov, V. A. Borisov. — Moscow: Ključ-S, 2006. — 192 p.
2. Borisov V. A. Demografija [Demografiya] / V. A. Borisov. — Moscow: NOTABENE, 2001. — 272 p.
3. Arhangel'skij V. N. Pomoshh' sem'jam s det'mi v Rossii: ocenka demograficheskoi rezul'tativnosti [Assistance to families with children in Russia: an assessment of demographic performance] // SOCIS. — 2015. — №3. — P. 6.
4. Gurko T. A. Dinamika brachnykh ustanovok i planov studentov [Dynamics of marriage attitudes and plans of students] // Sociologicheskie issledovaniya [Sociological researches]. — 2019. — №7. — Pp. 102–113.
5. Rostovskaja T. K. Blagopoluchie molodoj sem'i — osnova kachestva zhizni molodezhi. Mezhdunarodnyj akademicheskij vestnik [The well-being of a young family is the basis of the quality of life of young people. International Academic Bulletin]. — 2014. — №1. — Pp. 30–33.
6. Rybakovskij L. L. 20 let depopuljacji v Rossii [20 years of depopulation in Russia]. — Moscow: Jekon-inform, 2014. — 231 p.
7. Demograficheskoe razvitie Rossii: tendencii, prognozy, mery. Nacional'nyj demograficheskij doklad — 2020 [Demographic development of Russia: trends, forecasts, measures. National demographic report — 2020] / S. V. Rjazancev, V. N. Arhangel'skij, O. D. Vorob'eva i dr.; in S. V. Rjazancev (eds.). — Moscow: ООО «Ob'edinennaja redakcija», 2020. — 156 p.

8. Gosudarstvennaja politika vyvoda Rossii iz demograficheskogo krizisa [State policy of Russia's withdrawal from the demographic crisis] / in S.S. Sulakshin (eds.). — Moscow, 2007. — 888 p.

9. Pis'mo Minobrnauki RF ot 08.05.2007 g. №AF-163/06 «O Konceptii gosudarstvennoj politiki v otnoshenii molodoj sem'i» [Letter of

the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated 08.05.2007 №AF-163/06 «On the concept of state policy in relation to the young family»] [Elektronnyj resurs]. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/902060617> (Date accessed: 15.03.2021).

Поступила в редакцию

21 февраля 2021 г.

Ростовская Тамара Керимовна — доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Rostovskaya Tamara Kerimovna — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Deputy Director for research, Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center, Russian Academy of Sciences.

119333, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, стр. 1
6 Fotievoj st., bld. 1, 119333, Moscow, Russia
E-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru

Князькова Екатерина Александровна — кандидат политических наук, старший научный сотрудник отдела семьи и семейно-демографической политики Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Knyazkova Ekaterina Alexandrovna — Candidate of Political Sciences, Senior Researcher of the Department of Family and Family-Demographic Policy, Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.

119333, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, стр. 1
6 Fotievoj st., bld. 1, 119333, Moscow, Russia
E-mail: Eapavlova@bk.ru

УДК 316.4.06:314.422

10.17213/2075-2067-2021-2-130-141

ПОТЕРИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ ФАКТОРОВ РИСКА В 2000-е ГОДЫ

© 2021 г. В. Г. Семенова^{*,**}, С. А. Вангородская^{***}

**Институт демографических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
г. Москва, Россия*

***ФГБУ «Центральный научно-исследовательский институт
организации и информатизации здравоохранения»*

Министерства здравоохранения Российской Федерации, г. Москва, Россия

****Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
г. Белгород, Россия*

Цель исследования: анализ потерь российской молодежи на фоне возрастной эволюции поведенческих факторов риска.

Методологическую основу исследования составили основные положения социологии жизни и здоровья, социологии молодежи и социологии риска, позволившие подтвердить выдвинутую ранее гипотезу о взаимосвязи между ценностью жизни и показателями смертности российской молодежи.

Результаты исследования. Приводится анализ тенденций и закономерностей смертности российской молодежи в период 2000–2019 гг. На основе статистических данных выявлено снижение общей смертности молодежи, изменение ее структуры, а также эволюция ее картины с возрастом. Отмечено, что, несмотря на положительную динамику смертности в молодых возрастах, пристального внимания требуют внешние причины смерти, обусловленные не только склонностью молодежи к риску, но в значительной степени преуменьшением ценности человеческой жизни на уровне личности и общества. Рассмотрена эволюция поведенческих факторов риска, предопределяющих различия в характере смертности российской молодежи младших и старших возрастных групп.

Перспективы исследования. Предложена система мер, реализация которых позволит обеспечить снижение поведенческих факторов риска и повышение ценности человеческой жизни в сознании россиян.

Ключевые слова: молодежь; ценность жизни; смертность молодежи; смертность по причинам; внешние причины смерти; социальные риски.

LOSSES OF RUSSIAN YOUTH IN THE CONTEXT OF BEHAVIORAL RISK FACTORS IN THE 2000S

© 2021 V. G. Semyonova^{*,**}, S. A. Vangorodskaya^{***}

**Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

***Federal Research Institute for Health Organization and Informatics
of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia*

****Belgorod State University, Belgorod, Russia*

The purpose of the study: *analysis of the losses of Russian youth against the background of age-related evolution of behavioral risk factors.*

The methodological basis of the study *was based on the main provisions of the sociology of life and health, the sociology of youth and the sociology of risk, which allowed us to confirm the previously put forward hypothesis about the relationship between the value of life and the mortality rates of Russian youth.*

The results of the study. *The analysis of trends and patterns of mortality of Russian youth in the period 2000–2019 is given. On the basis of statistical data, a decrease in the overall mortality of young people, a change in its structure, as well as the evolution of its picture with age are revealed. It is noted that, despite the positive dynamics of mortality at young ages, close attention is required to external causes of death, due not only to the propensity of young people to risk, but, to a large extent, underestimation of the value of human life at the level of the individual and society. The article considers the evolution of behavioral risk factors that determine the differences in the nature of mortality of Russian youth in younger and older age groups.*

Research prospects. *A system of measures is proposed, the implementation of which will ensure the reduction of behavioral risk factors and increase the value of human life in the minds of Russians.*

Key words: *youth; value of life; youth mortality; mortality by causes; external causes of death; social risks.*

Введение. Задача увеличения численности российского населения, заявленная в программных документах Российской Федерации как одна из приоритетных, предполагает реализацию комплекса мер, направленных, с одной стороны, на увеличение рождаемости, а с другой — на сокращение смертности. При этом, по мнению российских ученых, именно сокращение смертности, причем смертности в молодых возрастах, является «наиболее эффективным направлением стабилизации демографической ситуации в стране» [11].

Анализ масштабов и основных причин смертности российской молодежи постоянно находится в центре внимания отечественных исследователей [12, 13]. Смерть в любом возрасте трагична, но, как справедливо отмечают А. Е. Иванова и соавторы, «смерть, наступившая преждевременно, это потеря не только человеческой жизни, но и недопроизводство валового продукта, потеря инвестиций в образование и профессиональную подготовку» [6, с. 14].

Несмотря на улучшение демографической ситуации в большинстве регионов Российской Федерации, смертность российской молодежи по-прежнему остается достаточно

высокой и в ряде регионов превышает средние значения по стране. При этом, согласно данным статистики, основным «источником потерь среди молодежи являются внешние причины: в настоящее время потери российской молодежи — населения 15–29 лет — обусловлены травмами и отравлениями на 2/3 в мужской и почти наполовину в женской популяции» [14, с. 5].

Оценивая динамику смертности российской молодежи в 2000-е годы, необходимо отметить, что основные потери в этой группе, с одной стороны, формируются как результат совокупного воздействия социально-экономических, культурно-исторических, эпидемиологических и иных факторов, с другой — обусловлены спецификой социально-демографических и психологических характеристик молодежи. Это требует внимания со стороны всех социальных институтов, заинтересованных в улучшении качественных и количественных характеристик человеческого потенциала в России.

Это делает актуальной цель настоящего исследования: оценку потерь российской молодежи на фоне возрастной эволюции поведенческих факторов риска.

Результаты исследования. В 2000-е годы динамику смертности молодежи (по последним данным, в эту возрастную группу входят лица 15–34 лет) можно разделить на два периода: в 2000–2005 гг. у мужчин в первые 2 года наблюдалось некоторое снижение, а затем рост показателей, у женщин же тренды были устойчиво негативными, вследствие чего первая половина нулевых годов оказалась существенно более напряженной для молодых женщин, смертность которых выросла на 11,7% против 1,3%-го роста у их ровесников. Второй период (2005–2019 гг.), во-первых, характеризовался стабильно позитивными тенденциями и в мужской, и в женской популяции, однако темпы этих позитивных тенденций в женской популяции оказались меньшими, нежели у мужчин (2-кратное снижение против 2,6-кратного).

Вследствие этого 2000-е годы оказались более выигрышными для мужчин, нежели для их ровесниц (2,6-кратное снижение смертности против 44,8%-го) (рис. 1).

При этом нельзя не отметить, что рост смертности в первой половине нулевых годов был обусловлен взрослыми молодыми людьми — лицами 25–34 лет, в большинстве своем завершившими образование, получившими устойчивые профессиональные позиции, создавшим семьи: потери в этой возрастной группе в 2000–2005 гг. выросли на 13,5% в мужской и более чем на четверть (на 25,2%) в женской популяции против 21,2% и 9,8%-го снижения среди 15–24-летних. Интересно, что после 2005 г. подоб-

ная разнонаправленность трендов между 2 возрастными группами молодежи исчезает: сформировавшиеся тренды, во-первых, во всех половозрастных группах позитивные, во-вторых, и в мужской, и в женской популяции их темпы среди 15–24- и 25–34-летних практически совпадают (2,5- и 2,6-кратное снижение в мужской и 2,1- и 2-кратное — в женской популяции).

Вследствие подобной динамики в 2000-е годы и в мужской, и в женской популяции ситуация развивалась более успешно среди 15–24-летних, нежели среди 25–34-летних, причем независимо от возраста, у мужчин более благоприятно, чем у женщин.

Возникает вопрос: какими именно причинами определялись отмеченные тренды смертности в основных половозрастных группах российской молодежи?

Позитивные тренды смертности юношей 15–24 лет в 2000–2005 гг. были обусловлены всеми ведущими причинами смертности, кроме болезней органов пищеварения, потери от которых выросли почти на треть. В женской популяции наблюдался рост смертности не только от болезней органов пищеварения, потери от которых у 15–24-летних выросла почти на 2/3, но и от инфекционных болезней и болезней системы кровообращения (соответственно на 13,5% и 9,3%).

После 2005 г. позитивные тенденции смертности 15–24-летних и в мужской, и в женской популяции определялись всеми ведущими причинами, при этом темпы снижения смертности в мужской популяции превышали таковые в женской от всех

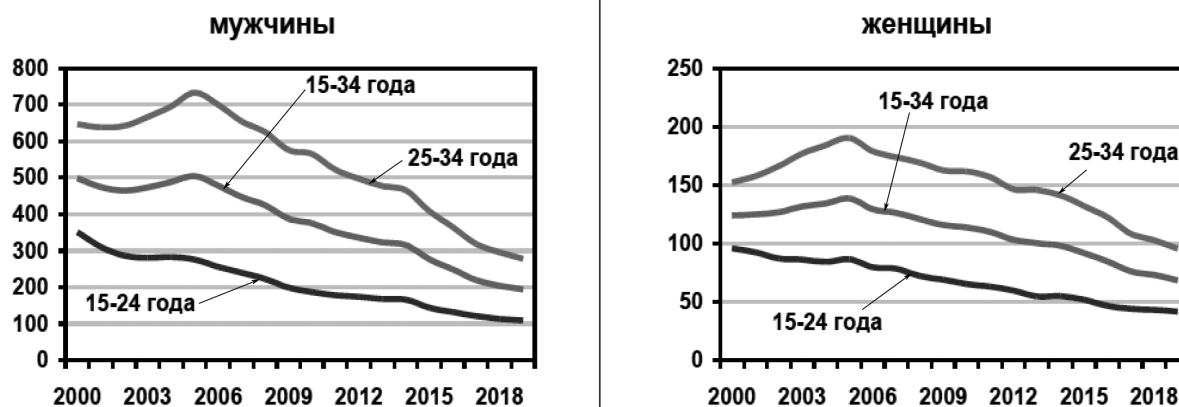

Рис. 1. Динамика смертности российской молодежи в 2000-е годы (стандартизованный коэффициент на 100 тыс. населения)

причин, кроме новообразований (38,8% против 41,9%). Смертность от ведущих в этой возрастной группе внешних причин снизилась в 2,7 раза в мужской и 2,4 раза — в женской популяции. Интересно, что если у мужчин инфекционные болезни оказались лидером по темпам позитивных тенденций, то у женщин — относительным аутсайдером (4,9-кратное снижение против 2-кратного).

В целом в 2000-е годы позитивные тенденции среди 15–24-летних определялись всеми ведущими причинами, при этом темпы снижения варьировали достаточно существенно: так, у мужчин на фоне 3,2-кратного снижения общей смертности максимально снизились показатели от инфекционных болезней и болезней органов дыхания (в 6,7 и 4,7 раза), минимально — на 45,6% — от новообразований. В женской популяции 2,3-кратное снижение общей смертности было обусловлено в первую очередь опережающими темпами снижения смертности от внешних причин (в 2,7 раза), а также от болезней органов дыхания и симптомов, признаков и неточно обозначенных состояний (в 2,5 и 2,4 раза соответственно).

Среди «взрослой» группы молодежи (25–34-летних) ситуация складывалась менее благополучно: так, негативные тенденции первой половины нулевых годов и в мужской, и в женской популяции были обусловлены всеми ведущими причинами смерти, за исключением новообразований, смертность от которых у мужчин снизилась на 5,6%. Максимальные темпы роста смертности (соответственно в 2,2 и 2,7 раза) наблюдались для болезней органов пищеварения, на втором месте у женщин оказались инфекционные болезни (рост на 82,1%).

В 2005–2019 гг. позитивные тенденции были обусловлены всеми ведущими причинами у мужчин, у женщин исключением оказались только инфекционные заболевания, смертность от которых выросла почти на треть (против 37,5%-го снижения в мужской популяции).

При этом и среди мужчин, и среди женщин минимальными темпами снижалась смертность от новообразований (на 30,9% и 28,1%), максимальными — от болезней органов дыхания (в 4,2 и 3,1 раза соответс-

твенно). Подчеркнем, что смертность от лидирующих в этих возрастах внешних причин и болезней системы кровообращения снизилась кратно и в мужской (в 3 и 2,5 раза), и в женской популяции (3- и 2-кратно).

Позитивные итоги 2000-х годов и среди мужчин, и среди женщин 25–34 лет в мужской популяции определялись всеми ведущими причинами смерти, в женской исключением оказались инфекционные болезни и болезни органов пищеварения, смертность от которых выросла соответственно в 2,4 раза и на 40,9% (против 20,6%- и 6,1%-го снижения у мужчин). Максимальными темпами в период исследования и в мужской, и в женской популяции снижались потери от болезней органов дыхания, внешних причин и неточно обозначенных состояний.

Подобная динамика не могла не изменить структуру смертности российской молодежи в 2000-е годы.

Эволюция структуры смертности молодежи за 2000–2019 гг. во всех половозрастных группах характеризовалась сходными закономерностями: на фоне снижения значимости болезней органов дыхания, внешних причин и неточно обозначенных состояний происходило нарастание вклада новообразований и болезней системы кровообращения, с одной стороны, и болезней органов пищеварения и особенно инфекционных болезней — с другой (исключением оказались только 15–24-летние юноши, у которых доля инфекционной смертности снизилась с 3,1% до 1,5%).

При этом трансформация структуры смертности оказалась более глубокой среди «взрослой» молодежи: так, у мужчин доля внешних причин, в течение всего периода занимавших лидирующие позиции, снизилась с примерно 2/3 общей смертности до половины, при этом значимость инфекционной смертности практически удвоилась (рост с 5,9% до 11%), вследствие чего в настоящее время инфекционные заболевания вошли в тройку ведущих причин смерти, наравне с болезнями системы кровообращения, занимавшими второе место: их вклад вырос с 11% до 14,2%. Принципиально (с 3,1% до 6,7%) выросла также значимость болезней органов пищеварения.

Еще более отчетливо эти закономерности проявились в женской популяции: вклад внешних причин снизился примерно с половины до четверти общей смертности 25–34-летних, при этом на второе место вышли инфекции, доля которых выросла с 5,1 % до 19,6 %.

Отметим, что среди 15–24-летних, где рост инфекционной смертности не приобрел такие масштабы, эволюция структуры смертности выглядит существенно более благополучной: так, у мужчин вследствие роста вклада ранг болезней системы кровообращения поднялся с 3-го до 2-го места, новообразований — с 5-го до 3-го места, в женской популяции ранжировка ведущих причин практически не изменилась, однако в ведущей триаде доля внешних причин снизилась с 62,8 % до 54,1 % (1-е место), новообразований и сердечно-сосудистых заболеваний — выросла с 7,3 % до 8,7 % и с 5,6 % до 8,2 % (2-е и 3-е места соответственно).

В этом контексте крайне интересным представляется нозологический профиль половозрастной смертности молодежи в 2019 г.: из табл. 1 видно последовательное (особенно у женщин) нарастание с возрастом доли всех ведущих патологий на фоне снижения значимости внешних причин (исключением являются только новообразования у мужчин, вклад которых снизился с 5,2 % у 15–19-летних до 3,8 % у 30–34-летних).

Обсуждая полученные результаты в контексте влияния самосохранительного поведения на здоровье российской молодежи, можно отметить, с одной стороны, снижение значимости внешних причин, с другой — рост числа экзогенных (во всяком случае, предотвратимых) патологий (инфекционные болезни и болезни органов пищеварения).

Еще более очевидным представляется возрастной вектор указанных экзогенных патологий: нельзя не отметить, что у 30–34-летних мужчин доля инфекций существенно превышает вклад новообразований, у их ровесниц — оказывается выше, нежели значимость и новообразований, и сердечно-сосудистых заболеваний (табл. 1).

Если же проследить возрастной вектор смертности молодежи от болезней органов пищеварения, то можно указать, что если у 15–19-летних юношей в триаду ведущих па-

тологий входили непроходимость прямой кишки, острый панкреатит и язва 12-перстной кишки, а у их ровесниц — неинфекционный энтерит, колит, перитонит и другие циррозы печени, то среди 30–34-летних ведущую роль играли другие циррозы и алкогольный цирроз печени, а также острый панкреатит: эти патологии, особенно в подобной комбинации, не могут не ассоциироваться с поведенческими факторами риска, в первую очередь, с алкоголем.

Обсуждение результатов исследования. Анализируя динамику смертности российской молодежи в указанный период, следует отметить несколько обстоятельств: во-первых, снижение общей смертности молодежи, во-вторых, изменение ее структуры в 2000-е годы, и, в-третьих, эволюцию ее картины с возрастом.

Первые обстоятельства свидетельствуют как о количественном, так и о качественном улучшении ситуации среди молодежи как таковой, к которой логично отнести подростков 15–19 лет и 20–25-летних молодых людей, среди них существенную часть занимает студенчество. В этой возрастной группе очевидно как стабильное снижение смертности, так и улучшение ее картины, выразившееся в снижении значимости экзогенных причин, включая травмы и отравления на фоне роста значимости причин эндогенных (новообразований и, с некоторой осторожностью, болезней системы кровообращения).

Несколько иная ситуация сложилась среди «взрослой» молодежи (25–34 года), родившихся в самый критический период российской истории, когда страна переживала коренную ломку всей системы ценностей. Это, безусловно, отразилось и на самой молодежи, формируя у представителей данной группы «плюрализм мировоззренческих установок и отсутствие единства в отношении базовых ценностей» [5, с. 88].

Отметим, что позитивные тенденции смертности в этой возрастной группе сформировались только после 2005 г., когда страна вышла из затянувшегося на 15 лет социально-экономического кризиса. Представляется показательным, что именно в этой возрастной группе, помимо безусловно позитивного снижения значимости внешних причин

(являющихся одним «из двух главных классов причин смерти факторов, определяющих отставание России от большинства развитых стран по ожидаемой продолжительности жизни» [7, с. 87]), наблюдается резкое возрастание вклада инфекционных болезней и болезней органов пищеварения, что в контексте поведенческих факторов риска означает проблемы сексуального характера (ВИЧ/СПИД), а также злоупотребление алкоголем (алкогольный и другие циррозы печени, острый панкреатит).

Принятое в настоящее время объединение в группу молодежи лиц от 15 до 34 лет во многом затрудняет конкретизацию факторов риска, присущих молодежи в целом: нельзя забывать, что 15-летние подростки

могут быть детьми 34-летних, что не может не предполагать разные модели поведения и как следствие — разные факторы риска внутри социальной группы «молодежь».

Показательной в этом контексте представляется эволюция возрастной структуры смертности молодежи: если у подростков речь идет об острых рисках, приводящих к потерям от внешних причин, то у 30–34-летних аномально высокой оказывается значимость инфекционных заболеваний (напомним, что у мужчин они занимали 3-е место, в женской популяции — 2-е, причем их вклад, с одной стороны, существенно превышал долю онкологии и ССБ (20% против 15%), с другой — относительно незначительно уступал значимости внешних причин (24% против 20%)).

Таблица 1

Возрастной профиль структуры смертности российской молодежи в 2019 г.

Причины смерти	15–19 лет		20–24 года		25–29 лет		30–34 года	
	На 100 тыс.	%	На 100 тыс.	%	На 100 тыс.	%	На 100 тыс.	%
Мужчины								
Все причины	77,2	100	140,5	100	201,1	100	354,9	100
Инфекционные болезни	0,6	0,8	2,6	1,9	16,2	8,1	44,8	12,6
Новообразования	4	5,2	5,8	4,1	7,4	3,7	13,6	3,8
Б-ни системы кровообращения	4,4	5,7	11,4	8,1	22,2	11	56,8	16
Б-ни органов дыхания	1,1	1,4	2	1,4	4	2	10,3	2,9
Б-ни органов пищеварения	0,8	1	2	1,4	9,2	4,6	27,8	7,8
Неточно обозначенные состояния	3,4	4,4	7,3	5,2	11,7	5,8	20,6	5,8
Внешние причины	54,7	70,9	102,7	73,1	122,3	60,8	165,2	46,5
Женщины								
Все причины	36,2	100	46,5	100	69,6	100	121,3	100
Инфекционные болезни	0,6	1,7	3,6	7,7	12,9	18,5	24,4	20,1
Новообразования	3,1	8,6	4,1	8,8	8,2	11,8	18,3	15,1
Б-ни системы кровообращения	2,4	6,6	4,4	9,5	8,8	12,6	18,2	15
Б-ни органов дыхания	1	2,8	1,3	2,8	2,2	3,2	4	3,3
Б-ни органов пищеварения	0,5	1,4	1,3	2,8	5	7,2	13,6	11,2
Неточно обозначенные состояния	1,5	4,1	2,5	5,4	2,4	3,4	4,1	3,4
Внешние причины	21,7	59,9	23,1	49,7	23,2	33,3	29,2	24,1

Вопросы вызывает и высокая значимость сердечно-сосудистых болезней в этих возрастах (16% и 15% соответственно): в этой возрастной группе еще не могли сформироваться дистрофические процессы, делающие физиологически обусловленными потери от болезней системы кровообращения в старческих возрастах, таким образом, не может не возникать вопрос об экзогенных, поведенческих факторах риска.

Анализируя картину смертности молодежи в 2000-годы, следует исходить из нескольких постулатов: во-первых, из преждевременного характера подавляющей части смертей в этих возрастах и, во-вторых, от их обусловленности экзогенными факторами, даже если речь идет о соматических заболеваниях. При этом экзогенными факторами риска в этой возрастной группе, как правило, являются риски поведенческие.

Обсуждая модели поведения молодежи, нельзя исключить еще один, специфически важный для данной возрастной группы фактор: молодежь во все времена и у всех народов склонна к более рискованному поведению, нежели лица старших возрастных групп. Это определяется психофизиологическими особенностями молодежи, недооценкой последствий определенных форм поведения, переоценкой своих возможностей и накладывается на характеристики «современного общества, в котором риск выступает как часть действительности» [9, с. 45].

Именно склонность к рискованному поведению обуславливает доминирование в структуре смертности представителей данной социально-демографической группы внешних причины смерти, предопределяющих существенное отставание России от развитых стран по показателям смертности и продолжительности жизни и включающих в себя убийства, самоубийства, несчастные случаи и пр.

С другой стороны, нельзя не учитывать и модели поведения, принятые в каждом конкретном социуме, а именно — стиль жизни общества в целом. Если общей нормой жизни общества является соблюдение законов от соблюдения правил дорожного движения до заповеди «не убий», социальные лифты, здоровый образ жизни как норма, низкое потребление алкоголя, неприятие наркотиков, то этот стиль

жизни формируется и среди молодежи, и наоборот. Поэтому ценностные ориентиры молодежи являются своеобразным отражением ценностей общества в целом.

В контексте изучаемой проблематики существенный интерес представляет подход к оценке потерь российской молодежи (в первую очередь, от внешних причин) с позиций ценности человеческой жизни. По мнению сторонников данного подхода [14, 17], «все потери от внешних причин обусловлены либо неосторожным ... поведением конкретных людей, либо недостатками работы социальных институтов ... Таким образом, все потери от внешних причин можно ассоциировать, прямо или косвенно, с недооценкой ценности человеческой жизни в личностном либо общественном сознании» [14, с. 6].

Ценность человеческой жизни является предметом анализа в рамках аксиологии, социальной антропологии, философии и социологии жизни [1, 8, 10, 15, 16] и выступает в качестве одной из главных характеристик цивилизованного общества. Ценность жизни в том или ином обществе складывается из соблюдения некоторой совокупности правил и снижения конкретных рисков, в первую очередь, поведенческих. Следовательно, именно на основе значимости факторов риска и обусловленных ими потерь можно судить о реальной ценности человеческой жизни в индивидуальном и коллективном сознании на каждом из этапов развития общества.

В России низкая ценность человеческой жизни обусловлена совокупным воздействием культурно-исторических, социально-экономических, политических, а также религиозных факторов, выступающих «в прошлом основными формирующими жизненное поведение элементами» [4, с. 56] и оказывающих непосредственное влияние на показатели здоровья и продолжительности жизни российского населения. Большую часть истории Россия характеризовалась доминированием архаичного стиля жизни и общинной психологии, что в сочетании с многочисленными войнами предопределило специфику «культурного кода» россиян [2], программируя коллективное сознание на «короткую, но яркую и героическую» жизнь [3].

К началу XX века Россия все еще оставалась преимущественно аграрной страной с высокой долей (до 80%) неграмотного населения. О том, как сработала совокупность этих факторов, свидетельствуют результаты проведенной в 1897 году первой Всероссийской переписи населения, выявившей крайне низкую (в сравнении с европейскими странами) продолжительность жизни в России.

Признание жизни вообще и индивидуального существования в частности в качестве одной из базовых ценностей общества произошло только в XX веке и стало следствием объективных процессов модернизации и трансформации современного общества. Причем, как отмечает С. И. Трунев, «безусловное доминирование указанной ценности в культурах большинства европейских стран и Америки приходится приблизительно на его вторую половину» [16, с. 118].

Что касается России, то здесь не все так однозначно. Несмотря на повышение уровня жизни россиян, формирующегося с начала 2000-х годов, ценность человеческой жизни, и сегодня определяющая отставание России от большинства развитых стран по уровню заболеваемости и смертности населения, по-прежнему невелика. Это в значительной степени обусловлено масштабами социального неравенства (в том числе в получении образования, выступающего одним из основных факторов, влияющих на уровень смертности во всех возрастных группах), неопределенностью будущего, а также нестабильностью социальной среды, сопряженной с высоким уровнем внешних угроз. Особо необходимо отметить незавидное положение старшего поколения россиян, которое не способствует формированию в общественном сознании привлекательного образа старости и склоняет молодых людей к выбору поведения, не ориентированного на перспективу и не предполагающего сознательных долгосрочных «инвестиций» в укрепление здоровья и увеличение продолжительности жизни.

Заключение. Результаты проведенного анализа позволяют сформулировать ряд вы-

водов и рекомендаций. Во-первых, основные потери российской молодежи являются результатом совокупного воздействия социально-экономических, культурно-исторических, эпидемиологических и иных факторов. Особая роль принадлежит поведенческим факторам риска, предопределяющим динамику и изменение структуры смертности в молодых возрастах.

Во-вторых, среди молодежи с возрастом происходит эволюция поведенческих факторов риска: если в младших возрастах речь идет преимущественно об их острых формах, то среди «взрослой» молодежи — о факторах риска, обусловленных не столько сиюминутными опасностями, сколько всем стилем жизни, включающим и опасное сексуальное поведение, и, как минимум, злоупотребление алкоголем.

В-третьих, доминирование класса внешних причин в структуре смертности российской молодежи актуализирует проблему повышения ценности жизни на уровне индивидуума и общества в целом. Учитывая полидетерминированную природу ценности жизни, представляется необходимым основные усилия государства направить на повышение образовательного уровня населения, разработку и реализацию комплексной системы мер по минимизации поведенческих факторов риска на уровне индивида и общества, а также на формирование привлекательного образа старости, что невозможно без смены приоритетов социальной политики в первую очередь в сторону повышения уровня и качества жизни представителей старших возрастных групп и населения в целом.

В-четвертых, любая система мер, направленных на снижение смертности молодежи, должна носить адресный характер и, следовательно, затрагивать каждую конкретную возрастную группу. И если среди лиц 15–24 лет эти меры должны быть преимущественно направлены на острые, сиюминутные поведенческие факторы риска, которыми обусловлены потери от внешних причин, то среди 25–34-летних необходимо, в первую очередь, формировать стиль поведения, направленный на снижение алкоголизации и наркомании в обществе.

Литература

1. Баева Л. В. Ценностные основания индивидуального бытия: Опыт экзистенциальной аксиологии: Монография. — М.: Прометей, МПГУ, 2003. — 240 с.
2. Бочаров В. В. Молодость и старость в традиционной русской культуре (о книге Григорьевой И. А. и др. «Пожилые в современной России: между занятостью, образованием и здоровьем») // Социологические исследования. — 2017. — №1. — С. 159–163.
3. Вангородская С. А. Отношение к смерти в современном обществе: культурно-исторические особенности и влияние на самосохранительное поведение // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. Философия. Социология. Право. — 2019. — Т. 44. — №3. — С. 386–395.
4. Вебер М. Избранные произведения; пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. — М.: Прогресс, 1990. — 880 с.
5. Гугуева Д. А., Фетисова О. В. Ценности современной российской молодежи в реальном и виртуальном обществах // Гуманитарий Юга России. — 2016. — Т. 21. — №5. — С. 85–92.
6. Иванова А. Е., Семенова В. Г., Лопатов К. В., Михайлов А. Ю., Сабгайда Т. П., Землянова Е. В., Запорожченко В. Г., Евдокушкина Г. Н. Перспективы снижения смертности в Москве с учетом реализации мер демографической политики [Электронный ресурс] // Социальные аспекты здоровья населения: электронный научный журнал. — 2016. — №50 (4). — С. 1–35. — Режим доступа: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/760/30/lang.ru/> (Дата обращения: 10.03.2021).
7. Кваша Е., Харькова Т., Юмагузин В. Смертность от внешних причин в России за полвека // Демографическое обозрение. — 2014. — Т. 1. — №4. — С. 68–95.
8. Коваленко А. М. Ценность жизни в молодежной среде российского общества // Гуманитарий Юга России. — 2017. — Т. 6. — №6. — С. 232–241.
9. Комбарова Е. В. Особенности социального риска молодежи в условиях современного российского общества // Среднерусский вестник общественных наук. — 2010. — №1. — С. 44–49.
10. Краснобаева-Черная Ж. В. Аксиологический феномен жизни во фразеологии: жизнь как ценность и жизнь как система ценностей // Вестник ВГУ. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2015. — №4. — С. 31–35.
11. Римащевская Н. М. Русский крест [Электронный ресурс] // Природа. — 1999. — №6. — Режим доступа: http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/NATURE/06_99/RUSSDEMO.HTM (Дата обращения: 11.03.2021).
12. Рязанцев С. В., Семенова В. Г., Иванова А. Е., Сабгайда Т. П., Евдокушкина Г. Н. Демографические последствия социальных девиаций российской молодежи // Вестник Российской академии наук. — 2019. — Т. 89. — №3. — С. 221–231.
13. Семенова В. Г. Обратный эпидемиологический переход в России. — М.: ЦСП, 2005. — 235 с.
14. Семенова В. Г., Иванова А. Е., Сабгайда Т. П., Евдокушкина Г. Н., Запорожченко В. Г. Потери российской молодежи от внешних причин и факторы, их определяющие [Электронный ресурс] // Социальные аспекты здоровья населения: электронный научный журнал. — 2019. — №65 (6). — С. 1–35. — Режим доступа: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1117/30/lang.ru/> (Дата обращения: 11.03.2021).
15. Тощенко Ж. Т. Социология жизни как теоретическая концепция // Социологические исследования. — 2015. — №1. — С. 106–116.
16. Трунев С. И. Жизнь как ценность: проблемы и противоречия // Философия и общество. — 2008. — №4. — С. 118–125.
17. Юмагузин В. В., Винник М. В. Факторы смертности от внешних причин и пути ее снижения: опыт экспертного интервью [Электронный ресурс] // Социальные аспекты здоровья населения: электронный научный журнал. — 2014. — №4 (38). — С. 1–14. — Режим доступа: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/595/30/lang.ru/> (Дата обращения: 11.03.2021).

References

1. Baeva L. V. Cennostnye osnovaniya individual'nogo bytija: Opyt jekzistencial'noj aksiologii: Monografija [Value bases of individual existence: The experience of existential

axiology: a monograph]. — Moscow: Prometej, MPGU, 2003. — 240 p.

2. *Bocharov V. V.* Molodost' i starost' v tradicijnoj russkoj kul'ture (o knige Grigor'evoj I. A. i dr. «Pozhilye v sovremennoj Rossii: mezhdzhanjatost'ju, obrazovanijem i zdorov'em») [Youth and old age in traditional Russian culture (about the book by Grigorieva I. A. et al. «The elderly in modern Russia: between employment, education and health»)] // Sociologicheskie issledovanija [Sociological researches]. — 2017. — №1. — Pp. 159–163.

3. *Vangorodskaja S. A.* Otnoshenie k smerti v sovremennom obshhestve: kul'turno-istoricheskie osobennosti i vlijanie na samosohranitel'noe povedenie [Attitude to death in modern society: cultural and historical features and influence on self-preserving behavior] // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filosofija. Sociologija. Pravo [Scientific Bulletin of the Belgorod State University. Ser. Philosophy. Sociology. Pravo]. — 2019. — Vol. 44. — №3. — Pp. 386–395.

4. *Veber M.* Izbrannye proizvedenija; per s nem. [Selected works; trans. from German.] / Sost., obshh red. i poslesl. Ju. N. Davydova; predisl. P. P. Gajdenko. — Moscow: Progress, 1990. — 880 p.

5. *Gugueva D. A., Fetisova O. V.* Cennosti sovremennoj rossijskoj molodezhi v real'nom i virtual'nom obshhestvakh [The values of modern Russian youth in real and virtual societies] // Gumanitarij Juga Rossii. — 2016. — Vol. 21. — №5. — Pp. 85–92.

6. *Ivanova A. E., Semenova V. G., Lopakov K. V., Mihajlov A. Ju., Sabgajda T. P., Zemljanova E. V., Zaporozhchenko V. G., Evdokushkina G. N.* Perspektivy snizhenija smernosti v Moskve s uchetom realizacii mer demograficheskoj politiki [Prospects for reducing mortality in Moscow taking into account the implementation of demographic policy measures] [Elektronnyj resurs] // Social'nye aspekty zdorov'ja naselenija: jelektronnyj nauchnyj zhurnal [Social aspects of population health: electronic scientific journal]. — 2016. — №50 (4). — Pp. 1–35. — URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/760/30/lang.ru/> (Date accessed: 10.03.2021).

7. *Kvasha E., Har'kova T., Jumaguzin V.* Smernost' ot vneshnih prichin v Rossii za polveka [Mortality from external causes in Russia for half a century] // Demograficheskoe obozrenie

[Demographic review]. — 2014. — Vol. 1. — №4. — Pp. 68–95.

8. *Kovalenko A. M.* Cennost' zhizni v molodezhnoj srede rossijskogo obshhestva [The value of life in the youth environment of the Russian society] // Gumanitarij Juga Rossii. — 2017. — Vol. 6. — №6. — Pp. 232–241.

9. *Kombarova E. V.* Osobennosti social'nogo riska molodezhi v uslovijah sovremennogo rossijskogo obshhestva [Peculiarities of social risk youth in the conditions of modern Russian society] // Srednerusskij vestnik obshhestvennyh nauk [Bulletin of the Central Russian social Sciences]. — 2010. — №1. — Pp. 44–49.

10. *Krasnobaeva-Chernaja Zh. V.* Aksiologicheskij fenomen zhizni vo frazeologii: zhizn' kak cennost' i zhizn' kak sistema cennostej [Axiological phenomenon of life in phraseology: life as valuable and life as a system of values] // Vestnik VGU. Lingvistika i mezhkul'turnaja komunikacija [Bulletin of the VSU. Linguistics and intercultural communication]. — 2015. — №4. — Pp. 31–35.

11. *Rimashevskaja N. M.* Russkij krest [Russian cross] [Elektronnyj resurs] // Priroda [Nature]. — 1999. — №6. — URL: http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/NATURE/06_99/RUSSDEMO.HTM (Date accessed: 11.03.2021).

12. *Rjazancev S. V., Semenova V. G., Ivanova A. E., Sabgajda T. P., Evdokushkina G. N.* Demograficheskie posledstviya social'nyh deviacij rossijskoj molodezhi [The demographic implications of social deviance Russian youth] // Vestnik Rossijskoj akademii nauk [Bulletin of the Russian Academy of Sciences]. — 2019. — Vol. 89. — №3. — Pp. 221–231.

13. *Semenova V. G.* Obratnyj jepidemiologicheskij perehod v Rossii [The Inverse epidemiological transition in Russia]. — Moscow: CSP, 2005. — 235 p.

14. *Semenova V. G., Ivanova A. E., Sabgajda T. P., Evdokushkina G. N., Zaporozhchenko V. G.* Poteri rossijskoj molodezhi ot vneshnih prichin i faktory, ih opredelajushhie [Losses of Russian youth from external causes and factors determining them] [Elektronnyj resurs] // Social'nye aspekty zdorov'ja naselenija: jelektronnyj nauchnyj zhurnal [Social aspects of population health: electronic scientific journal]. — 2019. — №65 (6). — Pp. 1–35. — URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1117/30/lang.ru/> (Date accessed: 11.03.2021).

15. *Toshhenko Zh. T.* Sociologija zhizni kak teoreticheskaja koncepcija [Sociology of life as a theoretical concept] // Sociologicheskie issledovaniya [Sociological research]. — 2015. — №1. — Pp. 106–116.

16. *Trunev S. I.* Zhizn' kak cennost': problemy i protivorechija [Life as a value: issues and controversies] // Filosofija i obshhestvo [Philosophy and society]. — 2008. — №4. — Pp. 118–125.

17. *Jumaguzin V. V., Vinnik M. V.* Faktory smernosti ot vneshnih prichin i puti ee snizhen-

ija: opyt jekspertnogo interv'ju [Factors of mortality from external causes and ways to reduce it: the experience of the expert interviews] [Elektronnyj resurs] // Social'nye aspekty zdorov'ja naselenija: jelektronnyj nauchnyj zhurnal [Social aspects of population health: electronic scientific journal]. — 2014. — №4 (38). — Pp. 1–14. — URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/595/30/lang.ru/> (Date accessed: 11.03.2021).

Поступила в редакцию

18 февраля 2021 г.

Семенова Виктория Георгиевна — доктор экономических наук, главный научный сотрудник Отдела здоровья и самосохранительного поведения Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Semyonova Victoria Georgievna — Doctor of Economic Sciences, Chief Researcher of the Department of Health and Self-preservation Behavior of the Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.

119333, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1
6 Fotievoj str., bld. 1, 119333, Moscow, Russia
E-mail: vika-home@yandex.ru

Вангородская Светлана Анатольевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий и государственной службы Института экономики и управления Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Vangorodskaya Svetlana Anatolyevna — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Social Technologies and Public Administration of the Institute of Economics and Management of the Belgorod State National Research University.

308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
85 Pobedy st., 308015, Belgorod, Russia
E-mail: Vangorodskaya@bsu.edu.ru

УДК 316.776

10.17213/2075-2067-2021-2-142-148

**УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ ЦИФРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА МОЛОДЕЖИ
НА ОСНОВЕ КОНВЕРГЕНЦИИ ТЕХНОЛОГИЙ
МЕНЕДЖМЕНТА, ОБРАЗОВАНИЯ
И ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ**

© 2021 г. *Р. Р. Тимиргалеева**, *Н. В. Горбунова**, *И. Ю. Гришин***

**Гуманитарно-педагогическая академия (филиал),
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Ялта, Россия*
***Московский государственный университет (филиал)
имени М. В. Ломоносова, г. Севастополь, Россия*

Целью исследования стало обоснование необходимости и разработка комплексного механизма управления развитием цифрового потенциала молодежи на основе интеграции конвергентных технологий менеджмента, образования и информационно-коммуникационных технологий.

Результаты исследования. Раскрыто содержание инструментария реализации цифрового потенциала молодежи, выявлены и проанализированы его основные преимущества, возможности и проблемы. Выделены и описаны основные функции управления развитием цифрового потенциала молодежи, реализация которых станет основой формирования цифровых компетенций и цифровой культуры молодежи, раскроет их способности к цифровому взаимодействию.

Ключевые слова: цифровой потенциал молодежи; информационно-коммуникационные технологии; управление развитием; безопасность цифрового взаимодействия; медиаграмотность; цифровые медиа.

**MANAGING YOUTH DIGITAL POTENTIAL DEVELOPMENT BASED
ON THE CONVERGENCE OF MANAGEMENT TECHNOLOGIES,
EDUCATION AND INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES**

© 2021 *R. R. Timirgaleeva**, *N. V. Gorbunova**, *I. Y. Grishin***

**Humanities and Education Science Academy (branch),
Vernadsky Crimean Federal University, Yalta, Russia*
***Lomonosov Moscow State University (branch), Sevastopol, Russia*

The aim of the study was to substantiate the need for and develop an integrated mechanism for managing the development of the digital potential of youth based on the integration of convergent technologies of management, education and information and communication technologies.

The results of the study. The content of the toolkit for realizing the digital potential of youth is revealed, its main advantages, opportunities and problems are identified and analyzed. The main functions of managing the development of the digital potential of youth are highlighted and described, the implementation of which will become the basis for the formation of digital competencies and digital culture of young people, and will reveal their ability to digital interaction.

Key words: *digital potential of youth; information and communication technologies; development management; security of digital interactions; media literacy; digital media.*

Актуальность и постановка проблемы. На современном этапе перехода Российской Федерации к передовым цифровым технологиям, интеллектуальным производственным технологиям, роботизированным системам, новым материалам и способам конструирования, создания систем обработки больших объемов данных, машинного обучения и искусственного интеллекта степень развития цифрового потенциала молодежи как основного ресурса, обеспечивающего эффективную реализацию данных процессов, становится важнейшим фактором формирования национальной конкурентоспособности. Развитие цифрового потенциала молодежи является серьезным стимулом социально-экономического роста и развития общества, занятости населения, расширения конкуренции. Сегодня уровень развития потенциала молодежи определяет не только экономический потенциал страны, качество жизни, социальное благополучие и развитие общества, а также роль и место страны в глобальном обществе, масштабы и перспективы социально-экономической интеграции.

В данном контексте особую актуальность приобретают междисциплинарные исследования, направленные на разработку моделей и методов оценки эффективности инвестиций в потенциал молодежи, выявление особенностей формирования и структуры человеческого капитала в России, моделирование сценариев его развития. Разработка комплексной модели развития потенциала молодежи, основанной на конвергенции технологий менеджмента, образования и интеллектуальных информационных технологий, является новой по постановке и важной для практического применения полученных результатов. Данные аспекты определили актуальность исследования.

Цель исследования — обоснование необходимости и разработка комплексного механизма управления развитием цифрового потенциала молодежи на основе интеграции

конвергентных технологий менеджмента, образования и информационно-коммуникационных технологий.

Изложение основного материала исследования. Для современной молодежи информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) уже стали не просто неотъемлемой частью жизни, они пронизывают практически все ее сферы. Цифровые технологии, став частью современной повседневной жизни, внесли определенный вклад в развитие инноваций и общества, расширили возможности молодежи в доступе к информации, развитию личностных компетенций, установлению взаимодействия друг с другом независимо от места положения, социального статуса, ограниченности в состоянии здоровья и т.п. Кроме того, современные ИКТ привели к экономическим, социальным и культурным изменениям в жизни молодых людей, сформировав по сути новое «цифровое» поколение, получившее новые возможности для жизни, учебы, трудовой деятельности (Е. Н. Чижова, Л. И. Журавлева, И. А. Монастырская) [5].

Отмечая целый ряд позитивных перемен, нельзя не обратить внимание на появление новых рисков, связанных с получением, хранением, обработкой и передачей данных. ИКТ могут оказать негативное воздействие на психическое и физическое здоровье молодежи. Представляет определенную угрозу чрезмерная вовлеченность, попадание молодежи в зависимость от информационных и игровых технологий. Это обусловлено тем, что у современной молодежи, родившейся в информационном обществе, не сформирована цифровая культура. У молодых людей прослеживается явное несоответствие (разрыв) между восприятием своих цифровых навыков и способностью безопасно использовать современные информационно-коммуникационные технологии, а также правильно ориентироваться в информационном пространстве. Поспособствовала этому процессу и пандемия, которая заставила практически

ки все население страны организовать свое обучение, работу и досуг посредством ИКТ (Р.Р. Тимиргалеева, И. Ю. Гришин) [3, 4].

Организация образовательного процесса в высшей школе в период пандемии осуществлялась с использованием дистанционных образовательных технологий. Переход к работе в онлайн-формате обусловил необходимость поиска и использования новых «цифровых» форм работы со студенческой молодежью, создания электронной образовательной среды, необходимость развития информационно-коммуникационной компетенции профессорско-преподавательского состава (Н.В. Горбунова, А.В. Глузман) [2, 9].

Вместе с тем развитием цифрового потенциала молодежи необходимо последовательно и целенаправленно управлять, в том числе формировать цифровую культуру и безопасность (С.Б. Шапошник) [8].

Опираясь на социологическую трактовку термина «потенциал» (целостное представление о находящихся в резерве латентных возможностях того или иного объекта, которые способны реализоваться при благоприятно разворачивающихся условиях), под цифровым потенциалом молодых людей будем понимать качества и возможности молодого поколения разумно и безопасно использовать цифровые технологии, что предполагает организационную поддержку технического обеспечения, внедрения инновационных активностей и содержательного информационного наполнения онлайн-взаимодействия во всех сферах жизни молодежи. Данный термин описывает сферу деятельности молодежи, которая использует цифровые медиа и новейшие технологии для развития обще-

ства. Также термин может быть использован для описания работы молодежи, которая реализуется в социальных группах, в онлайн-среде. По сути, мы получаем цифровую деятельность молодежи, которая является новым форматом взаимодействия.

При этом отметим, что цифровая деятельность молодежи, реализуемая посредством ее цифрового потенциала, может использовать достаточно широкий инструментарий и активности (таблица 1).

Управление развитием цифрового потенциала молодежи предполагает комплексное и непрерывное использование цифровых активностей и инструментов, которые можно объединить в три группы: цифровые медиа, STEAM-образование, социальные сети и онлайн-контент, 3-Д и виртуальная реальность. Поскольку информационно-коммуникационные технологии меняются и развиваются достаточно быстро, претерпевают изменения и инструменты, поэтому цифровой потенциал молодежи необходимо развивать постоянно, чтобы молодые люди всегда успевали за развитием технологий и своевременно осваивали новые технологические навыки владения ими (Л.Д. Сайфуллина) [6, 7].

Отметим также, что каждый цифровой инструмент и активность дают значительные возможности для цифрового развития молодежи, но при этом нельзя забывать о появлении новых вызовов и рисков, с ними связанных, поэтому вместе с развитием цифровых навыков и компетенций необходимо обеспечить формирование у молодежи безопасного поведения в интернет-пространстве, что предполагает развитие умений анализировать риски и последствия, принимать обоснов-

Таблица 1

Инструментарий реализации цифрового потенциала молодежи

Инструменты: интернет-ресурсы, онлайн-ресурсы	Средства, обеспечивающие взаимодействие и доступ к информации, ее обмену, передаче и т.п.
Активности	Методы, формы и другие активности, для внедрения которых используются интернет-ресурсы (онлайн-ресурсы)
Информационный контент (информация, цифровые ресурсы)	Любая информация, размещенная на сайте, в блоке пользователя, на странице в социальной сети, используемая для работы в сети Интернет (фотографии, видео, объекты виртуальной реальности и интерактивного моделирования, инфографика и т.п.)

ванные решения и принимать на себя ответственность за их последствия. Для этого молодые люди должны владеть элементарными знаниями рисков в сети Интернет и средствами их профилактики, предупреждения рискованных и опасных ситуаций. Получить данные знания молодежь может как самостоятельно, так и с помощью средств неформального образования (курсы, учебные программы в интернете и т.д.). При этом безопасное и эффективное использование цифровых медиа и новых информационно-коммуникационных технологий представляют собой эффективный инструмент развития цифрового потенциала молодежи (С. А. Влазнева, В. М. Володин, И. А. Питайкина) [1].

Таким образом, развитие цифрового потенциала молодежи дает следующие возможности:

- возможность общаться, контакты и включенность в общество;
- возможность учиться в любое удобное для себя время и в удобном для себя месте, приобретение новых знаний и навыков;
- творческая реализация (фото, дизайн, аудио- и видео-продукты);
- трудовая активность;
- доступный инструмент для контактов;
- доступный инструмент для исследования процессов и результатов деятельности молодежи;
- возможность повышения квалификации и получения новых знаний, умений, навыков и компетенций.

Определим основные функции управления развитием цифрового потенциала молодежи:

- информационная функция — играет ключевую роль в становлении и функционировании современного информационного общества, основной составляющей которой является молодежь. Реализация информационной функции предполагает своевременное и полное информирование молодежи о тенденциях и перспективах развития технологий коммуникации, о возможных угрозах и рисках. Кроме того, своевременная и релевантная информация позволяет принимать эффективные управленческие решения;
- образовательная функция — реализуется посредством обучения молодежи по следующим направлениям развития цифрового потенциала: цифровая грамотность, общественная грамотность, получение новых

знаний и навыков. При этом цифровая грамотность предполагает обучение по таким аспектам цифровой информации, как безопасность в интернете, работа с большим массивом данных (Big Data), медиаграмотность. Медиаграмотность предполагает формирование у молодежи сознательного восприятия онлайн-контекста, умения получать наиболее важную, ценную и полезную информацию в онлайн-контенте, принимать активное участие в медиапроцессе, а также уметь защищаться от деструктивной информации. Общественная грамотность представляет собой обеспечение молодежи информацией относительно общественной среды (правовая осведомленность, формирование гражданской сознательности, знание своих возможностей и т.п.);

— коммуникативная функция — связывает все функции управления и обеспечивает формирование коммуникативных сетей;

— социализирующая функция — проявляется в формировании духовного мира молодого человека, его ценностных ориентаций и стереотипов молодого поколения.

При этом отметим, что все перечисленные функции тесно связаны между собой и, как правило, реализуются в комплексе.

Заключение. Подводя итоги, отметим, что для безопасной и эффективной деятельности с использованием цифровых технологий молодежь должна быть компетентной и грамотной в цифровом аспекте, в полной мере иметь возможность реализовать свой цифровой потенциал. Ошибочным является мнение, что достаточно просто квалифицированно использовать современные цифровые технологии, не умея в полном объеме владеть цифровыми знаниями и навыками, необходимыми для успешного обучения и трудоустройства, технологиями и методами защиты личной информации в интернете. Данные аспекты подтверждают необходимость управления развитием цифрового потенциала молодежи, которая не только сама должна овладеть соответствующими навыками и компетенциями, но и быть способной учить молодое поколение цифровой грамотности, являющейся основой для возможности использования цифровых медиа детьми и молодежью, грамотно реализовывать и за-

щищать свои права в сети Интернет, быть способными к цифровому сотрудничеству, обеспечению безопасности и грамотному решению возникающих проблем в процессе цифрового взаимодействия.

Литература

1. Володин В.М., Питайкина И.А., Влазнева С.А. Влияние цифровой экономики на трансформацию человеческого капитала // Экономические науки. — 2018. — №6 (163). — С. 44–48.

2. Горбунова Н.В., Глузман А.В. Дистанционное образование: реалии и перспективы // Гуманитарные науки (г. Ялта). — №2 (50). — 2020. — С. 51–57.

3. Интеллектуальная модель формирования индивидуальной образовательной траектории в условиях цифровой экономики / Тимиргалеева Р.Р. // Наука и мир. — 2020. — Т. 1. — №8 (84). — С. 71–75.

4. Концепция формирования интеллектуального образовательного навигатора / Тимиргалеева Р.Р., Гришин И.Ю. В сборнике: Информационные системы и технологии в моделировании и управлении. Сборник трудов V Международной научно-практической конференции. — 2020. — С. 437–443.

5. Цифровая экономика и ее роль в управлении современными социально-экономическими отношениями / Е.Н. Чижова, Л.И. Журавлева, И.А. Монастырская и др.; под ред. проф. Е.Н. Чижовой. — Белгород: Изд-во БГТУ, 2015. — 392 с.

6. Сайфуллина Л.Д. Управление человеческим капиталом в системе цифровых экономических отношений [Электронный ресурс] // Фундаментальные исследования. — 2018. — №11-1. — С. 92–96. — Режим доступа: <http://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=42306> (Дата обращения: 26.05.2019).

7. Человеческий капитал в формате цифровой экономики: Междунар. науч. конф., посвященная 90-летию С.П. Капицы, Москва (16 февраля 2018 г.): сб. докладов. — М.: Редакционно-издательский дом РосНОУ, 2018. — 432 с.

8. Шапошник С.Б. Научное сообщество как фактор развития информационного общества в регионах России // Информационное общество. — 2017. — №4–5. — С. 95–101.

9. Gorbunova N., Vaganova O., Smirnova Z., Chelnokova E., Gorbunova N., Kirillova I. Choosing an e-course architecture, International Journal of Advanced Trends in Computer Science and Engineering [Electronic resource]. — 2020. — Vol. 9. — №3. — P. 2679–2683. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43309202>.

References

1. Volodin V.M., Pitajkina I.A., Vlazneva S.A. Vlijanie cifrovoj jekonomiki na transformaciju chelovecheskogo kapitala [The impact of the digital economy on the transformation of human capital] // Jekonomicheskie nauki [Economic sciences]. — 2018. — №6 (163). — Pp. 44–48.

2. Gorbunova N.V., Gluzman A.V. Distancionnoe obrazovanie: realii i perspektivy [Distance education: realities and prospects] // Gumanitarnye nauki [Humanities] (g. Jalta). — №2 (50). — 2020. — Pp. 51–57.

3. Intellektual'naja model' formirovanija individual'noj obrazovatel'noj traektorii v uslovijah cifrovoj jekonomiki [Intellectual model of the formation of an individual educational trajectory in the conditions of the digital economy] / Timirgaleeva R.R. // Nauka i mir [Science and world]. — 2020. — Vol. 1. — №8 (84). — Pp. 71–75.

4. Koncepcija formirovanija intellektual'nogo obrazovatel'nogo navigatora [The concept of forming an intelligent educational navigator] / Timirgaleeva R.R., Grishin I. Ju. V sbornike: Informacionnye sistemy i tehnologii v modelirovanii i upravlenii. Sbornik trudov V Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii [In the collection: Information systems and technologies in modeling and management. Collection of proceedings of the V International Scientific and Practical Conference]. — 2020. — Pp. 437–443.

5. Cifrovaja jekonomika i ee rol' v upravlenii sovremennymi social'no-jekonomicheskimi otnoshenijami [Digital economy and its role in the management of modern socio-economic relations] / E.N. Chizhova, L.I. Zhuravleva, I.A. Monastyrskaja i dr.; in prof. E.N. Chizhova (eds.). — Belgorod: Izd-vo BGTU, 2015. — 392 p.

6. Sajfullina L.D. Upravlenie chelovecheskim kapitalom v sisteme cifrovyh jekonomicheskikh otnoshenij [Management of human cap-

ital in the system of digital economic relations] [Elektronnyj resurs] // Fundamental'nye issledovaniya [Fundamental Research]. — 2018. — №11-1. — Pp. 92–96. — URL: <http://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=42306> (Date accessed: 26.05.2019).

7. Chelovecheskij kapital v formate cifrovoj jekonomiki: Mezhdunar. nauch. konf., posvjashhennaja 90-letiju S.P. Kapicy, Moskva (16 fevralja 2018 g.): sb. dokladov [Human capital in the digital economy: International scientific conference dedicated to the 90th anniversary of S.P. Kapitsa, Moscow (February 16, 2018): collection of reports]. — Moscow: Redakcionno-izdatel'skij dom RosNOU, 2018. — 432 p.

8. Shaposhnik S. B. Nauchnoe soobshhestvo kak faktor razvitija informacionnogo obshhestva v regionah Rossii [Scientific community as a factor in the development of information society in the regions of Russia] // Informacionnoe obshhestvo [Information Society]. — 2017. — №4–5. — Pp. 95–101.

9. Gorbunova N., Vaganova O., Smirnova Z., Chelnokova E., Gorbunova N., Kirillova I. Choosing an e-course architecture, International Journal of Advanced Trends in Computer Science and Engineering [Electronic resource]. — 2020. — Vol. 9. — №3. — P. 2679–2683. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43309202>.

Поступила в редакцию

9 февраля 2021 г.

Тимиргалеева Рена Ринатовна — доктор экономических наук, профессор, директор Института экономики и управления Гуманитарно-педагогической академии (филиала) Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского в г. Ялте.

Timirgaleeva Rena Rinatovna — Doctor of Economic Sciences, Professor, Director of the Institute of Economics and Management of the Humanities and Education Science Academy (branch), Vernadsky Crimean Federal University in Yalta.

28635, г. Ялта, ул. Севастопольская, 2а
2a Sevastopolskaya st., 28635, Yalta, Russia
E-mail: renatimir@gmail.com

Горбунова Наталья Владимировна — доктор педагогических наук, профессор, директор Гуманитарно-педагогической академии (филиала) Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского в г. Ялте.

Gorbunova Nataliia Vladimirovna — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Director of the Humanities and Education Science Academy (branch), Vernadsky Crimean Federal University in Yalta.

28635, г. Ялта, ул. Севастопольская, 2а
2a Sevastopolskaya st., 28635, Yalta, Russia
E-mail: natalya-gor2008@yandex.ru

Гришин Игорь Юрьевич — доктор технических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Московского государственного университета (филиала) имени М. В. Ломоносова в г. Севастополе.

Grishin Igor Yurevich — Doctor of Engineering Sciences, Professor, Deputy Director for Scientific Work, Lomonosov Moscow State University (branch) in Sevastopol.

299000, г. Севастополь, ул. Героев Севастополя, 7
7 Geroev Sevastopolya st., 299000, Sevastopol, Russia
E-mail: igugri@gmail.com

УДК 314.1

10.17213/2075-2067-2021-2-149-159

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА НА СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КРЫМСКОЙ МОЛОДЕЖИ

© 2021 г. В. А. Чигрин*, А. А. Зоткин**, В. В. Узунув*

**Крымский филиал Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН, г. Симферополь, Россия*

***Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Россия*

Целью исследования является анализ влияния последствий пандемии коронавируса на особенности формирования социально-демографического потенциала крымской молодежи.

Методология исследования. В методологию исследования, результаты которого легли в основу статьи, положены требования классической социологии, предъявляемые как к очному анкетированию (до начала пандемии), так и к онлайн-анкетированию в период самоизоляции.

Результаты исследования. В статье определены факторы влияния пандемии на планы крымской молодежи относительно создания семей и рождения детей.

Перспективы исследования. В данной публикации даны прогнозы относительно развития социально-демографической ситуации на полуострове по окончании пандемии, что позволит органам власти формировать основы демографической политики на ближайшую перспективу.

Ключевые слова: демографический потенциал; молодежь; брачность; рождаемость; демографическая политика.

IMPACT OF THE CORONAVIRUS PANDEMIC ON THE SOCIO-DEMOGRAPHIC POTENTIAL OF CRIMEAN YOUTH

© 2021 V. A. Chigrin*, A. A. Zotkin**, V. V. Uzunov*

**Crimean Branch of the Federal Research Sociological Center,
Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia*

***Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia*

The aim of the study is to analyze the impact of the consequences of the coronavirus pandemic on the peculiarities of the formation of the socio-demographic potential of the Crimean youth.

Research methodology. The methodology of the study, the results of which formed the basis of the article, is based on the requirements of classical sociology, both for face-to-face questioning (before the outbreak of the pandemic) and for online questioning during the period of self-isolation.

The results of the study. The article defines the factors of the impact of the pandemic on the plans of the Crimean youth regarding the creation of families and the birth of children.

Research prospects. *This publication provides forecasts for the development of the socio-demographic situation on the peninsula after the end of the pandemic, which will allow the authorities to form the basis of demographic policy in the near future.*

Key words: *demographic potential; youth; marriage; birth rate; demographic policy.*

Введение. Современные достаточно неоднозначные и противоречивые процессы, которые сопровождают развитие общества, вызывают необходимость изменений в понимании и научной проработке сущности и характера демографических процессов и отношений. Ведь невзирая на особенности процесса глобализации, все активнее охватывающего практически все государства мира, следует констатировать, что именно глобализация дестабилизирует демографическую ситуацию и демографические процессы, которые постоянно вносят коррективы в планы экономической интеграции стран и их объединений, в программы «Открытие границ», «Свободное передвижение» и др. Свою лепту в негативные процессы социально-демографических изменений, происходящих в ряде стран мира, вносит и пандемия коронавируса, вызвавшая ослабление социальных связей и дестабилизацию социального контроля.

Таким образом, следует признать, что демографический фактор продолжает оставаться существенным фактором развития современного общества, который способен влиять (как положительно, так и по большей части негативно) на состояние и характер изменений социума в целом и его составляющих. Тем более, в условиях полиэтнического социума растущее осознание общественной значимости этнического фактора является условием постоянной научной актуальности этой проблематики, которую, по нашему мнению, следует рассматривать на основании универсального подхода, который делал бы возможным согласованное, комплексное использование методов, присущих всем отраслям обществоведения. В качестве оптимального механизма выработки такого подхода мы видим социологический дискурс, в рамках которого подготовлена настоящая статья.

7 мая 2018 года Президент Российской Федерации В.В. Путин подписал Указ, в соот-

ветствии с которым до 2024 года страна должна решить ряд стратегических задач «в целях осуществления прорывного научно-технологического и социально-экономического развития Российской Федерации, увеличения численности населения страны, повышения уровня жизни граждан, создания комфортных условий для их проживания, а также условий и возможностей для самореализации и раскрытия таланта каждого человека».

К числу первоочередных задач государственной политики, обозначенных в Указе, относится задача оздоровления демографической ситуации в стране и ее регионах. Отмечено, что правительству Российской Федерации при разработке национальной программы в сфере демографического развития необходимо исходить из того, что к 2024 году необходимо обеспечить увеличение продолжительности здоровой жизни до 67 лет, увеличение суммарного коэффициента рождаемости до 1,7, увеличение доли граждан, ведущих здоровый образ жизни и систематически занимающихся физической культурой и спортом.

Понятно, что эта задача — непростая. Понятно и другое, что основная нагрузка на ее выполнение ложится на конкретные регионы. К их числу, безусловно, относится и Крым, который в социально-демографическом плане довольно сложен.

Так, мы должны понимать, что, во-первых, процесс интеграции Крыма в экономическое, правовое, социально-демографическое, этноконфессиональное пространство России еще не завершился. Специфика Украины, которая в течение длительного времени находилась в пределах искусственно интегрированной в этнонациональном и региональном плане (за счет депортаций и «добровольного переселения») системы прежнего СССР, непосредственно отразилась на всех процессах, происходивших в Крыму. С этим прошлым нам еще предстоит бороться.

Во-вторых, специфическое физико-географическое положение Крыма, который непосредственно выходит на акватории Черного и Азовского морей, обуславливает особенности занятости и профессиональной принадлежности его населения, тем или иным образом связанного с морскими перевозками, рыболовством, производством и переработкой рыбной продукции, сельским хозяйством и обслуживанием рекреационного комплекса полуострова. С доставшимися от прошлого «перекосями», осложненными разного рода «санкциями», приходится сталкиваться чуть ли не каждый день.

В-третьих, Крым является одним из наиболее населенных регионов, со сложной этнической структурой, несбалансированной системой расселения, сложной и неравномерно развитой социальной инфраструктурой, особенно чувствительной к кризисным явлениям. Это приводит к большому количеству социальных проблем.

Следует учитывать, что крымский социум — это социум, который сформировался на руинах многонациональной империи. Характерными чертами таких империй являются, как правило, ущемления определенных этносов, которые проявлялись в насильственной депортации (не только этнической, но и социальной), наличии поселенческих ограничений (полосы или зоны оседлости, прописка, невозможность получить документы, которые дают возможность переехать в другую местность), создании искусственных этнонациональных территориальных единиц и др.

В социокультурной сфере также можно перечислить множество ограничений языкового характера, ограничений на традиции и обряды, создания таких условий, которые приводили бы к межэтническим конфликтам.

Все эти действия не были присущи «титularyной нации СССР», как пытаются доказать некоторые современные политики, в том числе М. Джемилев. Они представляли собой практическое воплощение квазиимперской идеологии, которую насаждали представители руководящих органов КПСС, относившиеся, кстати, к самым разным этносам. Создание в Сибири Еврейской автономии, «добровольное» освоение целинных и залежных земель, массовые депортации

и переселения — все это относится не только к «отцу народов», но и к иным адептам «новой исторической общности». Чего стоит только передача Крыма Украине, притом что в Крыму на 1 января 1959 г. фиксировалось 858273 человека, относящих себя к русским. А это, заметьте, 71,43 % населения Крыма [1].

В результате подобных, крайне субъективных, вмешательств в нормальные этнонациональные и региональные отношения на момент распада советской империи эти отношения были существенно искажены, что и обусловило специфику функционирования современного крымского полиэтнического социума, который еще совсем недавно принадлежал Украине.

Поэтому уже к распаду СССР сложилась особая позиция крымчан по отношению к будущему полуострова. Эта позиция особенно укрепилась к 2004–2005 году, когда Украину потряс первый «помаранчевый майдан», и окончательно укрепилась к 2013–2014 гг.

Для преодоления этих препятствий, без которого решение задач, сформулированных майским указом Президента, становится крайне сложным, нам следует иметь, что называется, «под рукой» данные социологического мониторинга, с помощью которых мы можем понять, что делать, когда делать, где делать и главное — на кого опираться в этом деле.

Даже наши точечные исследования, которые мы осуществляли с московскими исследователями (группа «Циркон»), позволяют отслеживать и прогнозировать некоторые социально-демографические процессы, например, ситуацию с миграциями населения в Крым и из Крыма.

Из таблицы мы видим, что большинство крымчан являются патриотами своего региона, и лишь некоторые хотели бы переехать. Но кто эти «некоторые», в каких районах Крыма они проживают, куда бы они хотели переехать? Ответы на эти вопросы существенно помогли бы в реализации системного подхода к демографической программе Крыма.

Социологи Крыма и Ростова [2] в инициативном порядке попытались изучить некоторые непосредственные процессы на социально-демографическом поле Крыма, изложив полученные данные на Первом Крымском социологическом форуме в конце мая 2018 года.

Так, было констатировано, что интеграция Республики Крым в общероссийское пространство актуализирует демографическую составляющую развития Республики Крым как движущую интеграционную силу, определяющую количественный и качественный базис человеческого капитала, выступавшего основой пространственного развития данного региона через показатели воспроизводства населения.

Вместе с тем показатели последних лет [3] отчетливо фиксируют негативные черты демографической обстановки в Крыму, связанные со снижением рождаемости, ростом смертности, деформацией половозрастной структуры, увеличением в ней численности пожилого контингента, ростом разводов, несбалансированными миграционными потоками. Именно эти факторы под влиянием системного социально-экономического кризиса определили ведущие тренды в социодемографических процессах 80–90-х гг. и детерминируют турбулентное состояние демографической ситуации в Крыму на современном этапе, что негативно сказывается на социальной консолидации крымского регионального сообщества и его интеграции в общероссийское пространство.

Основные публикации последних лет в области демографического развития Крыма связаны с осмыслением неблагоприятной динамики демографических процессов в данном регионе в их связи с самым широким спектром проблем регионального развития: в социально-экономической, политической, социокультурной сферах жизнедеятельности крымского регионального сообщества. Это исследования таких авторов, как М. М. Куз-

нецов, Н. А. Сидоренко, И. А. Сухарева, О. С. Третьякова, А. Г. Черникова [4, 5, 6, 7].

В ряде исследований поднимаются проблемы расселения в Республике Крым, что вызвано влиянием миграционных процессов и изменения в половозрастной структуре и этнической структуре населенных пунктов данной республики (А. П. Кучеров, Л. И. Супрычева, В. И. Засухина, Д. И. Узнародов) [8, 9].

В работах общероссийского характера демографическая ситуация анализируется также с кризисных позиций, что актуализирует в контексте проблемы интеграции крымского регионального сообщества в общероссийское пространство проблему поиска источников демографического неблагополучия в Крыму и в остальных регионах России с целью их устранения, но в рамках общей концепции пространственного развития России, которая обеспечила бы траекторию движения и устранения кризисных факторов в демографической сфере и ее дальнейшее развитие в русле единой стратегии.

Ученые не даром обращают внимание на то, что недавнее возвращение в состав России Крыма с Севастополем свидетельствует о важности изучения и прогнозирования демографической ситуации, характера расселения, специфики национального и языкового состава и связанных с ними этнокультурных и геополитических проблем в приграничных регионах постсоветского пространства [10, 11]. Эта проблема актуализируется тем сильнее, чем значительнее масштаб демографических проблем в общероссийском пространстве страны, связываемых многими исследователями с трансформацией института семьи и ее демографического поведения.

Таблица 1

Если бы представилась такая возможность, хотели бы Вы переехать в другой населенный пункт Республики Крым, другой регион, в другую страну? (в %)

Суждения респондентов исследования	Процент ответов
Нет, не хотел бы никуда уезжать	74,8
Хотел бы переехать в другой населенный пункт в пределах региона	4,4
Хотел бы переехать в другой регион России	8,4
Хотел бы уехать за границу, в другую страну	8,8
Затрудняюсь ответить	3,6

В целом, если проанализировать сложившиеся направления и точки зрения в области исследования демографических процессов в Крыму, можно выделить в качестве наиболее устоявшихся позиций те, в которых указывается на:

— кризисные факторы в функционировании демографической сферы крымского социума, связанные со снижением рождаемости, ростом смертности, деформацией структуры территориальных поселений (половозрастной, этнической);

— факторы снижения качества населения с точки зрения уровня его физического и духовного здоровья (роста заболеваемости, смертности, снижения репродуктивного потенциала, увеличения числа разводов в семьях);

— трансформацию этнокультурной и социальной структуры региона в контексте влияния миграционных процессов и характера взаимодействия двух основных «этнических акторов» — русских и крымских татар.

В целом можно заключить, что характер демографических проблем, с которыми сталкивается крымское региональное сообщество, во многом идентичен общероссийской демографической ситуации, что определяет значимость широкого спектра теоретических и прикладных работ в этом направлении. Однако прослеживается явный недостаток исследований, раскрывающих специфику демографического развития Крыма в совокупности комплекса влияющих на данный процесс факторов, особенно работ, рассматривающих демографические проблемы развития Крыма в контексте социальных последствий пандемии коронавируса.

Некоторые процессы, наметившиеся в этих условиях в демографической картине региона, прослеживаются в результатах исследований, проведенных социологами Крыма. Здесь мы представляем результаты опроса молодежи Крыма (Республика Крым и г. Севастополь), который был проведен методом простой случайной выборки в апреле-мае 2020 г. (руководитель проекта — А. А. Зоткин, главный научный консультант проекта — В. А. Чигрин, организаторы опроса — Крымский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН и Крымский федеральный университет имени В. И. Вер-

надского). Объем выборки составил 1034 респондента в возрасте 18–35 лет по всем регионам Крыма (включая г. Севастополь). Выборка репрезентирует молодежь Крыма по основным социально-демографическим показателям. Ошибка выборки $\approx 3\%$.

Наиболее наглядными из числа множества индикаторов, характеризующих состояние демографической ситуации в стране или регионе, являются показатели жизненного планирования. Связь очевидна — чем короче планирование, тем ниже уверенность, тем более проблематичной во всех отношениях становится демографическая ситуация.

Отметим, что кризисное состояние в целом характерно для обществ постсоветского пространства. В сознании молодежи оно может иметь особенно острое восприятие. Из таблицы 2 наглядно видно, что значительный сегмент крымской молодежи или вообще не составляет жизненные планы (15,5%), или имеет предельно краткие (на 1–7 дней — 18,8%) и краткие (на 1 месяц — 12,3%) сроки планирования своей жизни во всех ее сегментах — от места будущей работы до создания семьи и рождения детей. Суммарно сегмент не планирующих или кратко планирующих свою жизнь молодых респондентов составляет чуть более 46% от опрошенных. Среднесрочное планирование (на полгода и на 1 год) — у 27,5% респондентов. О долгосрочном жизненном планировании (на 5 и на 10 лет) ответили лишь 15,7% респондентов. Таким образом, можно предположить, что эта тенденция характеризует некоторый рост неуверенности, что характерно для молодежи, которая находится в поиске своего места в социальном мире и неожиданно столкнулась с пандемией, дестабилизировавшей рынок труда, социальные связи и контакты и т. д.

Социально-экономическая нестабильность, порожденная обострением проблем на мировом уровне, катализатором которых стала пандемия COVID-19, оказывает негативное влияние на социально-психологические установки планирования, в том числе и относительно таких важных жизненных вопросов, как брак и рождение детей (таблица 3).

Из таблицы видно, что значительный сегмент респондентов (20%) не имеет определенных планов относительно своего бра-

ка, а традиционная ранее модель заключения брака до 20 лет поддерживается крайне малой частью современной молодежи (3,6%). В целом замечено, что модель брачного поведения по сравнению с предыдущими поколениями постепенно смещается в сторону более позднего брака. Вместе с тем это может быть проявлением тенденций культурной глобализации и «калькированием» вестернизированных моделей брачного поведения.

Высокий уровень согласия вступить в брак с представителями иных социальных групп (см. табл. 4) демонстрирует, что современная молодежь в целом очень открыта внешнему миру и лишена предрассудков ксенофобии. Относительно меньший уровень со-

затии и «калькированием» вестернизированных моделей брачного поведения.

Таблица 2

На какой период Вы планируете свою жизнь?, %

Суждения респондентов исследования	Процент ответов
На 1–7 дней	18,8
На 1 месяц	12,3
На полгода	12,1
На 1 год	15,4
На 5 лет	10,1
На 10 лет	5,6
Я вообще не планирую свою жизнь	15,5
Затрудняюсь ответить	10,3

Таблица 3

**В каком возрасте Вы планируете вступить в брак?
Если Вы в браке, то в каком возрасте вступили?, %**

Суждения респондентов исследования	Процент ответов
До 20 лет	3,6
20–25 лет	37,7
25–30 лет	31,2
30–35 лет	5,9
После 35 лет	1,5
Не имею определенных планов	20

Таблица 4

Согласие вступить в брак с представителями групп, %

Суждения респондентов исследования	Процент ответов
С представителем другого вероисповедания	49,5
С представителем иной расы	51,8
С представителем иных политических убеждений	61,2
С представителем иного социального статуса (ниже Вашего)	67,5
С представителем иной национальности	68,3
С представителем иной страны	82,3
С представителем иного социального статуса (выше Вашего)	84,2

гласия на брак с представителями иной расы (51,2%) и иного вероисповедания (49,5%), скорее, связаны с опасениями трудностей культурной интеграции, в то время как более высокий уровень согласия на брак с представителями более высоких статусов и иностранцами, возможно, имеет подоплеку в социальных мифах, которые бытуют в среде современной молодежи. Заметим, что наиболее консервативными в этом плане являются молодые люди и девушки, исповедующие ислам, а наиболее свободно высказывают свои желания респонденты, не подчеркивающие своей религиозности.

Значительный сегмент крымской молодежи тяготеет, как демонстрируют данные

таблицы 5, к модели генеративного поведения с нулевым приростом (в планах родить 2 детей почти у 45% опрошенных). Модель генеративного поведения с положительным воспроизводством (3 и более детей) зафиксирована у 20,6% респондентов. Минусовое воспроизводство обозначено в планах почти 22% тех респондентов, которые хотят завести 1 ребенка (15%) или вообще не хотят детей (6,9%). При этом следует подчеркнуть, что в определении этих тенденций необходимо учитывать подвижность и изменчивость социально-психологических установок молодежи. Здесь мы получили возможность сравнить «доковидные» и «ковидные» показатели, которые показывают, что пандемия

Таблица 5

Сколько всего детей Вы хотели бы иметь в будущем?, %

Суждения респондентов исследований	2018 год	2020 год
Одного	8,3	15
Двух	53,4	44,9
Трех	15	16,2
Более трех	5,2	4,4
Ни одного	6,1	6,9
Затрудняюсь с ответом	12	12,7

Таблица 6

Что может помешать Вам завести столько детей, сколько хотелось бы?, %¹

Суждения респондентов исследований	2018 год	2020 год
По состоянию здоровья	21	21,9
У меня есть личные убеждения (религиозные, чайлдфри и т.п.)	8,3	9,4
Это слишком высокий уровень ответственности для меня	14,7	24,6
Материально-экономические трудности	41,9	42,9
Отсутствие помощи со стороны моих родителей и родителей супруга(и)	2,2	3,8
Перспективы (необходимость) профессионального и карьерного роста	23,9	25,8
Отсутствие собственного жилья	26	30,8
Отсутствие любви и взаимопонимания с супругом(ой)	11,7	20,4
Ничто не сможет помешать	18,5	21,8
Затрудняюсь ответить	11,9	8,4
Другое		2

¹ Процент ответов превышает 100%, поскольку можно было выбрать несколько вариантов ответа.

несколько умерила соответствующие планы молодых людей в Крыму.

Подобную тенденцию мы наблюдаем и среди факторов, которые стали бы препятствием в реализации планов по рождению детей, в установках современной молодежи. Как видно из таблицы 6, три лидирующих позиции в 2020 «пандемическом году» занимают материально-экономические трудности (42,9%), жилищный вопрос (30,8%), перспективы карьеры (25,8%). Немаловажное значение для планов деторождения, с точки зрения молодежи, имеют вопросы здоровья (21,9%) и психологического климата в отношениях с партнером (так, отсутствие любви и взаимопонимания может стать препятствием для планов деторождения у 20,4% респондентов). Также заметный сегмент опрошенных (24,6%) отметил наличие страхов за высокий уровень ответственности при рождении детей. Логика таких ответов вполне понятна, исходя из общей социальной неуверенности молодежи, о чем уже говорилось выше. В то же время ответы продемонстрировали наличие среди молодежи сегмента, который предельно уверен в своих планах относительно вопроса рождения детей. Ответили, что ничто не сможет им помешать завести столько детей, сколько хотелось бы, 21,8%. Сугубо эгоистичные установки (личные убеждения, чайдффри — 9,4%) в молодежной среде выражены очень слабо, а инфантильно-потребительские (отсутствие помощи со стороны родителей — 3,8%) — практически на самом низком уровне.

Таким образом, кризисное состояние, характерное в целом для обществ постсоветского пространства и обостренное пандемией COVID-19 и ее социально-экономическими последствиями, создает у молодежи, которая переживает это особенно остро, фон некоторой неуверенности в будущем. На это накладываются тенденции глобализации культуры и трансляции вестернизированных моделей социального поведения. Это в совокупности выражается в показателях готовности перехода молодежи к тем или иным моделям брачного и генеративного поведения. При этом следует отметить, что на региональном уровне молодежь все еще имеет запас прочности традиционных семейных ценностей, стимулирующих к выверенным моделям социального поведения в этой сфере.

Заключение. С учетом актуализации вопросов, связанных со стратегией пространственного развития России, осложняющегося социальными последствиями пандемии коронавируса, авторы считают необходимым перенос центра тяжести исследований на региональный уровень.

Так, сегодня необходим глубокий анализ демографической ситуации в Крыму с целью выявления демографического потенциала региона и перспектив его развития в контексте социальной консолидации регионального сообщества. Ибо только консолидированное сообщество может не только эффективно включиться в макространство, но и стать источником благополучного сценария его развития на основе понимания общих целей и задач пространственного развития и видения конечного результата.

Выступая в Ялте 23 ноября 2018 года, В.В. Путин отметил: «Конкретных результатов мы с вами должны добиваться не на бумаге, а на территориях — в городах и деревнях. Нам нужна не средняя температура по больнице, а реальные изменения. Нам нужны не формулировки красивые на бумаге, а подъем уровня жизни людей».

Литература

1. Население Крыма [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>.
2. Верецагина А. В. Демографические индикаторы развития Крыма и его интеграции в Общероссийское пространство / А. В. Верецагина // Состояние и проблемы социокультурной интеграции Крыма в Россию: материалы I Крымского социологического форума (Симферополь, 27–29 мая 2018 г.) / отв. ред. Ю. Г. Волков, В. А. Чигрин; сост. В. О. Вагина, Н. Н. Гонтаренко. — Симферополь, 2018. — Ч. 1. — С. 98–102.
3. Федеральная служба государственной статистики Республики Крым [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://crimea.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/crimea.ru/statistics/stat_Crimea/population/.
4. Кузнецов М. М. Демографический аспект формирования человеческого капитала Республики Крым / М. М. Кузнецов // Общество: политика, экономика, право. — 2015. — № 6. — С. 30–37.

5. Сидоренко Н. А. Роль миграции населения в социально-демографическом развитии Крыма второй половины XX века / Н. А. Сидоренко // Молодой ученый. — 2014. — №14. — С. 229–233.

6. Сухарева И. А. Сравнительная характеристика заболеваемости, смертности и ожидаемой продолжительности жизни мужчин и женщин в Республике Крым / И. А. Сухарева // Медицинский альманах. — 2016. — №1 (41). — С. 14–15.

7. Черникова А. Г. Влияние крымского кризиса на уровень и качество жизни населения [Электронный ресурс] / А. Г. Черникова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Экономика. — Майкоп, 2014. — №1 (138). — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyaniekrymskogo-krizisa-na-uroven-i-kachestvo-zhizni-naseleniya>.

8. Кучеров А. П., Супрычева Л. И., Засухина В. И. Типологизация сельских населенных пунктов Республики Крым по численности постоянного населения / А. П. Кучеров, Л. И. Супрычева, В. И. Засухина // Крымский научный вестник. — 2015. — №6. — С. 169–180.

9. Узнародов Д. И. Этносоциальные процессы в Крыму в постсоветский период: конфликтогенные факторы и исторические предпосылки / Д. И. Узнародов // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. — Ростов-на-Дону, 2016. — №3 (191). — С. 60–66.

10. Чигрин В. А. Особенности интеграции этносов Крыма в российский полиэтнический социум / В. А. Чигрин // Гуманитарий Юга России. — 2016. — №4. — С. 84–94.

11. Демографическое развитие постсоветского пространства: сборник статей и аналитических материалов / под ред. М. Б. Денисенко, Р. В. Дмитриева, В. В. Елизарова. — М.: Изд-во эконом. ф-та МГУ им. М. В. Ломоносова, 2018. — 368 с.

Obshherossijskoe prostranstvo [Demographic indicators of the development of the Crimea and its integration into the All-Russian space] / A. V. Vereshhagina // Sostojanie i problemy sociokul'turnoj integracii Kryma v Rossiju: materialy I Krymskogo sociologicheskogo foruma (Simferopol', 27–29 maja 2018 g.) [The state and problems of the socio-cultural integration of the Crimea into Russia: materials of the I Crimean Sociological Forum (Simferopol, May 27–29, 2018)] / in Ju. G. Volkov, V. A. Chigrin (eds.); sost. V. O. Vagina, N. N. Gontarenko. — Simferopol', 2018. — Part 1. — Pp. 98–102.

3. Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki Respubliki Krym [Federal State Statistics Service of the Republic of Crimea] [Elektronnyj resurs]. — URL: http://crimea.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/crimea/ru/statistics/stat_Crimea/population/.

4. Kuznecov M. M. Demograficheskij aspekt formirovanija chelovecheskogo kapitala Respubliki Krym [Demographic aspects of human capital formation of the Republic of Crimea] / M. M. Kuznecov // Obshhestvo: politika, jekonomika, pravo [Society: politics, economics, law]. — 2015. — №6. — Pp. 30–37.

5. Sidorenko N. A. Rol' migracii naselenija v social'no-demograficheskom razvitii Kryma vtoroj poloviny XX veka [The Role of migration in the socio-demographic development of the Crimea in the second half of the twentieth century] / N. A. Sidorenko // Molodoj uchenyj [Young scientist]. — 2014. — №14. — Pp. 229–233.

6. Suhareva I. A. Sravnitel'naja harakteristika zabolevaemosti, smertnosti i ozhidaemoj prodolzhitel'nosti zhizni muzhchin i zhenshhin v Respublike Krym [Comparative characteristics of morbidity, mortality and life expectancy of men and women in the Republic of Crimea] / I. A. Suhareva // Medicinskij al'manah [Medical almanac]. — 2016. — №1 (41). — Pp. 14–15.

7. Chernikova A. G. Vlijanie krymskogo krizisa na uroven' i kachestvo zhizni naselenija [Influence of the Crimean crisis on the level and quality of life of the population] [Elektronnyj resurs] / A. G. Chernikova // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Jekonomika [Bulletin of the Adygeya State University. Series: Economics]. — Majkop, 2014. — №1 (138). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyaniekrymskogo-krizisa-na-uroven-i-kachestvo-zhizni-naseleniya>.

References

1. Naselenie Kryma [The population of the Crimea] [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>.

2. Vereshhagina A. V. Demograficheskie indikatory razvitija Kryma i ego integracii v

8. Kuchеров А.Р., Супрычева Л.И., Засухина В.И. Типологизация сел'sких населенных пунктов Республики Крым по численности постоянного населения [Typology of rural settlements of the Republic of Crimea on population] / А.Р. Кучеров, Л.И. Супрычева, В.И. Засухина // Крымский научный вестник [Scientific Bulletin of the Crimean]. — 2015. — №6. — Pp. 169–180.

9. Uznarodov D. I. Jetnosocial'nye processy v Krymu v postsovet'skij period: konfliktogennye faktory i istoricheskie predposylki [Ethno-Social processes in the Crimea in the post-Soviet period: conflict-generating factors and historical background] / D. I. Uznarodov // Izvestija vuzov. Severo-Kavkazskij region. Serija: Obshhestvennye nauki [The North Caucasus region. Series:

Social Sciences]. — Rostov-on-Don, 2016. — №3 (191). — Pp. 60–66.

10. Chigrin V. A. Osobennosti integracii jetnosov Kryma v rossijskij polijetnicheskij socium [Features of integration of ethnic groups of the Crimea into the Russian polyethnic society] / V. A. Chigrin // Gumanitarij Juga Rossii. — 2016. — №4. — Pp. 84–94.

11. Demograficheskoe razvitie postsovet'skogo prostranstva: sbornik statej i analiticheskikh materialov [Demographic development of the post-Soviet space: collection of articles and analytical materials] / in M. B. Denisenko, R. V. Dmitriev, V. V. Elizarov (eds.). — Moscow: Izd-vo jekonom. f-ta MGU im. M. V. Lomono-sova, 2018. — 368 p.

Поступила в редакцию

16 февраля 2021 г.

Чигрин Виктор Александрович — доктор социологических наук, профессор, научный руководитель, главный научный сотрудник Крымского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.

Chigrin Viktor Alexandrovich — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Scientific Supervisor, Chief Researcher of the Crimean branch of the Federal Research Sociological Center, Russian Academy of Sciences.

295021, Республика Крым, Симферополь, ул. им. газеты Крымская правда, 4
4 im. gazeta Krymskaya pravda st., 295021, Republic of Crimea, Simferopol, Russia
E-mail: sociochigrin@mail.ru

Зоткин Андрей Алексеевич — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры философии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.

Zotkin Andrey Alekseevich — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy of the Vernadsky Crimean Federal University.

295021, Республика Крым, Симферополь, ул. им. газеты Крымская правда, 4
4 im. gazeta Krymskaya pravda st., 295021, Republic of Crimea, Simferopol, Russia
E-mail: zotkin @mail.ru

Узунов Владимир Владимирович — доктор политических наук, доцент, директор Крымского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.

Uzunov Vladimir Vladimirovich — Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Director of the Crimean Branch of the Federal Research Sociological Center, Russian Academy of Sciences.

295021, Республика Крым, Симферополь, ул. им. газеты Крымская правда, 4
4 im. gazeta Krymskaya pravda st., 295021, Republic of Crimea, Simferopol, Russia
E-mail: vladimir.uzunov@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Авторам, направляющим свои статьи в журнал, необходимо придерживаться следующих правил оформления.

1. Перед текстом статьи помещаются (в указанном порядке): код УДК; заглавие публикуемого материала (на рус. и англ. языке); ФИО авторов (на рус. и англ. языке); полное название организации — место работы каждого автора в именительном падеже, страна, город (на рус. и англ. языке); аннотация (на рус. и англ. языке). В аннотации должны быть выделены следующие смысловые блоки: «Цель исследования», «Методология исследования», «Результаты исследования», «Перспективы исследования»; ключевые слова или словосочетания (на рус. и англ. языке), отделенные друг от друга точкой с запятой.

2. Текст статьи. Статья должна быть набрана в соответствии с правилами компьютерного набора. Статья должна быть оформлена в форматах .doc (Office 1997–2003), .odt (openOffice.org2), .rtf (World Pad), через 1,5 интервала, шрифтом Times New Roman, кегль 14. Поля со всех сторон — 2,5 см, без автопереноса.

Объем статьи должен быть не менее 6 страниц машинописного текста, включая формулы, таблицы, рисунки, список литературы.

Номер и название таблицы указывается над таблицей; номер и название рисунка указывается под рисунком.

При использовании в тексте кавычек используется, т.н. типографские кавычки («»). Тире обозначается символом «—» (длинное тире); дефис «-» (минус). Все сокращения должны быть при первом употреблении полностью расшифрованы, за исключением общепринятых сокращений.

Если статья содержит рисунки (фотографии, чертежи), схемы и формулы, созданные программными средствами, не входящими в пакеты MS Office и openOffice.org, файлы-исходники этих изображений должны быть предоставлены вместе со статьей. Рисунки должны быть выполнены в черно-белой гамме или контрастной гамме оттенков серого.

Текст статьи должен быть разделен на рубрики. Обязательными являются рубрики «Введение» и «Заключение». Основной текст статьи должен быть разделен на рубрики, отражающие основные смысловые блоки работы. Допускается также выделение таких рубрик, как «Обзор научно-исследовательской литературы», «Методология исследования», «Результаты исследования», «Обсуждение результатов исследования».

Также к статье прилагается фотография автора (авторов) статьи в виде отдельного графического файла (желательно фото на светлом однородном фоне).

3. После текста статьи помещаются: пристатейный список литературы; сведения об авторах публикуемого материала: ФИО авторов полностью; место работы (если все авторы статьи работают в одной организации можно не указывать место работы каждого автора отдельно); подразделение организации, должность, звание, ученая степень; корреспондентский почтовый адрес; адрес электронной почты для каждого автора. Также предоставляется краткая научная биография автора (авторов).

4. Оформление пристатейного списка литературы. Пристатейный список литературы включает в себя «Список литературы» на русском языке и «Reference» в виде транслитерации латиницей. Список литературы приводится в алфавитном порядке. Оформление ссылок в виде подстраничных сносок не допускается. Ссылки на источники в тексте оформляются в виде номера источника в квадратных скобках [].

Библиографические ссылки должны быть оформлены в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5-2008, ссылки на электронные источники — в соответствии с рекомендациями РНБ и РИНЦ.

О стандартах оформления ссылок:

ГОСТ: <http://protect.gost.ru/document.aspx?control=7&id=173511>.

Рекомендации РНБ: <http://www.vss.nlr.ru/publications/mangutova2.html>.

Рекомендации РИНЦ: <http://www.vstmag.ru/regl.html#2>.